

ISSN 2412-8562(print)
ISSN 2658-7777(online)
doi: 10.32603/2412-8562

ДИСКУРС

Том 6 № 3/2020

DISCOURSE

Volume 6 No. 3/2020

Санкт-Петербург
Издательство СПбГЭТУ «ЛЭТИ»

Saint Petersburg
ETU Publishing house

2020

ДИСКУРС

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-62347 от 14.07.2015.

Подписной индекс по объединенному каталогу «Пресса России» 71225.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)» (СПбГЭТУ «ЛЭТИ»).

Издаётся с сентября 2015 г., выходит шесть раз в год.

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ, индексируется и архивируется в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ), является членом Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ) и CrossRef.

Языки: русский, английский.

Редакция журнала: 197376, Санкт-Петербург, ул. Профессора Попова, 5, тел. / факс: +7 (812) 234-10-13, e-mail: discourse@etu.ru, <http://discourse.etu.ru>

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

А. Ф. Иванов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

Заместитель главного редактора

Н. К. Гигаури, канд. техн. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

Редакционная коллегия:

Г. А. Баева, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

Е. В. Боднарчук, д-р филос. наук, доц., Северный (Арктический) федеральный ун-т им. М. В. Ломоносова, Архангельск, Россия

А. О. Бороноев, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

С. С. Бразевич, д-р социол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

А. В. Волков, д-р филос. наук, проф., Петрозаводский государственный ун-т, Петрозаводск, Россия

П. П. Дерюгин, д-р социол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

Д. Ю. Дорофеев, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский горный ун-т, СПб., Россия

Ю. А. Дубовский, д-р филос. наук, проф., Пятигорский государственный ун-т, Пятигорск, Россия

С. М. Елисеев, д-р полит. наук, проф., Ун-т при межпарламентской ассамблее ЕВРАЗЭС, СПб., Россия

В. И. Игнатьев, д-р филос. наук, проф., Новосибирский государственный технический ун-т, Новосибирск, Россия

А. А. Изгарская, д-р филос. наук, доц., Новосибирский государственный ун-т, Новосибирск, Россия

Е. Н. Лисанюк, д-р филос. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

Б. В. Марков, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

Т. В. Мельникова, д-р филос. наук, доц., Сибирский федеральный ун-т, Красноярск, Россия

В. П. Милецкий, д-р полит. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

Цели и тематика:

Журнал «ДИСКУРС» – периодическое международное рецензируемое научное издание – представляет результаты научных исследований российских и зарубежных ученых и ориентирован на социогуманитарные проблемы развития общества. Материалы публикуются по трем направлениям, соответствующим группам научных специальностей:

- Философские науки (онтология и теория познания; этика; логика; философия науки и техники; социальная философия; философская антропология; философия культуры).
- Социологические исследования (теория, методология и история социологии; социальная структура, социальные институты и процессы; политическая социология; социология культуры; социология управления).
- Теоретическое и прикладное языкознание (германские языки; теория языка; прикладная и математическая лингвистика).

Цель журнала – создание и развитие профессиональной коммуникационной платформы для междисциплинарного диалога и дискуссий по актуальной социогуманитарной проблематике.

Публикации в журнале бесплатны.

Задачи:

- публикация оригинальных результатов научных исследований по различным вопросам философского, лингвистического, культурологического

С. И. Росенко, д-р социол. наук, проф., Национальный государственный ун-т физической культуры, спорта и здоровья им. П. Ф. Лесгафта, СПб., Россия

И. Б. Руберт, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный экономический ун-т, СПб., Россия

Е. Г. Соколов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

А. В. Солдатов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный морской технический ун-т, СПб., Россия

А. Ю. Сторожук, д-р филос. наук, вед. н. с., Ин-т философии и права СО РАН, Новосибирск, Россия

Е. В. Строгеева, канд. полит. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

Н. А. Трофимова, д-р филос. наук, доц., Высшая школа экономики, СПб., Россия

В. В. Тузов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

С. В. Чебанов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

С. И. Черных, д-р филос. наук, доц., Новосибирский государственный аграрный ун-т, Новосибирск, Россия

А. А. Шумков, д-р филос. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

С. В. Шустова, д-р филос. наук, доц., Пермский государственный национальный исследовательский ун-т, Пермь, Россия

В. В. Щербина, д-р социол. наук, проф., Российский государственный гуманитарный ун-т, Москва, Россия

М. П. Яценко, д-р филос. наук, доц., Сибирский федеральный ун-т, Красноярск, Россия

Balkrishna Vithal Bhosale, Ph. D., Prof., University of Mumbai, Mumbai, Indian

Kristina Štrkalj Despot, Ph. D., Prof., Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, Zagreb, Croatia

Nesteruk Aleksey, Ph. D., Prof., University of Portsmouth, Portsmouth, United Kingdom

Zhang Baichun, Ph. D., Prof., Beijing Normal University, Beijing, China

и социологического характера, полученных широким кругом авторов – как признанных ученых и специалистов, так и начинающих свой путь в профессии молодых исследователей из научных организаций России и зарубежных стран;

- осуществление коммуникации между российскими и зарубежными специалистами – философами, социологами, лингвистами, работающими в научных организациях разных ведомств;
- интеграция возможностей мультидисциплинарного подхода к гуманитарным исследованиям;
- усиление возможностей интеграции отечественных научных школ в международное научное сообщество.

Полные сведения о журнале, его редакционной политике, принятых этических стандартах, требования к подготовке статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте <https://discourse.etu.ru>

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License

DISCOURSE

The Journal is registered by Federal Service for Supervision of Communication, Information Technology and Mass Media (PI No F577-62347 of 14.07.2015)
Subscription index in "Press of Russia" catalogue 71225

Founder and publisher: Saint Petersburg Electrotechnical University

Founded in 2015. Issued 6 times a year

Accepted Languages: Russian, English

The Journal is included in the list of peer-reviewed scientific publications of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation. Indexed and archived in the Russian Science Citation Index (RSCI). It is a member of the Association of Scientific Editors and Publishers and CrossRef

Editorial address: Saint Petersburg Electrotechnical University, 5 Prof.

Popov Str., St Petersburg 197376, Russia

Tel.: +7 (812) 234-10-13, e-mail: discourse@etu.ru, <http://discourse.etu.ru>

THE EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Andrey F. Ivanov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Deputy Editor-in-Chief

Nina K. Gigauri, Can. of Sci. (Eng.), Assoc. Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

EDITORIAL BOARD

Galina A. Baeva, Dr. of Sci. (Philol.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Elena V. Bodnaruk, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Northern (Arctic) Federal University Named after M. V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia

Asalkhan O. Boronoev, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Svyatoslav S. Brazevich, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Aleksey V. Volkov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia

Pavel P. Deryugin, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Daniil Yu. Dorofeev, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint-Petersburg Mining University, St Petersburg, Russia

Yurii A. Dubovskiy, Dr. of Sci. (Philol.), Prof., Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia

Sergei M. Eliseev, Dr. of Sci. (Polit.), Prof., University associated with IA EAEC, St Petersburg, Russia

Vladimir I. Ignatyev, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia

Anna A. Izgarskaya, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia

Elena N. Lisanyuk, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Boris V. Markov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Tatyana V. Melnikova, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

Vladimir P. Miletskiy, Dr. of Sci. (Polit.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Svetlana I. Rosenko, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Lesgaft National State University of Physical Education, Sport and Health, St Petersburg, Russia

Irina B. Rubert, Dr. of Sci. (Philol.), Prof., Saint-Petersburg State Economic University, St Petersburg, Russia

Evgeniy G. Sokolov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Alexander V. Soldatov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., State Marine Technical University, St Petersburg, Russia

Anna Yu. Storozhuk, Dr. of Sci. (Philos.), Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the RAS, Novosibirsk, Russia

Elena V. Strogetskaia, Can. of Sci. (Polit.), Assoc. Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Nella A. Trofimova, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Higher School of Economics, St Petersburg, Russia

Victor V. Tuzov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Sergei V. Chebanov, Dr. of Sci. (Philol.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Sergei I. Chernykh, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Novosibirsk State Agrarian University, Novosibirsk, Russia

Andrei A. Shumkov, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Svetlana V. Shustova, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Perm State University, Perm, Russia

Vyacheslav V. Shcherbina, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Mikhail P. Yatsenko, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

Balkrishna Vithal Bhosale, Ph. D., Prof., University of Mumbai, Mumbai, Indian

Kristina Štrkalj Despot, Ph. D., Prof., Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, Zagreb, Croatia

Nesteruk Aleksey, Ph. D., Prof., University of Portsmouth, Portsmouth, United Kingdom

Zhang Baichun, Ph. D., Prof., Beijing Normal University, Beijing, China

Aim and scope: DISCOURSE The Journal is a periodical international peer-reviewed scientific publication. The Journal presents the results of scientific research of Russian and foreign scientists and is focused on the publication of materials on the socio-humanitarian problems of the development of society. The Journal publishes papers in three areas for the corresponding groups of scientific specialties:

- Philosophical sciences (ontology and theory of knowledge, ethics, logic, philosophy of science and technology, social philosophy, philosophical anthropology, philosophy of culture);
- Sociological research (theory, methodology and history of sociology, social structure, social institutions and processes, political sociology, sociology of culture, management sociology);
- Theoretical and applied linguistics (Germanic languages, language theory, applied and mathematical linguistics)

The goal of the Journal is the establishment and development of a professional communication platform for interdisciplinary dialogue and discussions on actual socio-humanitarian issues within the thematic areas of the Journal.

All publications in the Journal are free.

Mission of the Journal:

- Publication of the original results of scientific research on various issues of a philosophical, linguistic, cultural and sociological nature, received by a wide range of authors – both recognized scientists and specialists, and starting their career in the profession of young researchers and scientific organizations in Russia and foreign countries.
- Communication between Russian and foreign specialists – philosophers, sociologists, linguists working in scientific organizations of various departments;
- Integration of the capabilities of a multidisciplinary approach to humanitarian research;
- Strengthening the integration of domestic scientific schools in the international scientific community.

Full information about the Journal, its editorial policies, accepted ethical standards, requirements for the preparation of papers, an archive and additional information are available at <https://discourse.etu.ru>

All the materials of the journal are available under a Creative Commons Attribution 4.0 License

СОДЕРЖАНИЕ

Оригинальные статьи

ФИЛОСОФИЯ

Герасимов С. В., Терещенко П. А. Сторителлинг политических лидеров как инструмент символической политики	5
Nesteruk, A. V., Soldatov, A. V. Some Philosophical Problems of Studying Complex Systems in the Universe.....	21
Шипунова О. Д., Березовская И. П. Ценностные приоритеты современной молодежи в социальной адаптации.....	35

СОЦИОЛОГИЯ

Нечаева А. А. Теоретико-методологические подходы к анализу коллективной памяти в мемори стадиз	46
Милецкий В. П., Никифорова О. А. Эволюция политических симулякров в цифровом обществе (на примере «фейк-ньюс» и «постправды»).....	63
Щербина А. В. Трансгуманизм в аналитических перспективах классической и неклассической социологии	76
Шекера Е. А. Дагестанская молодежь в Санкт-Петербурге: социальная карта расселения	92

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Polyakov O. M. Linguistic Data Model for Natural Languages and Artificial Intelligence. Part 5. Introduction to Logic.....	107
Мурзаков А. А. Типология основных ошибок начинающих технических переводчиков с английского.....	116
Telezhko G. M. On the Divergence of Voiced Lateral Approximants in Indo-European languages.....	128
Ульяницкая Л. А. Феминизация языка в социально-политическом пространстве России и Франции	137
Правила представления рукописей авторами	155

CONTENTS

Original papers

PHILOSOPHY

Gerasimov S. V., Tereshchenko P. A. Storytelling of Political Leaders as an Instrument of Symbolic	5
Nesteruk, A. V., Soldatov, A. V. Some Philosophical Problems of Studying Complex Systems in the Universe.....	21
Shipunova O. D., Berezovskaya I. P. Value Priorities of Modern Youth in Social Adaptation.....	35

SOCIOLOGY

Nechaeva A. A. Theoretical and Methodological Approaches to Collective Memory Analysis in Memory Studies.....	46
Miletskiy V. P., Nikiforova O. A. Evolution of Political Simulacra in Digital Society (on the Examples of “fake news” and “post-truth”).....	63
Shcherbina A. V. Transhumanism in Analytical Prospects of Classical and Non-Classic Sociology.....	76
Shekera E. A. Dagestan Youth in Saint Petersburg: Social Map of Resettlement	92

LINGUISTICS

Polyakov O. M. Linguistic Data Model for Natural Languages and Artificial Intelligence. Part 5. Introduction to Logic	107
Murzakov A. A. Typology of Main Errors of Novice Technical Translators (English/Russian)	116
Telezhko G. M. On the Divergence of Voiced Lateral Approximants in Indo-European languages.....	128
Ulianitchkaia L. A. Language Feminisation in Sociopolitical Space of Russia and France	137

Сторителлинг политических лидеров как инструмент символической политики

С. В. Герасимов^{1,2✉}, П. А. Терещенко²

¹Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия

²Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

✉votje82@mail.ru

Введение. В статье рассмотрены попытки политических лидеров различных типов выстраивать политические коммуникации в условиях новой социальной реальности – в сети Интернет. В качестве материала исследования были взяты элементы сторителлинга трех лидеров в социальных сетях периода первых попыток создания элементов символической политики. В процессе анализа этой наррации авторы задавались вопросом: насколько связан традиционный образ конкретного политического лидера с его отражением в социальных сетях?

Актуальность авторского подхода заключается в анализе сторителлинга как инструмента формирования символической политики и социальной реальности. Политические лидеры перешли в виртуальную среду вслед за своими целевыми аудиториями.

Методология и источники. Методологическая основа работы – верификация на практическом материале социально-философских концептов и моделей политических аналитиков, культурологов, социологов (П. Штомпки, В. А. Ядова, О. Ю. Малиновой, Г. Л. Тульчинского и др.). В статье используются нарративы, полученные из социальных сетей с открытым доступом. Для выяснения формирования социальной реальности был проведен сравнительный анализ нарративов публичных лидеров в части создания пространства символической политики.

Результаты и обсуждение. Верифицированы теоретические модели, описывающие поведенческие паттерны политических лидеров в информационном обществе. В современном информационном обществе основное внимание переносится в социальные сети, где и проводят свое время целевые аудитории. Политические лидеры следуют за своей целевой аудиторией, по-разному проявляя присутствие в социальных сетях, как количественное, так и качественное. В результате проведенного исследования выяснены отличительные особенности сторителлинга публичных политиков, сходство и различия в технологиях создания образа лидера в массовом сознании аудитории, сходство и отличия имиджа политического лидера, складывающегося в традиционных СМИ и в Интернете.

Заключение. В 2018 г. наблюдается феномен вхождения в пространство социальных сетей политиков с целью событийного формирования элементов символической политики. В процессе исследования сторителлинга как процесса формирования публичных коммуникаций определены роли источников, акторов. В современном цифровом обществе социальные сети играют важнейшую роль в процессах генерации

социальной реальности. Механизмы формирования нарративов, возможно, потребуют дополнительного исследования, но уже сейчас можно определить их влияние на политическую, социально-культурную и деловую среду.

Ключевые слова: специальные события, символическая политика, публичная коммуникация, событийное конструирование, нарратология, социальная реальность, сторителлинг.

Для цитирования: Герасимов С. В., Терещенко П. А. Сторителлинг политических лидеров как инструмент символической политики // ДИСКУРС. 2020. Т. 6, № 3. С. 5–20. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-3-5-20

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 16.01.2020; принята после рецензирования 30.03.2020; опубликована онлайн 25.06.2020

Storytelling of Political Leaders as an Instrument of Symbolic Politics

Sergey V. Gerasimov^{1,2✉}, Pavel A. Tereshchenko²

¹*Saint Petersburg State Economic University, St Petersburg, Russia*

²*Saint Petersburg State University, St Petersburg, Russia*

✉votje82@mail.ru

Introduction. The article attempts to analyze the attempts of political leaders of various types to build political communications in the new social reality - on the Internet. The material of the study was taken from the storytelling of the three leaders in social networks during the first attempts to create elements of symbolic politics. In the process of analyzing this narration, we asked ourselves: - How much is the traditional image of a particular political leader related to his reflection on social networks? The relevance of the author's approach lies in the analysis of storytelling as a tool for the formation of symbolic politics and social reality. Political leaders moved into a virtual environment following their target audiences.

Methodology and sources. The methodological basis of the work is verification on practical material of socio-philosophical concepts and models of political analysts, cultural scientists, sociologists (P. Shtompki, V.A. Yadova, O.Yu. Malinova, G.L. Tulchinsky and others). The article uses narratives obtained from open access social networks. To clarify the formation of social reality, a comparative analysis of the narratives of public leaders regarding the creation of a space of symbolic politics was carried out.

Results and discussion. As a result of the study, theoretical models that describe the behavioral patterns of political leaders in the information society were verified. In the modern information society, the main focus is transferred to social networks, where the target audience of political figures spend their time. Political leaders follow their target audience in different ways by showing their presence on social networks, both quantitative and qualitative. As a result of the study, the distinctive features of storytelling of public politicians, the similarities and differences in the technologies for creating a full-fledged image of a leader in the mass consciousness of the target audience, the similarities and differences between the image of a political leader taking shape in traditional media and on the Internet are clarified.

Conclusion. In 2018, we observe the phenomenon of the entry into the space of social networks of politicians with the aim of event formation of elements of symbolic politics. In the study of storytelling as a process of forming public communications, the roles of sources and actors are defined. In today's digital society, social networks play a critical role

in the processes of generating social reality. The mechanisms for the formation of narratives may require additional research, but now we can determine their impact on the political, socio-cultural and business environment.

Keywords: special events, symbolic politics, public communication, event construction, narratology, social reality, storytelling.

For citation: Gerasimov S. V., Tereshchenko P. A. Storytelling of Political Leaders as an Instrument of Symbolic. DISCOURSE. 2020, vol. 6, no. 3, pp. 5–20. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-3-5-20 (Russia).

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 16.01.2020; adopted after review 30.03.2020; published online 25.06.2020

Введение. Специальные события (special events) – узнаваемый термин, содержание которого интуитивно понимается как множество социальных практик широкого спектра в различных областях человеческой деятельности. Термин special event вошел в учебники для вузов, в научный язык, почти полностью заменил понятие «мероприятие». В период постиндустриального общества политические события в основном выполняли роли инструментов анализа политической ситуации, систем прогнозирования кризисных ситуаций, а также решения задач в сфере политического маркетинга. В XXI в. специальные политические события становятся инструментом генерации и управления новыми реальностями, с заданными заранее параметрами и свойствами. Все больше событий в политической сфере происходит для создания новостных поводов, для управления вниманием населения и формирования общественного мнения. Новостной потенциал событийного конструирования активно используется в технологиях политического и территориального брендинга, в символической политике и информационных войнах, позволяя выстраивать интегрированные системы рационального и чувственного воздействия.

Методология и источники. Специальные политические события формируют коммуникационные каналы, позволяют исправлять и предотвращать ошибки, возникающие в результате взаимной изолированности гуманитарных и естественных наук, могут способствовать интеграции, совместной институционализации и развитию в условиях информационного общества. Событийные политические коммуникации способствуют развитию политического маркетинга [1], стратегических социальных коммуникаций, формированию социальной реальности и урбанистического дизайна [2], конструированию исторической памяти (героизации, скорби, забвения), культурной и гражданской идентичности [3]. Наблюдается выход специального события из узких пространств «политического», «делового», «социально-культурного», «научного» в интегрированную антропо-техно-социо-реальность.

Понятие символической политики пересекается с понятиями «публичность» и «политика» в широком и специальном смыслах. Объем понятия «символическая политика» включает в себя объем понятий politics и policy, поскольку, как и практики по захвату и удержанию власти, так и практики по социальному менеджменту, опираются почти полностью на системы образов и стандартных поведенческих паттернов. При этом символическая политика обязана быть понятной всем в стратифицированном (по Сорокину) обществе, чтобы с ее помощью представители власти могли конструировать и структурировать социальную реальность, с одной стороны, и быть понятны своим избирателям (гражданам,

населению и т. д.) – с другой. В этом смысле символическая политика – универсальный язык публичной коммуникации, и не только. Символическая политика, благодаря своей эффективности в качестве генератора общественного мнения, формирования поведенческих паттернов, создания алгоритмов принятия решений, воспитания и много чего еще, находит свое применение во всех срезах социальной реальности. Это и социально-культурная сфера, сфера деловых коммуникаций, власть (в большом спектре ее проявления), сфера науки, военная сфера и т. д. Таким образом, понятие «символическая политика» стремится к понятию «социальная семиотика» при возможном широком обобщении.

В сфере власти символическая политика выглядит наиболее рельефно, поэтому рассматривать символическую политику можно не только как «деятельность, связанную с формированием, удержанием, передачей власти» [4], подразумевая область существования подобной практики в *politics* и *policy*. При этом масштабы символической политики разнообразны, так же как сферы их применения. Практики символической политики решают схожие задачи, проникают в другие сферы фактически без изменений, поэтому можно вывести область применения символической политики за скобки и рассмотреть ее инструменты в «чистом» виде, без связи с той или иной областью или сферой применения.

У символической политики, как у технологии формирования манипуляционных практик третьего рода [5], существуют цели, задачи, инструменты и результаты. В качестве цели символической политики можно определить «производство, продвижение/навязывание определенных способов интерпретации социальной реальности в качестве доминирующих» [6]. Задачи можно представить как информирование, разъяснение, манипуляцию, реализацию социального партнерства. Символическая политика использует множество инструментов. В рамках данной статьи мы проведем сравнение такого инструмента, как специальное событие с некоторыми другими.

Говоря о символической политике, необходимо отметить ее манипуляционную составляющую. Возможны представления символической политики как интегративного, коммуникационного, примирительного, воспитательного средства и т. д. При этом манипуляционная составляющая сохраняется, а вопрос о моральности, этичности, открытости, правильности и другие оценочные характеристики применимы более к самой манипуляции, чем к символической политике.

Для динамического конструирования социального пространства важны несколько условий [7]: 1) наличие потенциала, способного трансформироваться в силу, создающую, изменяющую и управляющую реальностями; 2) действия публичных акторов в пространстве политических событий, имеющих возможность небольшими усилиями управлять большими событиями в связи с наличием у них особенного положения в обществе, публичного капитала, целевой аудитории и т. д. Целесообразно рассмотреть несколько кейсов, содержащих нарративы публичных политиков в современном политическом пространстве как инструментов символической политики. Сами эти нарративы, их публичная презентация становятся специальными событиями, создавая устойчивые символические модели, эффективным инструментом символической политики. В результате оперирования событийными инструментами формируется реальность, отличная от предшествующей.

Нарративы медийных персонажей имеют возможность создавать устойчивые символические модели, реификация и верификация которых на практике становится эффектив-

ным инструментом символической политики. В результате оперирования событийными инструментами формируется реальность, отличная от предшествующей. Специальные события создают мифодизайн реальности со своими законами, нарративами, героями [8]. В результате создания подобного дизайна среды формируются системы социального взаимодействия широкого спектра: от рефлекторных коммуникаций до систем, позволяющих осознанно управлять коммуникациями.

Многие исследователи XXI в. говорят о событийности власти [9]. Одним из популярных дискурсов становится обсуждение концепта события в координатах «уникальность – универсальность». Например, Ж.-Л. Нанси считает, что событие нумеруемо и уникально [10], С. Золян, в свою очередь, рассматривает общие свойства различных событий [11]. Поиску критериев разделения событий и фактов посвящена работа А. Бадью [12].

Современные специальные события имеют тенденцию к распространению во всех сферах существования человека [13], они моделируются, планируются и реализуются как информационные поводы и способы кросс-культурной коммуникации, и не только [5].

Специальное событие – это спланированная и ограниченная по времени коммуникация двух или более субкультурных групп. Данная дефиниция появилась из ограничения родового понятия «событие», которое понимается как значимое для реципиента изменение состояния системы. Существенным видовым признаком специального события является его «сделанность»: наличие плана и тайминга. Кроме того, специальное событие несет в себе коммуникационную составляющую, проявляющуюся в переносе информации из одного субкультурного сообщества к другому через культурный барьер, существующий во круг любой субкультуры. Согласно такому определению, понятие «специальные события» делится на множество событий, происходящих в действительности, множество событий, происходящих в других реальностях (медиа сфере, виртуальном, игровом, дополненном пространстве и т. д.), и множество, полученное путем пересечения первых двух множеств. Одним из видов специального события является специальное политическое событие, которое выделяется наличием отражения реальности в политической проекции, решает задачи политической коммуникации. Специальные политические события, проходящие в пространстве интернет-СМИ, являются основой нашего эмпирического исследования.

Публичность является одним из краеугольных камней современной политики в контексте демократии. Если политик претендует на какое-либо высокое звание, то для сбора необходимых голосов он должен быть хорошо узнаваем избирателями и иметь набор определенных качеств или положительных особенностей, благодаря которым будет выделяться среди остальных претендентов на ту или иную позицию. Такая отсылка к устойчивым символическим образам может называться использованием инструментов символической политики.

Выстраиванию коннотаций политика и его деятельности способствует манера ведения его социальных сетей. Это позволяет создать эффект присутствия «в народе». Ранее политику достаточно было появляться на публичных мероприятиях и на телевидении. В современной политической ситуации по тем или иным причинам не всегда может присутствовать на федеральных каналах, иногда не имеет доступа к классическим СМИ, но обретает большую популярность именно благодаря своему присутствию в разнообразных социальных сетях. Такой факт присутствия является определенным символом того, что человек не отстает от трендов и может представлять, в том числе, мнение пользователей социальных

сетей. Присутствие в классических интернет-СМИ (в данной статье мы будем рассматривать наиболее цитируемое классическое интернет-СМИ – РИА «Новости») является элементом публичных коммуникаций и инструментом символической политики.

«Символическая политика осуществляется в публичной сфере, т. е. виртуальном пространстве, где в более или менее открытом режиме обсуждаются социально значимые проблемы, формируется общественное мнение, констатируются и переопределяются коллективные идентичности, иными словами – имеет место конкуренция разных способов интерпретации социальной реальности» [6]. Интернет как раз является та кой виртуальной средой, наиболее благоприятной для создания устойчивых образов.

Результаты и обсуждение. 2018 г. отмечен тем, что на его протяжении были созданы аккаунты многих политиков. И в исследовании мы будем основываться на высказываниях в «Твиттере» начиная с 2018 г. Эта платформа предназначена, в том числе, для того, чтобы излагать свои мысли коротко и емко, имея изначально ограничение в 140 символов, а позже в 280. Заданный формат уравнивает пользователей вне зависимости от социального или политического статуса, не позволяя слишком «расписываться». С приходом к власти в США Дональда Трампа мир получил не только одиозного политического деятеля, но и одного из первых активных «твиттер-президентов». В своих высказываниях Трамп пропагандирует символический образ борца за интересы Америки и демонстрирует готовность отстаивать их независимо от ситуации, постоянно используя в своих твитах слова «Америка», «американцы», «рабочие места» и др. Даже если в итоге этого не происходит, он постоянно транслирует свой образ через текст, создавая себе имидж и поддерживая публичность. Пример Трампа показал всему миру, что закрепление символического образа через социальные сети возможно, и это эффективно, так как про его твиттер слышали если не все, то многие. Из-за перспективности данного направления российские политики также активно осваивают пространство социальных сетей.

Выделим следующие инструменты символической политики, которые направлены не столько на рациональное осмысление деятельности политиков, сколько на закрепление за ними устойчивых символических образов. Эти практики в некоторых случаях позволяют им присутствовать на политической арене: популизм, ориентированность высказываний на их публичную огласку, активное присутствие, связанное с политическими специальными событиями в реальности, использование коммуникации с общественностью через социальные сети, интернет-СМИ, а также публичные встречи и выступления в действительности и виртуальной реальности.

Мы рассмотрим и проанализируем некоторые высказывания одних из наиболее видных политиков современной России, которые придерживаются разнообразной идеологической повестки. Это В. В. Жириновский, Д. А. Медведев и Д. Г. Гудков.

В качестве ресурсов, используемых нами для нахождения и анализа соответствующих высказываний, привлечены социальные сети «Твиттер» и «ВКонтакте» (последняя является самой популярной социальной сетью в РФ), а также высказывания в таких классических СМИ, как РИА «Новости» и «Комсомольская правда» в их электронных версиях. Анализ будет проводиться по каждому из указанных деятелей отдельно и в том порядке, в котором они были упомянуты ранее. В рамках заключительного анализа будет предпринята попытка выделить ключевые тенденции в нарративах каждого из политиков с целью прогнозирования их идеологического вектора развития.

Первым политическим деятелем, активность которого в информационной среде мы будем рассматривать, является Владимир Вольфович Жириновский. Этот политик очень ярко репрезентирует идею символической политики, так как большинство его действий в информационном пространстве направлены именно на ее построение. В то же время его рефлексивные высказывания либо вообще не упоминаются в СМИ и социальных сетях, либо речь о них идет вскользь, и фактологический аспект растворяется среди популистских высказываний. Мы будем рассматривать изменение нарративов следующим образом: станем брать самое популярное высказывание за первый месяц 2018 г. (или за первый месяц существования твиттера у политика, так как некоторые деятели начали освоение этой соцсети не так давно) и самый популярный твит за последний месяц 2018 г., попутно анализируя общие изменения информационного фона аккаунта политика в данной социальной сети. Популярные высказывания будут выделяться исходя из отметок «нравится» под теми или иными высказываниями. В некоторых случаях анализ будет основываться не на сравнении двух твитов, но на сопоставлении общего характера высказываний.

Первый твит Жириновского появляется 18 января 2018 г. Первые посты ориентированы исключительно на то, чтобы создавать некий информационный фон, содержат либо видеофрагменты выступлений Владимира Вольфовича, либо просто типовые анонсы программ по ТВ, в которых он участвовал. Первым постом за январь, нашедшим наибольший отклик среди читателей, стал твит (рис. 1 [14]), посвященный выборам президента и содержащий популистскую идею о том, что нужно вернуть российские деньги из-за рубежа и заставить их работать на нашу экономику.

Рис. 1. Твиттер @Zhirinovskiy, 2018
Fig. 1. Twitter @Zhirinovskiy, 2018

Как мы видим, в данном высказывании отсутствуют какие-либо конкретные шаги, которые бы Жириновский собирался предпринять в случае победы на выборах, поэтому этот пост направлен исключительно на создание символического образа такого политика, который солидаризируется с вопросами своих соотечественников к власти и готов их решать, пускай и непонятным нам способом. Жириновский переключился полностью на формат коротких высказываний, которые не носят никакого аналитического характера, а нацелены исключительно на закрепление устойчивых смыслов посредством систематического ретранслирования умеренно-оппозиционных взглядов. Об успехе данной стратегии свиде-

тельствует и содержание самого популярного высказывания Жириновского за 2018 г. (рис. 2 [15]), которое набрало около 1 600 отметок «нравится» против 290 у первого осужденного поста.

Рис. 2. Твиттер @Zhirinovskiy, 2018

Fig. 2. Twitter @Zhirinovskiy, 2018

Как и в случае с первым постом, это использование актуальной темы для продвижения своей персоны, где ничего конкретно не объясняется, но формируется символический образ. Этот уже сформировавшийся тренд на популистские высказывания Жириновский закрепляет и в других социальных сетях. Так, например, значительная часть ленты политика в сети «ВКонтакте» также завязана на репрезентации символических образов (зачастую это происходит в формате видеофрагментов). Тем не менее, в случае с «ВКонтакте» Жириновский все же реже использует инструменты символической политики, чем в случае с «Твиттером». Среди популистских высказываний, в которых Владимир Вольфович, например, выражает резко негативное отношение к засилью китайских туристов (рис. 3 [16]), порой встречаются посты, нацеленные на реальные действия, а не исключительно на навязывание устойчивого образа политика (рис. 4 [16]). Тем не менее, действительно конструктивных и действенных предложений в социальной сети крайне мало по отношению к громким заявлениям Жириновского, которые никак не решают поставленную проблему, но лишь утверждают его позицию в информационном поле.

Можно выявить однозначную тенденцию в деятельности политика — он начал активнее осваивать более эффективные в плане поддержания публичности методы коммуникации с аудиторией социальных сетей, что сказалось положительно на его узнаваемости и, как следствие, на поддержке избирателей.

В электронных версиях классических СМИ, а именно РИА «Новости», где приводятся заявления Жириновского, также могут быть отнесены к апеллированию по большей части именно к символическим образам. Тут можно заметить тенденцию к преобладанию популистских высказываний с целью поддержки сформированного имиджа политика, а если анализировать самую просматриваемую новость с Жириновским, то в ней он просто комментирует прошедшие дебаты Петра Порошенко с Владимиром Зеленским и предлагает перенять опыт масштабных предвыборных публичных дебатов [17]. Таким образом, мы видим, что даже в классических интернет-СМИ аудитория реагирует исключительно на те заголовки, которые призваны апеллировать не к конструктиву, а скорее к популизму, на основе которого позднее выстраивается общий символический имидж политика.

Рис. 3. Страница В. В. Жириновского в «ВКонтакте», 2019
Fig. 3. V. V. Zhirinovskiy, "VKontakte", 2019

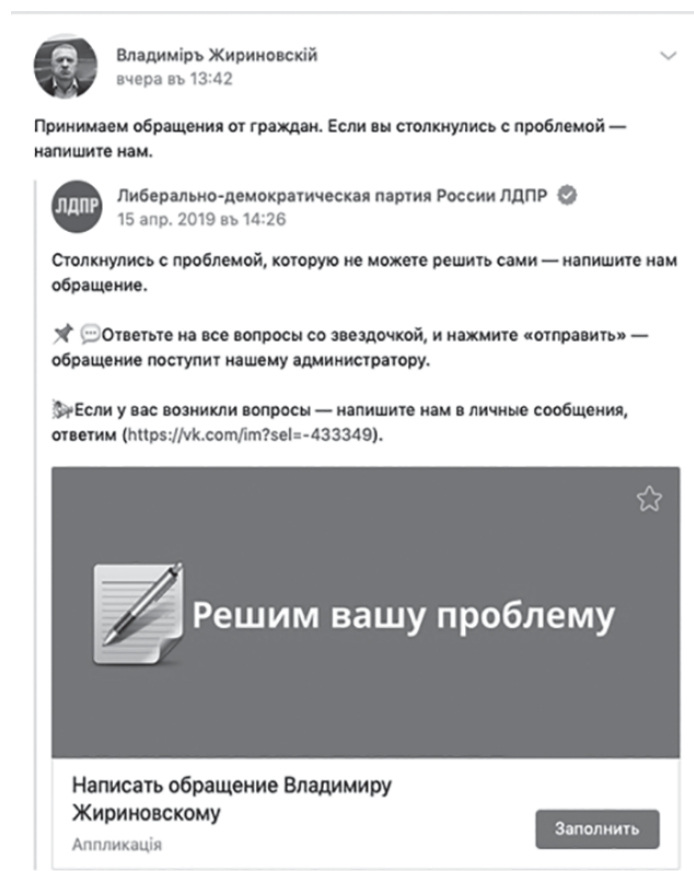

Рис. 4. Страница В. В. Жириновского в «ВКонтакте», 2019
Fig. 4. V. V. Zhirinovskiy, "VKontakte", 2019

Рассмотрев представителя системной оппозиции и использование им инструментов символической политики, перейдем к анализу публичных заявлений государственного деятеля и представителя правящей партии Дмитрия Анатольевича Медведева.

В данном случае использование инструментов символической политики в «Твиттере» происходит в менее явной для обывателя форме. Чаще всего твиты Медведева – это либо поздравления с различными праздниками, либо поздравления известных людей, либо краткие отчеты о проделанной работе.

Он старается выстроить своего рода имидж «эффективного управленца», который занимается исключительно делами государства и отчитывается перед гражданами о проделанной работе, разбавляя это поздравлениями с праздниками и поздравлениями отдельных граждан России за их выдающиеся успехи. Самым популярным твитом за январь 2018 г. (рис. 5 [18]) является поздравление с Рождеством. На первый взгляд может показаться, что такая «нейтральность» свидетельствует об отсутствии использования инструментов символической политики, но мы видим, что инструменты встроены в видимый конструктивный дискурс, создаваемый в социальной сети. Безусловно, такой строгий имидж имеет куда меньше шансов привлечь внимание широкой аудитории, так как отсутствует всякая сенсационность заявлений, что делает социальную сеть скорее ретранслятором уже существующего курса политика.

Рис. 5. Твиттер @MedvedevRussia, 2018
Fig. 5. Twitter @MedvedevRussia, 2018

Необходимо понимать, что за Медведевым уже закрепился определенный символический образ довольно нейтрального политика, а резкой необходимости смены символического образа для приобретения нового электората пока не наблюдается, поэтому социальные сети служат дополнением к уже создавшемуся образу. Нельзя сказать, что этот метод символической политики в социальных сетях однозначно неэффективен – среди российских политиков Дмитрий Медведев является одним из наиболее часто упоминаемых в СМИ. Самое популярное высказывание за декабрь 2018 г. в «Твиттере» (рис. 6 [19]) также носило нейтральный характер и не было направлено на некую сенсационность. Выстраивается дизайн коммуникации, который напоминает отчет главы компании о проделанной работе, представляемый акционерам. В свою очередь, лента политика в социальной сети «ВКонтакте» продолжает уже выявленную нами тенденцию к апеллированию к деловому формату публичных дискуссий.

Рис. 6. Твиттер @MedvedevRussia, 2018
Fig. 6. Twitter @MedvedevRussia, 2018

Среди деятелей российской политики Дмитрий Медведев является вторым по количеству упоминаний после Владимира Путина в таких классических интернет-СМИ, как РИА «Новости». Исходя из истории публикаций о Медведеве, в день выходит минимум одна новость, связанная с ним. Зачастую – две-три новости с прямыми комментариями и цитатами Медведева. Все три рассмотренных способа коммуникации – «Твиттер», «ВКонтакте» и интернет-СМИ – представляют собой, как и в случае с Жириновским, единую базу, на основе которой формируется символический образ политика в интернете. Безусловно, по количеству публикаций складывается диспропорция в сторону публикаций в Интернет-СМИ, но это связано со спецификой социальной сети. Превышение количества коммуникаций с целевой аудиторией может повлечь раздражение. В этом случае наблюдается технология поддержания существующего уровня известности и популярности.

Мы рассмотрели двух видных деятелей, которые в целом находятся внутри существующей системы власти. Медведев является представителем официальной власти, а Жириновский – системной оппозиции. Но как обстоят дела с теми, кто находится вне существующей системы управления? В данном случае примером будет Дмитрий Геннадьевич Гудков.

При анализе его твиттера сразу бросается в глаза то, что, в отличие от системных политиков, его высказывания в среднем находят меньший отклик у аудитории. Но это можно объяснить еще тем, что у Дмитрия Геннадьевича активный аккаунт в «Твиттере» появился позже, чем у ранее рассмотренных деятелей, – в июне 2018 г. Таким образом, он пока не получил должной раскрутки и единого целостного образа, хотя некоторые общие тенденции уже вырисовываются.

Так, например, одним из наиболее популярных высказываний Гудкова в «Твиттере» за декабрь 2018 г. является его осуждение действий губернатора Приморского края О. Н. Кожемяко, который, по словам Гудкова, сгоняет людей по приказу на утренние зарядки-пробежки (рис. 7 [20]).

Рис. 7. Твиттер @gudkovd, 2018
Fig. 7. Twitter @gudkovd, 2018

Вообще основные темы, о которых в своем твиттере пишет политик, можно разделить на несколько категорий: «разоблачения» власти в регионах, борьба с мусором и комментарии касательно крупных трагедий. Категории эти весьма условны, и, вне всяких сомнений, Гудков затрагивает куда больший спектр тем, но основными являются именно эти. Высказывания имеют довольно хаотичный характер – нет единого дизайна автора, в контексте которого они бы работали. Да, мы видим попытки выстроить символический образ активного гражданина, борющегося со свалками и критикующего власть, но теряется связь конкретного образа Гудкова с его нарративами в публичной коммуникации. Создания целостного символического образа через прочтение его высказываний в «Твиттере» не возникает, несмотря на то, что у него есть приоритетные направления деятельности, на которых он мог бы сфокусироваться чуть больше и активнее продвигать в информационном плане именно выбранные сферы.

Во «ВКонтакте» уже создается более цельный образ политика, так как в случае с этой социальной сетью коммуникация Гудкова с аудиторией происходит гораздо активнее – зачастую в день выходит по два-три поста, что не идет ни в какое сравнение с «Твиттером», где его высказывания появляются на нерегулярной основе. В данном случае можно предположить, что Гудков в сложившейся ситуации должен активно осваивать все доступные социальные сети и поддерживать коммуникации через них, так как для него это становится единственным способом связаться с электоратом. Тем не менее такого всплеска в социальных сетях не наблюдается. Упоминание Гудкова в РИА «Новости» происходит только 12 раз за весь 2018 г. Возможно, этот факт говорит о недостаточной оцененности политиком сторителлинга как инструмента формирования персонального имиджа с помощью специализированных интернет-СМИ. Также можно это объяснить тем, что масштаб данного политика не является сопоставимым с масштабом фигур Медведева и Жириновского. При этом социальные сети позволяют при небольших затратах обозначать свое присутствие ежедневно.

Анализируя общие тенденции в публичных нарративах Дмитрия Геннадьевича, мы видим использование инструментов символической политики. При этом наблюдается отсутствие единого символического образа, создаваемого на основе доступных ресурсов Интернета, как, например, в случае с Медведевым и Жириновским.

Заключение. Рассмотрев нарративы трех политических деятелей современной России, которые принадлежат как к правительству, так и к системной и внесистемной оппозиции, можно сделать общие выводы по использованию ими инструментов символической политики, которые были обозначены в самом начале данной статьи.

1. Развитие информационного общества породило новые технологии коммуникации политиков с целевыми аудиториями. Сторителлинг – это одна из коммуникационных технологий, получившая новую жизнь в социальных сетях. На примере этой технологии можно наблюдать и описывать процессы конструирования социальной реальности и символической политики.

2. Проникновение политических лидеров вслед за их целевыми аудиториями в пространства Интернета несет персональную окраску для каждого политика. Кроме этого, новый дизайн политических коммуникаций требует присутствия политиков в нескольких параллельных реальностях (виртуальных и физических) фактически одновременно. Отсут-

ствие или недостаточное присутствие в одном из пространств наносит ущерб общему имиджу.

3. Представители современного электората, существующие в социальных сетях, с помощью «лайков» и репостов создают обратную связь, оценивают новостной потенциал специальных событий, который порождают или комментируют политики.

4. Сторителлинг становится одним из наиболее популярных жанров нарративов публичных политиков в социальных сетях и одной из наиболее результативных технологий отражения действительности и конструирования социальных реальностей.

5. Исходя из тех комментариев, которые уже были приведены выше, мы можем выявить, что в совершенной России существует связь между нарративами в традиционных СМИ и в социальных сетях, что говорит о единой системе формирования имиджа в различных каналах коммуникации.

6. Часть нарративов публичных персонажей в социальных сетях формирует образ и описание желаемого будущего, инициирует желаемые процессы, а часть рекурсивно направлена на увеличение популярности и узнаваемости политиков. В этом смысле информационное общество выдает инструменты оценки эффективности для социальных медиа: это отметки «Нравится» и «Переслать». Таким образом, создается пространство с высоким потенциалом для действия (или бездействия) синхронно с публичным политиком.

7. Исследуя нарративы публичных коммуникаций, можно предположить, что пространство публичных коммуникаций в социальных сетях начинает интенсивно осваиваться. В нем порождаются все новые модели и проходят верификацию. Возможно, развитие технологий символической политики в цифровом пространстве предмет дальнейших исследований.

8. Социальная политика конструируется с помощью событийного ряда, часть которого порождается или комментируется политиками. Все события в социальной реальности находят отражения в нарративах. Нарративы рождаются, трансформируются и исчезают в пространстве публичных коммуникаций. Сторителлинг публичных политиков в социальных сетях – один из феноменов социальной реальности, который позволяет проанализировать связь событий и реакцию на них.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Cwalina W., Falkowski A., Newman B. Political Marketing. Theoretical and Strategic Foundations. Armonk; N. Y.: M. E. Sharpe, 2011.
2. Edelman M. Politics as symbolic action. Mass arousal and quiescence. Chicago: Markham pub. co., 1971.
3. Rumelili B. Constructing identity and relating to difference: Understanding the EU's mode of differentiation // Rev. of international studies. 2004. Vol. 30, iss. 1. P. 27–47. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0260210504005819>.
4. Тульчинский Г. Л. Объяснение в политической науке: конструктивизм vs. позитивизм // Публичная политика. 2017. № 1. С. 76–98.
5. Герасимов С. В. Массовые праздники и социальное партнерство. СПб.: Алетейя. 2016.
6. Малинова О. Ю. Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России // Полис. Политические исследования. 2010. № 2. С. 90–105.

7. Герасимов С. В., Тульчинский Г. Л. События как семантическая основа конструирования реальности: перспективы перехода к динамической онтологии // Слово.ру: Балтийский акцент. 2018. Т. 9, № 3. С. 5–24. DOI: 10.5922/2225-5346-2018-3-1.
8. Тульчинский Г. Л. Total Branding: мифодизайн постинформационного общества. Бренды и их роль в современном бизнесе и культуре / СПбГУ. СПб.: 2013.
9. Сморгун Л. В. Событийное политическое знание и его значение для современной сравнительной политологии // Полис. Политические исследования. 2011. № 1. С. 122–133.
10. Нанси Ж.-Л. Бытие единственное множественное / пер. с фр. В. В. Фурс; под ред. Т. В. Щитцовой. Минск: Логвинов. 2004.
11. Золян С. Т. «Повторяемость» событий в историческом дискурсе: семантика и прагматика // Репрезентация событий. Интегративный подход с позиций когнитивных наук / отв. ред. В. И. Заботкина. М.: Языки славянской культуры. 2017. С. 190–212.
12. Бадью А. Meta/Политика: можно ли мыслить политику? Краткий трактат по метаполитике / пер. с фр. Б. Скуратова, К. Голубович. М.: Логос. 2005. 240 с.
13. Герасимов С. В. Массовые праздники как фактор развития социального партнерства: дис. ... канд. пед. наук / СПбГУКИ. СПб., 2007.
14. Жириновский В. В. 2018. Твиттер. URL: <https://twitter.com/Zhirinovskiy/status/957294244619804673> (дата обращения: 26.05.2019).
15. Жириновский В. В. 2018. Твиттер. URL: <https://twitter.com/Zhirinovskiy/status/1073168149682536448> (дата обращения: 26.05.2019).
16. Жириновский В. В. 2019. «ВКонтакте». URL: <https://vk.com/zhirinovskiyv> (дата обращения: 26.05.2019).
17. Жириновский В. В. 2019. Жириновский оценил прошедшие дебаты Порошенко и Зеленского. URL: <https://ria.ru/20190419/1552871075.html> (дата обращения: 26.05.2019).
18. Медведев Д. А. 2018. Твиттер. URL: <https://twitter.com/MedvedevRussia/status/949773423819059202> (дата обращения: 26.05.2019).
19. Медведев Д. А. 2018. Твиттер. URL: <https://twitter.com/MedvedevRussia/status/1078957430061572096> (дата обращения: 26.05.2019).
20. Гудков Д. Г. 2018. Твиттер. URL: <https://twitter.com/gudkovd/status/1076033621662810113> (дата обращения 26.05.2019).

Информация об авторах.

Герасимов Сергей Викторович – кандидат педагогических наук (2008), доцент кафедры коммуникационных технологий и связей с общественностью Санкт-Петербургского государственного экономического университета, ул. Садовая, д. 21, Санкт-Петербург, 191023, Россия; научный сотрудник факультета свободных искусств и наук Санкт-Петербургского государственного университета, Университетская наб., д. 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия. Автор более 40 научных публикаций. Сфера научных интересов: социальная философия, конструирование социального пространства. E-mail: votje82@mail.ru

Терещенко Павел Антонович – студент факультета свободных искусств и наук Санкт-Петербургского государственного университета, Университетская наб., д. 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия. Автор 3 научных публикаций. Сфера научных интересов: социология, экономическая антропология, урбанистика. E-mail: terpavik@gmail.com

REFERENCES

1. Cwalina, W., Falkowski, A. and Newman, B. (2011), *Political Marketing. Theoretical and Strategic Foundations*, M.E. Sharpe, Armonk, N.Y., USA.

2. Edelman, M. (1971), *Politics as symbolic action. Mass arousal and quiescence*, Markham pub. co., Chicago, USA.
3. Rumelili, B. (2004), "Constructing identity and relating to difference: Understanding the EU's mode of differentiation", *Review of international studies*, vol. 30, iss. 1, pp. 27–47. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0260210504005819>.
4. Tulchinskii, G.L. (2017), "Explanation in the political science: constructivism vs positivism", *Public policy*, no. 1, pp. 76–98.
5. Gerasimov, S. V. (2016), *Massovye prazdniki i sotsial'noe partnerstvo* [Mass holidays and social partnership], Aleteya, SPb., RUS.
6. Malinova, O.Yu. (2010), "Symbolic politics and the constructing of macro-political identity in post-soviet Russia", *Polis. Political Studies*, no. 2, pp. 90–105.
7. Gerasimov, S.V. and Tulchinskii, G.L. (2018), "Events as a semantic framework for the construction of reality: the prospects of a transition to a dynamic ontology", *SLOVO.RU: BALTIC ACCENT*, vol. 9, no. 3, pp. 5–24. DOI: 10.5922/2225-5346-2018-3-1.
8. Tul'chinskij, G.L. (2013), *Total Branding: mifodizajn postinformacionnogo obshchestva*, SPbGU, SPb., RUS.
9. Smorgunov, L.V. (2011), "Political event analysis and its significance for modern comparative political studies", *Polis. Political Studies*, no. 1, pp. 122–133.
10. Nansy, Zh.-L. (2004). *Être singulier pluriel*, Transl. by Furs, V.V., in Shchittsova, T.V. (ed.), Logvinov, Minsk, BLR.
11. Zolyan, S.T. (2017), "Repeatability" of events in historical discourse: semantics and pragmatics", *Reprezentatsiya sobytii. Integrativnyi podkhod s pozitsii kognitivnykh nauk* [Representation of events. An integrative approach from the standpoint of cognitive sciences], Yazyki slavyanskoi kul'tury, Moscow, RUS, pp. 190–212.
12. Badiou, A. (2005), *Abrégé de métapolitique*, Transl. by Skuratov, B. and Golubovich, K. Moscow, Logos, RUS.
13. Gerasimov, S.V. (2007), "Mass holidays as a factor in the development of social partnership", Can. Sci. (Pedagogy) Thesis, Saint Petersburg State University of Culture and Arts, SPb., RUS.
14. Zhirnovskii, V.V. (2018), *Twitter*, available at: <https://twitter.com/Zhirinovskiy/status/957294244619804673> (accessed 26.05.2019).
15. Zhirnovskii, V.V. (2018), *Twitter*, available at: <https://twitter.com/Zhirinovskiy/status/1073168149682536448> (accessed 26.05.2019).
16. Zhirnovskii, V.V. (2019), *Vkontakte*, available at: <https://vk.com/zhiri-novskiyv> (accessed 26.05.2019).
17. Zhirnovskii, V.V. (2019), *Zhirinovskij ocenil proshedshie debaty Poroshenko i Zelenskogo*, available at: <https://ria.ru/20190419/1552871075.html> (accessed 26.05.2019).
18. Medvedev, D.A. (2018), *Twitter*, available at: <https://twitter.com/MedvedevRussia/status/949773423819059202> (accessed 26.05.2019).
19. Medvedev, D.A. (2018), *Twitter*, available at: <https://twitter.com/MedvedevRussia/status/1078957430061572096> (accessed 26.05.2019).
20. Gudkov, D.G. (2018), *Twitter*, available at: <https://twitter.com/gudkovd/status/1076033621662810113> (accessed 26.05.2019).

Information about the authors.

Sergey V. Gerasimov – Can. Sci. (Pedagogy) (2008), Associate Professor at the Department of Communication Technology and Public Relations, Saint Petersburg State Economic University, 21 Sadovaya str., St Petersburg 191023, Russia; Researcher Officer, Faculty of

Liberal Arts and Sciences, Saint Petersburg State University, 7/9 University emb., St Petersburg 199034, Russia. The author of 40 scientific publications. Area of expertise: social philosophy, construction of social space. E-mail: votje82@mail.ru

Pavel A. Tereshchenko – student at Faculty of Liberal Arts and Sciences, Saint Petersburg State University, 7/9 University emb., St Petersburg 199034, Russia. The author of 3 scientific publications. Area of expertise: sociology, economic anthropology, urban studies. E-mail: terpavik@gmail.com

Some Philosophical Problems of Studying Complex Systems in the Universe

Alexei V. Nesteruk¹, Aleksandr V. Soldatov²✉

¹University of Portsmouth, Portsmouth, UK

²State Marine Technical University, St Petersburg, Russia

✉soldatov2012@yandex.ru

Introduction. The paper deals with the philosophical problems of functioning of the most complex phenomena in the universe: creation of the universe, emergence of life and appearance of consciousness. The scientific timeliness of the research is determined by that unceasing interest to the origin of the universe and life in it. The most difficult problem is the origin of intelligence in the universe which is confirmed through the ongoing research in the SETI program. The scientific novelty of research is that the authors link three fundamental problems relates to the origins of complexity in the universe in a single intellectual cluster.

Methodology and sources. The analysis is based on the issues in modern cosmology, astrobiology and anthropology treated in the context of complex systems and their radical sensitivity to the uncontrolled initial conditions. In particular, one implies the so called “fine-tuning” of the cosmological parameters necessary for the origin of life on the planet Earth. The hypothetical deviation of the numerical values of such parameters by, let say some per cents, would exclude the development of the biological systems. However the sphere of the necessary conditions for these parameters does not guarantee the fulfillment of the sufficient conditions for creation complexity and a possibility of life. Such conditions are not determined by the physical and biological context and make inevitable an appeal for their interpretation to philosophical ideas. The methodological foundation of this research is based in finding the boundaries of efficiency of the necessary conditions for emergence of complexity and attempts to provide in some cases an interpretation of the possible sufficient conditions.

Results and discussion. It is shown that it is impossible to account on scientific grounds for the original conditions which launched creation of the universe, emergence of life and appearance of consciousness. Scientifically, one can formulate the necessary conditions for existence of life in the universe and hence the embodied consciousness, however it is beyond the reach of science to account for the sufficient conditions. One simple model of origin of life illustrating the dependence of its phenomenon on the uncontrolled sufficient conditions is proposed on the grounds of analogy with Bernard’s instability in complex systems.

If one identifies such phenomena as existence of the universe, biological and intelligent life with the behavior in super-complex material systems, there still remains a fundamental problem in unpredictability and contingency of those “initial” conditions which predetermined the factual outcomes in evolution of these complex systems. In other words science faces a fundamental limitedness in describing the sufficient conditions (sufficient reason) for those forms of complexity in nature with which this article deals.

Conclusion. A scientific description of the most complex phenomena such as the universe as a whole, biological and intelligent life demonstrate its limited scope as regards the sufficient conditions for their happening. In this sense an exhaustive understanding of these phenomena becomes fundamentally impossible, showing that science functions in the conditions of the positive uncertainty.

Key words: complexity, consciousness, humanity, nature, persons, philosophy, scientific method, universe.

For citation: Nesteruk A. V., Soldatov A. V. Some Philosophical Problems of Studying Complex Systems in the Universe. DISCOURSE. 2019, vol. 6, no. 3, pp. 21–34. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-3-21-34

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 07.04.2020; adopted after review 10.03.2020; published online 25.06.2020

Некоторые философские проблемы изучения сложнообразованных систем во вселенной

А. В. Нестерук¹, А. В. Солдатов²✉

¹Университет Портсмута, Портсмут, Великобритания

²Санкт-Петербургский морской технический университет, Санкт-Петербург, Россия

✉soldatov2012@yandex.ru

Введение. В статье рассматриваются философские проблемы при анализе наиболее сложных явлений во вселенной: происхождение вселенной в целом, возникновение жизни на планете и появление разума. Научная актуальность проводимого исследования определяется неослабеваемым интересом к проблемам происхождения вселенной и жизни в ней. В частности связью между параметрами крупномасштабной вселенной и локальными условиями возможности возникновения жизни во вселенной. Наиболее трудной проблемой является возникновение разумной жизни во вселенной. Это подтверждается неослабеваемым интересом к проблеме SETI. Научная новизна исследования состоит в том, что авторы связывают в один интеллектуальный кластер три фундаментальные проблемы, связанные с возникновением сложности во вселенной

Методология и источники. Исследование базируется на анализе современных данных из космологии, астробиологии и антропологии в контексте представлений о сложных системах и предельной чувствительности режимов сложности по отношению к неконтролируемым начальным условиям. В частности речь идет о «точной настройке» космологических параметров для того, чтобы выполнялись необходимые условия для возможности образования жизни на Земле. Отклонение этих параметров на несколько процентов исключало бы образование сложных биологических систем. Однако сфера необходимых условий таких параметров не гарантирует выполнения достаточных условий образования сложных систем и возможности жизни. Такие условия не детерминированы физикой или биологией систем и предполагают для их интерпретации обращение к философским представлениям. Методологической основой исследования как раз и является выявление границ действия необходимых условий образования сложности и попыток дать в ряде случаев интерпретацию возможных достаточных условий.

Результаты и обсуждение. Показана принципиальная невозможность предсказания или контроля исходных условий, которые положены в основу динамики сложных систем и приведших к образованию наблюдаемой вселенной, возникновению жизни на Земле и появлению сознания. Научные методы позволяют сформулировать только необходимые условия для существования биологической жизни и воплощенного сознания во вселенной. Однако эти методы оказываются неприменимыми для раскрытия смысла достаточных условий. На основе аналогии возникновения жизни с так называемой нестабильностью Бернара в сложных физических системах предложена простая иллюстрация чувствительности результата возможного развития сложной системы к неконтролируемым начальным условиям.

Если исходить из того, что к таким явлениям, как вселенная в целом, биологическая и разумная жизнь могут быть применены теории возникновения сложности, то по-прежнему остается фундаментальная проблема непредсказуемости и онтологической случайности тех «начальных» условий, которые детерминировали фактический результат эволюции сложных систем. Другими словами, существует принципиальный предел на возможность описания с помощью научных методов достаточных условий (достаточного основания) возникновения сложных систем высшего порядка, таких как вселенная и разумная биологическая жизнь.

Заключение. Научное описание наиболее сложных систем, таких как вселенная в целом, биологическая и разумная жизнь показывает свою собственную ограниченность в отношении понимания достаточных условий, лежащих в основании результатов развития таких систем. Исчерпывающее понимание таких явлений становится недостижимым, показывая, что науки о происхождении сложности функционируют в условиях так называемой позитивной неопределенности.

Ключевые слова: вселенная, личность, научный метод, сложность, сознание, феноменология, философия, человек, природа.

Для цитирования: Нестерук А. В., Солдатов А. В. Некоторые философские проблемы изучения сложнообразованных систем во вселенной // ДИСКУРС. 2020. Т. 6, № 3. С. 21–34. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-3-21-34

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 07.04.2020; принята после рецензирования 10.03.2020; опубликована онлайн 25.06.2020

Introduction. In spite of the seeming efficiency of modern natural, human and social sciences describing, explicating and interpreting all levels of the world's being (observable universe and our planet emerging out of the physical evolution of the cosmos, extremely complex biological evolution as well as unpredictable history and sociology of the human society), there remain three fundamental problems which are in the foundation of these sciences but not clarified by them. One implies that the condition of functioning of the human society which aspires towards survival on this planet and an adaptation to the external world through knowledge of it, improvement and simplification of the living conditions, achievements of some spiritual goals, are all implicitly grounded in basic empirical factors which predetermine the very possibility of functioning of humanity and its knowledge of the world. These factors are those "inaugural events" which endow the world and humanity by future. This is the reason why these events are problematic for being scientifically represented: all of them do lie in the foundation of the possibility of the scientific process as a modus of the human activity, but as such they escape the conditions of their scientific representation.

Methodology and sources. If one adopts a natural philosophical attitude, that is considers these problems as corresponding to the objective uncertainty of the underlying phenomena, they can be described in the natural logical order:

- 1) origin of the universe.
- 2) emergence of life on Earth.
- 3) appearance of consciousness of Homo Sapiens.

Let us consider them in this order.

1. Cosmology describes history of the universe by recreating it in an inverse temporal order from the present to its remote past. The laws of physics make it possible to produce a scenario of the universe's development from some initial state (Big Bang) where all possible existing forms of matter have been united in an undifferentiated state having from the physical point of view pathological (numerically infinite) characteristics. There are many models of the evolution of the universe which lead to the idea of the "beginning" of the world. However, all of them are based on a premise that there pre-existed some elementary ingredients of physical reality (for example, space, field, vacuum etc.) which were necessary for the description of the universe. However, the contingent facticity of these ingredients cannot be subjected to any physical description. The physical sciences can function only in the conditions when physical reality as such is already given. The question of origin of physical matter and space is a philosophical question, or event a theological one. The parameters of the initial condition of the universe as being determined through the backward extrapolation of the observable parameters of the universe at present turn out to be specific and concrete numerical constants whose quantitative facticity cannot be defined on the grounds of any underlying physics. Yet, all physical laws established in the terrestrial context function in the conditions of the contingent facticity of these constants. An example is the age of the universe (13.7–13.8 billion years) whose numerical contingency cannot be elucidated from within the physical if this universe. One cannot transcend the visible universe in order to establish some "trans-law" whose outcome could predict the age of the universe as 13.7 billion years. The contingency of the physical constants, the age of the universe and the initial conditions for its dynamics point to the radical contingency of the universe in a philosophical sense. This observation can be formulated in the following way: in spite of the fact that physics and cosmology can formulate the conditions of the factual existence of the *visible* universe, describing them in terms of observable constants, the very origination of the universe with such constants is not guaranteed by any laws on "this side of the universe", because neither the origin nor the sense of the initial state of the universe are clarified by reliable and verified physics (despite a variety of theoretical speculations of that which could "happen" before the Big Bang).

If one assumes, as it is done on theories of multiverse, that our universe with its unique initial condition arises from some ensemble of potential universes with an infinite variety of possible initial conditions then the apriori probability of such an origination, that is fixing the initial conditions pertaining to our universe, would be zero: $P_{\text{apriori}} = 1/\infty = 0$. This probability entails an infinite informational uncertainty of appearance of our universe which is expressed through the informational entropy $I_{\text{apriori}} = -P_{\text{apriori}} \ln P_{\text{apriori}} = \infty$. This means, that, saying metaphorically, in order to "choose" our universe from an infinite ensemble, one must possess infinite information. If one now estimates the posterior probability of our universe as $P_{\text{posterior}} =$

$= 1$, one concludes that there is no informational uncertainty anymore: $I_{\text{posterior}} = P_{\text{posterior}} \ln P_{\text{posterior}} = 0$. Then it is not difficult to see that the transition from an infinite ensemble of the universe to the specific and particular our universe would require infinite amount of information from that “agency” which would effect such a transition $\Delta I = |I_{\text{posterior}} - I_{\text{apriori}}| = \infty$. If one would treat this simple model as an epistemological exercise then it is obvious that man cannot possess infinite information and thus to understand the sufficient conditions of the origin of our universe. If one treats this transition from the ensemble of the universes to our universe as a physical one, a problem of energy costs arises. Since the production of a bit of information requires energy, it is unclear where from the physical mechanism of the transition arises if it requires infinite energy. This simple model explicated in a different way the unknowability of the initial condition of the universe and its radical contingency.

Now, leaving aside a question of the origin of the universe, accepting a principal difficulty in formulating the initial conditions of the universe and thus transferring it to a sphere of metaphysical speculations, let us concentrate on the next problem, namely of origin of life in the universe.

2. Now let us look at the phenomenon of human life from a cosmological perspective. We to start with a simple observation that the phenomenon of man, if it is seen from the point of view of the place and age it occupies in the overall history of the universe represents a tiny island in the vast ocean of physical being. According to modern cosmology, the universe is old and large. Its estimated age $T \simeq 13.8$ billion years, and its maximal observable size, corresponding to the distance which can be travelled by light during this T , is equal to $R_U \simeq 10^{28}$ cm. If we accept that the hominids appeared on the planet Earth approximately 1 million years ago it is not difficult to estimate, in relative units, that the amount of time which human life exists in the universe ΔT with respect to the age of the universe T is $1/10^4$ at the very end of the universe’s evolution. As to the relative space, occupied in the universe by humankind (we mean the planet Earth with a radius $R_E \simeq 10^9$ cm), the ratio will be even more impressive: $R_E/R_U \simeq 10^{-19}$ (the volume occupied by humans on the Earth will be $\simeq 10^{-57}$ of the volume of the observable universe). It is important to realize that the universe, being old and large, was unsuitable for the existence of human life most of the time and is probably unsuitable for life in most of its space (refusing any speculations about the extraterrestrial intelligent life). This brings us to the conclusion that the universe, understood as overall space-time, is effectively empty and dead in terms of life with only one exception, that is the life on the planet Earth.

One can easily illustrate this point by appealing to an anthropic argument which makes a link between the global physical conditions in the universe and the fact of existence of life on planet Earth. It is obvious that life could not exist in the past of the universe because it was hot. The stability of atoms is a fundamental condition for existence of all possible biological forms of life. It is known from atomic physics that in order to destroy atoms it is enough to expose atoms to external electromagnetic radiation, i.e. to highly energetic photons, whose energy is greater than the binding energy E_H . This implies that since all atomic structures are embedded in the external cosmological background, filled in with the so called inter-galactic gas (IGG) and the microwave relict background radiation (MBR), the energy of particles in IGG and MBR must be

less than E_H . If we express this condition in terms of the effective temperature of particles and photons, using the connection between energy and temperature $E = kT$ (k is Boltzmann's constant) we can state that

$$T_{\text{MBR}}[\approx 3\text{K}] < T_{\text{IGG}}[\approx 100\text{K}] < T_{\text{H}}[\approx 10^4\text{K}]$$

This inequality is satisfied at present age of the universe. In the past of the universe, however, this inequality would not hold, because, for example of the fact that the T_{MBR} is the function of the radius of the universe a ($T \approx 1/a$) and it increases in the past when $a \rightarrow 0$. At some point T_{MBR} exceeded T_{H} and all atoms could not exist, so that no physico-biological form of life would be possible.

Certainly this simple observation is true if we assume that the constant of electromagnetic interaction does not change in time. It is interesting to find, however, that its particular numerical value is critical for the condition of the stability of atoms to hold. Indeed if we change, hypothetically, its value, let us say we decrease its value ten times, then the corresponding temperature T_{H} , will be comparable with T_{IGG} and atoms can be potentially destroyed by the interactions with the particles from IGG. In a similar way if we decrease the same constant in one hundred times, the corresponding temperature of atoms will be less than the temperature of MBR, so that atoms could not exist in the cosmological background at all. These simple arguments remind us again about the so called fine tuning of fundamental physical constants and external cosmological parameters, which provide the sustenance of life in the universe.

What is important for us, however, is that the brute fact of the observable values of the physical constants and cosmological parameters allows us to conclude that the conditions for life, understood in this context only in physical and biological terms, did not exist in the universe forever, i.e. the universe was not always "anthropic". One can object to this affirmation by saying that the universe is an evolutionary complex, and that the emergence of life at a certain point of its evolution and in a given place, was conditioned by the previous history of the universe, and it is in this sense one could assert that the universe was anthropic from the very beginning i.e. its initial conditions evolved later on leading to a cosmic environment such that the *necessary* condition of the emergence of life were fulfilled. The fact that we put a stress here on the word "necessary" (conditions for life) reflects the weak point of any physical cosmology and even biology as unable to reflect reasonably on the nature of the *sufficient* conditions for life to emerge in the universe.

The difficulty which cosmology runs into if it attempts to justify the sufficient conditions for the emergence of life can be easily illustrated by referring to what is accepted by modern cosmology as fact that life (again understood in physical and biological terms), existing in the universe here and now, is destined to disappear from its surface because either of terrestrial physical or cosmological reasons. In the astrophysical context the upper bound on the existence of life on planet Earth follows from finite age of existence of the Sun (≈ 5 billion years from now), whose termination in the explosion will bring any life in the surrounding cosmos, including the Earth to extinction. Even if we disregard this local cosmic catastrophe and hypothetically assume that humankind could spread beyond the Solar system into outer cosmic space, we still have to face some global cosmological constraints on the duration of its existence, following from the theory, namely the eternal frost of the ever-expanding universe. In this case,

some cosmologists tried to argue that there will be a possibility to extend the ‘existence’ of ‘life’ in the universe, by abandoning the human body, and adjusting the new form of life to an absolutely different environment. These hypotheses were based on a speculative assumption that life can be defined in terms of mechanisms producing information, so that the question of supporting life in the universe is a question of producing information with no ending. It is enough to remind one of the long-standing paper of F. Dyson on life in the cold and dark future of the universe, where he argued that civilizations can survive there by constantly reducing their rate of energy consumption and information processing [1]. Dyson’s argument was that in spite of this the total amount of information produced in the universe may still be infinite, which would imply that the post-human ‘civilization’ could live forever in its subjective time [2].

In spite of the-apriori speculative nature of this proposal, which is doubtful first of all on purely anthropological grounds, for it definitely departs far from what is usually understood by humanity as the existence in body and soul, the physics of Dyson’s model was revised recently with a very pessimistic conclusion that his scenario of existence forever is physically unachievable [3].

It is now important to stress that all forecasts for the upper bound of duration of conscious life in the universe assume tacitly that humankind intends to continue to exist and does not participate actively in reducing its chances of survival, avoiding intentionally the situation on the terrestrial scale, which could be called a “doom-day syndrome”. The latter is usually associated with the global ecological crisis, nuclear holocaust, some lethal experiments with germ warfare, or experiment with high-energy physics which could lead to the destruction not only of our planet, but the whole universe [4]. It is the possibility of the termination of the Humankind-Event by conscious being themselves, when their activity threatens the natural roots of their existence, that points out that the sufficient conditions for the endurance of this Event are partially rooted in the sphere of thought of these beings, in the realm of value and ethics [5].

This brief reference to the future evolution of the universe and the conclusion about the inevitable termination of life in physical and biological terms leads us to the assertion that the universe is essentially “anti-anthropic” in the future, in spite of the fact that its present state provides the necessary conditions for the existence of life. We can summarise our point in the following formula: “The universe is anthropic now. It was ‘anti-anthropic’ in the past and it will be ‘anti-anthropic’ in the future”. This leads us naturally to assumption that the phenomenon of life in the universe, considered at this stage only with respect to its grounds in physics and biology is *finite*, as regards to time and space. And it is because of this that we talk about the phenomenon of man as Humankind-Event, i. e. as a physical event whose spatial scale is finite and whose duration, in spite of being extended in time, is still finite and tiny (if seen from the present) with respect to the age of the universe. This event is not exactly what is usually meant by an event in the physics of relativity, where an event is assumed to have no temporal extension, i. e. it is treated as an instant, the set of which forms space-time. What is important in using the word “event” as applied to the phenomenon of man, is that this event is not inherent in the cosmological background (there is no ultimate causal link between cosmology and anthropology); it depends on it, i. e. the phenomenon of life is conditioned by physics, but only in terms of the *necessary* conditions. This means that in order for the Humankind-Event to happen, i. e. to become a part of history different from the dynamics of the cosmological

background, there must be present some non-natural factors, making the event contingent upon these factors. What are they? With no ambition to give a final answer to this question we hope at least discuss this problem in the following sections.

Results and discussion. In order to elucidate the meaning of the concept of Humankind-Event as contingent upon non-natural factors, in a cosmological context we should relate it to the series of ideas which are broadly called as Anthropic Cosmological Principle (we use an abbreviation AP).

The so called Weak AP (WAP) concentrates upon the privileged spatio-temporal location of intelligent observers in the evolutionary Universe: they find themselves at a rather specific site, and at a later stage of the history of the Universe; the physical parameters which are treated as fundamental constants are not arbitrary, but rather fine tuned with the conditions that carbon-based life form can evolve [2, p. 16]. The WAP emphasizes that there are some *necessary* conditions which make it possible for life to emerge and to continue its existence in the universe: the universe must be old (at least 10 billion years) and large in order to create the conditions for carbon-based life-forms to emerge. The positive feature of the WAP is that it does not claim too much, that is it does not demand any inherent causality between the cosmological evolution and the emergence of life. It does not say anything about the laws of physics themselves, or about the values of the fundamental physical constants. It accepts these values as given and then attempts to explain some features of the universe. The WAP just says that in order for the Humankind-Event to happen, there must be fulfilled some cosmological conditions. Making a stress on the necessary conditions the WAP does not, in fact, address the issue of what was the actual cause of the Humankind-Event. It is also clear that the WAP does not run into the discussion of the future of the universe; in other words it leaves the question of the indefinite continuation of life out of its scope.

Cosmology and physics while they try to put the conditions of the existence of humanity in a cosmological context, deal only with the *natural* dimension of the Humankind-Event, i. e. with the existence of humans as physico-biological bodies. Physics itself can hardly speculate at present on the nature of human consciousness or soul [6, p. 163]. In other words physics and cosmology can discuss the human phenomenon only from a perspective of its materiality, that is in terms of physics and biology, which can be communicated from one being to another and form a large uni-natural population. The *personal* dimension of human existence is out of the scope of physics and biology, based on it. Certainly the conscious nature of humans is tacitly present in all cosmological insights, because all of them are made by the intelligent human beings, so that any claim about the universe has sense only in the context of the human intelligence in the cosmos. But cosmology has no key to the explanation of this intelligence itself. The intelligence is not obviously inherent in the cosmological observations and theories, it can only be established through philosophical introspection.

The WAP affirms the *natural conditions* for the Humankind-Event, but it does not relate to the issue why this event has happened, i. e. why the existence of human beings understood as differentiated persons became possible. In other words why the Humankind-Event happened not just an element in the natural chain of impersonal and dispassionate interplay between chance and necessity. One sees then that the problem of the sufficient conditions for life to emerge and to continue to exist in the universe in cosmology correlates with the mystery of the personal existence of human beings in philosophy. The insufficiency of cosmology to clarify the riddle of intelligent

life in the universe points towards the grounds of life, which transcend the cosmological context, making the Humankind-Event relational (or contingent) upon some event-like factors which make impossible to use scientific theories working in the phenomenonality of objects.

It follows from what we have just said that the issue of the necessary conditions of the intelligent life in the universe must not be separated from the issue of the sufficient conditions. The AP is logically incomplete if it tries to affirm something about the structure of the universe relying only on the natural aspects of human existence. It follows then that the genuine Anthropic Principle must be constituted of both scientific and philosophical insights which would open a route to the demonstration of the contingency of human existence in the universe and to a more intricate involvement of human beings in comprehending the grounds of intelligibility of the universe.

From what we have said it becomes clear that even the more speculative Strong AP in cosmology does not reach its goal of proclaiming that the whole structure of the universe is to be subordinated to the fact of the existence of intelligent life in the universe: “the universe must have those properties which allow life to develop within it at some stage in its history [2, p. 21].” An attempt which the SAP makes in subordinating the entire history of the universe to the requirement that life can emerge in this universe has a modest utility in cosmology [7, 8]; it raises, however, some problems of a philosophical kind. Indeed if the SAP refers only to the natural aspects of human existence, then it obviously does not address the issue of sufficient conditions for the existence of life in the universe, for even if the universe is physically ‘designed’ in order to contain biological life, it is still unknown what was a particular cause which led ultimately to the emergence of biological organisms and the universe adjusted to it. The problem of consciousness in biological organisms is not even addressed by this Strong AP. There is some contingent element in the whole story of the appearance of life in the universe, which is fundamentally unavoidable if one thinks about it in purely physical terms.

In order to illustrate the last thought, we want to employ a simple model of the emergence of complexity in physics in order to show that it is always accompanied by a fundamental uncertainty, which cannot be resolved on a physical level but requires one to appeal to some trans-physical (and non-predictable) factors. Our example is based on two assumptions. The first one is that the phenomenon of life from a physico-biological point of view is associated with the “manifestation of the attainment of a particular level of organised complexity in a physical system” [9, p. 19]. The second assumption is that for heuristic modelling of the emergence of the organised complexity (associated with existence of life) one can use any physical model of complex phenomena, which involves an interplay of the necessary and sufficient conditions for the complexity to emerge. Under these two assumptions we intend to demonstrate that the emergence of ‘life’, understood simply as a definite level of complexity in a physical system, requires one not only to satisfy the necessary conditions, serving as a background for complex phenomena, but also to realize that a particular outcome of these phenomena (one of those could be associated with the emergence of life), will be a-priori unpredictable and contingent upon factors, which are not conceivable by the physics which operates with the given complex phenomena.

The simplest example of complexity in a physical system is known as the Bernard instability in the heat convection in the liquid contained between two planes with different temperatures in the external gravitational field [10]. The Bernard instability is the transition from

an initially uniform liquid to the state where this liquid becomes ordered in space, in terms of the so called Bernard cells, with a typical size $1/10^{\text{th}}$ cm, in which 10^{21} molecules experience a special type of correlation. The transition from the uniform liquid to the structured liquid can be compared with the transition from a physical state of the universe with no life to the state when life emerged. In the case of the Bernard phenomenon the transition from the uniform state to complex state depends upon satisfying some necessary conditions: the presence of the external gravitational field, and the presence of the difference in temperature on the upper and low planes ΔT . When this difference reaches some critical value ΔT_c one observes the transition from the uniform liquid to the liquid which is formed by cell-tubes. If we make an analogy between the external factors in the Bernard experiment with the external cosmological conditions which are necessary for emergence of life (such as the strength of the cosmological gravitational fields and, the temperature of the background radiation which decreases as the universe expands), then the necessary condition for the Bernard phenomenon to occur can be paralleled with some cosmological event, when the temperature of the background radiation dropped down to such a level when the stability of the constituents of the biological factors on planet Earth, has been achieved and life could emerge.

The most intriguing part of the Bernard experiment, however, consists in the fact that the phenomenon of complexity can be of two different types. The Bernard cell in a given place of the liquid can have either clockwise (right - R) or anticlockwise (left - L) chirality so that the spatial structure of complexity, attained in a fixed point of the liquid (related to a position of a hypothetical observer) can be depicted as a sequel of cells with different order of chiralities, namely either A: ...RLRLRL.. or B:...LRLRLR.... The phenomenon is deterministic with respect to the external, necessary conditions, but it is impossible to predict what particular outcome (either A or B) will take place. This means that if one repeats the experiment, leading to the Bernard instability many times, one can only predict the probability $P_A=1/2$ that there will be an outcome A and the probability $P_B = 1/2$ that there will be an outcome B.

If we now make a hypothesis that the state A corresponds to such a level of complexity which leads to 'life', whereas the state B is 'infertile', then one can affirm that in spite of the deterministic external *necessary* conditions for complexity to emerge, the actual happening in the system, leading either to 'life' or to 'no life' is not in a causal relation to the necessary conditions. It is probabilistic in its nature and depends on factors, which are not described by physical theory. What is the actual cause of a spontaneous breakdown of symmetry between 'life' and 'no life' remains unclear. In other words the *sufficient* conditions which led to emergence of life are not explained.

By concluding our discussion of a simple physical model of the emergence of complexity (which can be interpreted in a reductionist way as the emergence of life), we must rearticulate two important achievements: 1) the sufficient conditions for actual emergence of life in the universe can not be part of physical theory; this indicates the presence of fundamental, unavoidable, contingency in cosmological theory; 2) the anthropic arguments deal only with the natural aspects of the Humankind-event, whose actual happening is contingent upon some non-natural grounds. This brings us finally to the understanding that the mystery of the Humankind-event and the attempt of cosmology to enquire into it through anthropic arguments is linked with

the mystery of the hypostatic existence of human beings. Cosmology as taken in its purely scientific realisation can pretend to reveal the fundamental contingency of human existence in its natural dimension upon some specific conditions which have been realised in the universe. It will be, however, extremely difficult for cosmology alone (with no support of philosophy) to reveal the ground of the universe and human beings in it. But this exactly means that cosmology should look for the presence of contingent necessity in its laws and facts about the existence of human beings in the universe, that is the necessity which by its display in the universe never acquires the features of sufficiency; for the sufficiency, if it were to be possible to reveal it in the display of the universe, by its logical constitution, would be an ultimate ground of contingent necessity in the world, which would correspond to the hidden design of the universe.

One can conclude thus that the human phenomenon in the universe, analysed in the context of the Anthropic Arguments in cosmology, is in its essence finite and contingent upon some ill understood factors which can only be guessed through an appeal to philosophy. It is in this sense that all assertions of the WAP can be interpreted as the indications of the fundamental contingency present in astrobiological research, open to further explanation, based on non-physical assumptions.

It can sound tautologous that the very fact that physics can speculate about the universe and the place of man in it is based on the ability of humans to contemplate the universe and form a coherent picture of the world. This ability is associated with the intelligence which makes human beings fundamentally different from other forms of biological life. This fact, in spite of being tacitly present in the very foundation of science is disregarded as constitutive for modern knowledge. Human beings as intelligent observers and conscious agencies in the universe are downgraded to the level of passive observers, so that the presupposition of the observations themselves, that is human consciousness, is excluded from the subject matter of physics [7]. Here we have two notes: 1) such a vision of humanity's place in the universe is fundamentally incomplete (and can be easily elucidated by a simple example); 2) the appearance of consciousness cannot be accounted through the physical factors, so that, once again, its sufficient conditions refer us to the realm of non-scientific explanation.

In order to deal with 1), let analyze a typical diagram from popular scientific books, which depicts different objects in the universe, starting from atoms and finishing with galaxies, in terms of their spatial sizes or in terms of their masses. The reader can find these diagrams in many books (see for example [11, p. 49, 53; 9, p. 20; 12, p. 5]). The position of human beings in this diagram is seen as mediocre: its typical spatial size is 10^{12} times higher than atomic one and the place they occupy in space is 10^{-19} times less than the size of the visible universe. In spite of the fact that the existence of human beings depends on atoms and the size of the Universe (this is an anthropic reasoning) the position of human beings in the universe is insignificant. For every contemplative thinker, the internal inconsistency of such a purely physical view is hidden in the fact that human reason is encoded in such a diagram implicitly. All objects are integrated in a single logical chain, which is possible only because of the human insight. Thus all objects in the chain of physical being are united by human reason in a single consciousness of the whole which is sustained from the "vertical" dimension of human intellect, which is linked to the *natural* conditions of man's existence but also to "non-natural" factors related to personal consciousness. This idea can be illustrated by the diagram.

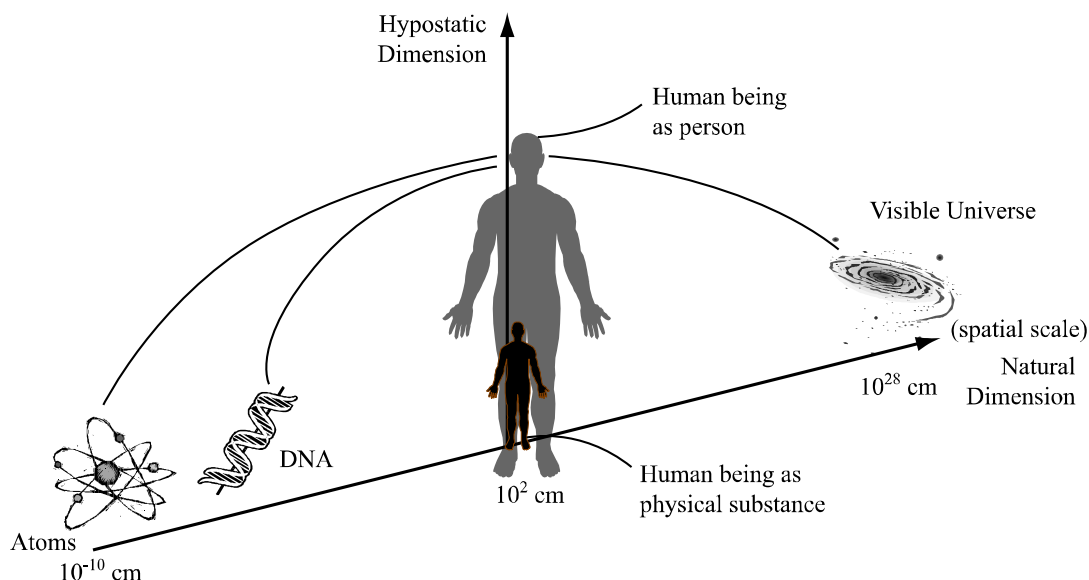

Fig. The dual position of humanity in the universe: a part of nature and the center of disclosure and manifestation

Some would say that the functions of human intellect to integrate different parts of the universe have naturally emerged, so that they constitute the part of nature, although quite different from what one means by physical nature. However, they do not explain the aspect of *personhood* in human existence. The personal existence means that it cannot be communicated to another person (in a contrast with the natural, let say biological factors). This literally means that the symbol of human being in the diagram as personal (large and grey) stands for the whole of mankind (in contrast to natural man (small and black)), as the community of beings with a common principle of human nature realised in different persons. One can say that the integral knowledge of the universe contains in itself an implicit premise that there is a “way” of communication with the universe, which would allow the human reason to find truth about the universe, and to share this truth among the members of the whole community. But the establishment of the “meaning” of what is contemplated by the members of the community presupposes that there is a common ground of sense and intelligibility, which is shared not only naturally (i. e. biologically on the level of the corporeal), but also personally intellectually, the very possibility of which is rooted in their common relationship to the common source of rationality in the universe.

The human ability to recapitulate in its knowledge all constituents of the universe, and to realize that human being is deeply dependent on the structural and nomistic aspects of the microworld, as well as of the mega-cosmos, makes the position of humans in the universe exceptional and unique. The recapitulation of the universe in humanity takes place not only on the natural level (which is affirmed in the anthropic arguments), but, and this is much less trivial, on the rational level; this implies indirectly that human beings are participating in outward *hypostasization* of their own existence by revealing the meaning of various levels of the universe. The latter is possible because human beings can use their own rationality in order to bring the undifferentiated *existents* in the universe to their proper, personal existing, that is as the existence through the apprehension in the persons. It is this existence of the universe through knowledge, that is in human beings, which means that the universe is *articulated and constituted* by human beings.

The fundamental problem, however, in asserting the idea that the universe appears to us as intelligible reality, is rooted in the origin of the intelligence of human beings and its relation to the

intelligibility of the universe, which is discovered through the scientific quest. It follows from what we have said before that the root of human intelligence lies in the hypostatic dimension of human existence, which can be expressed in such words as the relation to the ultimate source of intelligibility which is beyond the world. This leads us to the conclusion that the act of making the universe inherent in human apprehension, means, in fact, the act of recovering of the contingent intelligibility of the Cosmos. It is clear then that for this to be possible at all one should assume that the human intelligence is somehow tuned with the intelligibility of the universe. This leads us back to the idea that the intelligence of human beings, rooted in their hypostases, and the intelligibility of the universe (which is not self-evident), which is revealed to human beings when the universe is apprehended and articulated by them, have a common root.

Conclusion. We now have come in our discussion of the place of man in the universe to the central question: why the hypostasis of human beings is an accomplished one so that they can mediate between. By posing this question we just want to express our main concern and our main argument that the mystery of the phenomenon of humanity in the universe can only partially be uncovered by the sciences in terms of the natural conditions suitable for the existence of life; the genuine problem of such a happening in the universe which we call the Humankind-Event still remains a philosophical issue, where some other, that is non-scientific sources of human experience must be invoked. This exactly points to the fact that the human hypostasis is capable of such insights and intuitions which are not accessible to the discursive thinking.

REFERENCES

1. Dyson, F.J. (1979), "Time without end: Physics and biology in an open universe", *Reviews of Modern Physics*, vol. 51, no. 3, p. 447. DOI: <https://doi.org/10.1103/RevModPhys.51.447>.
2. Barrow, J.D. and Tipler, F.J. (1986), *Anthropic Cosmological Principle*, Clarendon Press, Oxford, UK.
3. Krauss, L.M. and Starkman, G.D., (2000), "Life, the Universe, and Nothing: Life and Death in an Ever-Expanding Universe", *The Astrophysical Journal*, vol. 531, no. 1, pp. 22–30. DOI: <https://doi.org/10.1086/308434>.
4. Leslie, J. (1996), *The End of the World*, Routledge, London, UK.
5. Leslie, J. (1979), *Value and Existence*, Basil Blackwell, Oxford, UK.
6. Swinburne, R. (1998), "Argument from the Fine-Tuning of the Universe", *Modern Cosmology and Philosophy*, in Leslie, J. (ed.), Prometheus, N.Y., USA, pp. 161–163.
7. Carr, B.J. (1998), "On the Origin, Evolution and Purpose of the Physical Universe", *Modern Cosmology and Philosophy*, in Leslie, J. (ed.), Prometheus, N.Y., USA, pp. 152–157.
8. Leslie, J. (1998), "The Anthropic Principle Today", *Modern Cosmology and Philosophy*, in Leslie, J. (ed.), Prometheus, N.Y., USA, pp. 295–305.
9. Barrow, J.D. (1999), *Between Inner Space and Outer Space*, Oxford Univ. Press, Oxford, UK.
10. Nicolis, G. and Prigogine, I. (1989), *Exploring Complexity: An Introduction*, W. H. Freeman & Co., N.Y., USA.
11. Barrow, J.D. (1995), *The Artful Universe*, Oxford: Clarendon, UK.
12. Penrose, R., Shimony, A., Cartwright, N., and Hawking, S. (1997), *The Large, the Small and the Human Mind*, Cambridge Univ. Press, Cambridge, UK.

Information about the authors.

Alexei V. Nesteruk – Dr. Sci. (Philosophy) (2019), Visiting Research Lecturer at the University of Portsmouth, Lion Gate Bld, Portsmouth, P01 3HF, UK. Associate Professor at the Inter-University Centre on Education in History and Philosophy of Science, State Marine

Technical University, St Petersburg, 3 Lotsmanskaya str., St Petersburg 190121, Russia. The author of 114 scientific publications. Areas of expertise: cosmology, philosophy of science, the dialogue between science and theology. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6318-7907>. E-mail: alexei.nesteruk@port.ac.uk

Aleksandr V. Soldatov – Dr. Sci. (Philosophy) (1991), Professor (1992), Head of the Department of Philosophy and Sociology, State Marine Technical University, St Petersburg, 3 Lotsmanskaya str., St Petersburg 190121, Russia. The author of 204 scientific publications. Areas of expertise: philosophy of science, philosophy of religion, sociology of science. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5548-1735>. E-mail: soldatov2012@yandex.ru

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Dyson F. J. Time without end: Physics and biology in an open universe // *Reviews of Modern Physics*. 1979. Vol. 51, № 3. P. 447. DOI: <https://doi.org/10.1103/RevModPhys.51.447>.
2. Barrow J. D., Tipler F. J. *Anthropic Cosmological Principle*. Oxford: Clarendon Press, 1986.
3. Krauss L. M., Starkman G. D. Life, the Universe, and Nothing: Life and Death in an Ever-Expanding Universe // *The Astrophysical Journal*. 2000. Vol. 531, № 1. P. 22–30. DOI: <https://doi.org/10.1086/308434>.
4. Leslie J. *The End of the World*, London: Routledge, 1996.
5. Leslie J. *Value and Existence*, Oxford: Basil Blackwell, 1979.
6. Swinburne R. Argument from the Fine-Tuning of the Universe // *Modern Cosmology and Philosophy* / in Leslie J. (ed.). N.Y.: Prometheus, 1998. P. 161–163.
7. Carr B. J. On the Origin, Evolution and Purpose of the Physical Universe, *Modern Cosmology and Philosophy* / in Leslie, J. (ed.), N.Y.: Prometheus, 1998. P. 152–157.
8. Leslie J. The Anthropic Principle Today // *Modern Cosmology and Philosophy* / in Leslie J. (ed.). N.Y.: Prometheus, 1998. P. 295–305.
9. Barrow J. D. *Between Inner Space and Outer Space*. Oxford: Oxford Univ. Press, 1999.
10. Nicolis G., Prigogine I. *Exploring Complexity: An Introduction*. N. Y.: W. H. Freeman & Co., 1989.
11. Barrow J. D. *The Artful Universe*, Oxford: Clarendon, 1995.
12. *The Large, the Small and the Human Mind* / R. Penrose, A. Shimony, N. Cartwright, S. Hawking. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1997.

Информация об авторах.

Нестерук Алексей Всеволодович – доктор философских наук (2019), научный сотрудник университета Портсмута, Великобритания, Лайон Гэйт корп., Портсмут, PO1 3TR, Великобритания. Доцент межвузовского центра по образованию в области истории и философии науки при Санкт-Петербургском государственном морском техническом университете, Лоцманская ул., д. 3, Санкт-Петербург, 190121, Россия. Автор 114 научных публикаций. Сфера научных интересов: космология, философия науки, диалог между наукой и богословием. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6318-7907>. E-mail: alexei.nesteruk@port.ac.uk

Солдатов Александр Васильевич – доктор философских наук (1991), профессор (1992), заведующий кафедрой философии и социологии Санкт-Петербургского государственного морского технического университета, Лоцманская ул., д. 3, Санкт-Петербург, 190121, Россия. Автор 204 научных публикаций. Сфера научных интересов: философия науки, философия религии, социология науки. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5548-1735>. E-mail: soldatov2012@yandex.ru

Ценностные приоритеты современной молодежи в социальной адаптации

О. Д. Шипунова², И. П. Березовская^{1, 2}✉

¹Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия

²Петербургский государственный университет путей сообщения
Императора Александра I, Санкт-Петербург, Россия

✉ipberezovskaya@mail.ru

Введение. Статья посвящена исследованию ценностных установок, определяющих критерии отношения молодого человека к жизни в обществе. Базовые аксиологические установки играют ключевую роль в оценке индивидуумом ситуации, при выборе формы поведения. Цель статьи – структурный анализ системы ценностей молодых людей по возрастному и гендерному признакам. Задачи статьи определяются выявлением ценностных приоритетов молодежи в возрастной группе 15–17 лет, которые являются основанием для конструирования жизненных стратегий в социальной адаптации. Научная новизна исследования заключается в специфике рассмотрения аксиологии социальной адаптации путем измеряемых параметров мотивационной структуры личности и междисциплинарном поле исследования.

Методология и источники. Исследование ведется на теоретической базе социальной философии и психологии в рамках деятельностной концепции личности, с использованием сравнительного анализа, с применением методов психологического тестирования и стандартизированных самоотчетов по «Опроснику терминальных ценностей (ОТеЦ)» И. Г. Сенина. Исследование происходило в г. Санкт-Петербурге в мае 2019 г. В эмпирическом исследовании приняли участие 64 респондента в возрасте 15–17 лет (38 юношей и 26 девушек).

Результаты и обсуждение. Результаты эмпирического исследования представлены в виде структурной диаграммы, наглядно показывающей средний уровень выраженности базовых ценностей молодежи в референтной группе. Выявлено, что приоритетом в системе терминальных ценностей юношей и девушек является ориентация на духовное удовлетворение в реализации жизненных планов (33 %). 27 % опрошенных молодых людей в социальной адаптации ценностно ориентированы на сохранение собственной индивидуальности. Представлен сравнительный анализ ценностных приоритетов юношей и девушек, который показал различие ориентаций, мотивирующих жизненную стратегию. Для выбранной группы юношей высокий уровень значимости в процессах социальной адаптации имеют целевые ориентации на собственный престиж, активные социальные контакты и духовное удовлетворение.

Заключение. В заключении подчеркивается явно выраженная аксиологическая установка молодежи на ценность отношений в семье, с которой и юноши, и девушки связывают формирование своего интеллектуального и коммуникативного потенциала жизненной стратегии в социальной адаптации. Результаты данного исследования имеют значение для изучения базовых аксиологических установок, а выделенные типы ценностных ориентаций позволяют наметить программы формирования социальной адаптации, а также рефлексию смысла реализации поставленных целей.

Ключевые слова: личность, социальные сферы, система ценностей, саморегуляция, социальная адаптация.

Для цитирования: Шипунова О. Д., Березовская И. П. Ценностные приоритеты современной молодежи в социальной адаптации // ДИСКУРС. 2020. Т. 6, № 3. С. 35–45. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-3-35-45

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 17.04.2020; принята после рецензирования 29.05.2020; опубликована онлайн 25.06.2020

Value Priorities of Modern Youth in Social Adaptation

Olga D. Shipunova¹, Irina P. Berezovskaya^{1, 2}✉

¹*Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St Petersburg, Russia*

²*Emperor Alexander I St. Petersburg State Transport University, St Petersburg, Russia*

✉ipberezovskaya@mail.ru

Introduction. The paper is devoted to the values that highlight terminal value orientations that determine the criteria for a young person's attitude to social life. Basic axiological settings play a key role in the processes of situation assessment, individual self-regulation while choosing and implementing a proper form of behavior. The aim of our research is analyzing the structure of the value system of young people by age and gender. The research objectives include identifying the value priorities of youth at the age of 15 to 17, which form the basis for constructing life strategies in social adaptation. The scientific novelty of the research lies in the specifics of researching the axiology of social adaptation, due to the measured parameters of the motivational structure of the personality and interdisciplinary research.

Methodology and sources. The research is conducted on the theoretical basis of social philosophy and psychology within the framework of the activity concept of the personality, using comparative analysis, psychological testing methods and standardized self-reports according to the questionnaire "Terminal Values" by I. G. Senin. The research was conducted in St. Petersburg in May 2019, 64 respondents aged 15–17 years took participation in the empirical research, of which 38 were boys and 26 were girls.

Results and discussion. Young people in the reference group present empirical findings in the structural diagram that demonstrates the average level of the basic values expression.

This corresponds to the person's inherent style of adaptive behavior in social sphere of his or her life world. It is found that in the system of terminal values for both boys and girls, common priority is given to spiritual gratification in the implementation of life plans (33 %). 27 % of young men surveyed in social adaptation are value-oriented to preserve their own individuality. A comparative analysis of the value priorities for boys and girls shows the difference in life strategy motivation. Among the young people in the reference group, target orientations on their own prestige, active social communication and spiritual gratification are of higher significance in the processes of social adaptation.

Conclusion. In conclusion, we can note a clearly expressed axiological orientation of youth on the value of family relations, with which both boys and girls associate the formation of their intellectual and communicative potential of life strategies in social adaptation. The results of this research are important for the research of basic axiological attitudes, and the distinguished types of value orientations allow us to outline programs for the formation of social adaptation, as well as reflection on the meaning of the realization of goals.

Keywords: personality, social spheres, value system, self-regulation, social adaptation.

For citation: Shipunova O. D., Berezovskaya I. P. Value Priorities of Modern Youth in Social Adaptation. DISCOURSE. 2020, vol. 6, no. 3, pp. 35–45. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-3-35-45 (Russia).

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 17.04.2020; adopted after review 29.05.2020; published online 25.06.2020

Введение. Понимание процесса формирования аксиологических установок у современного молодого поколения, выявление ценностных приоритетов в разных возрастных группах представляет собой актуальную задачу социальной адаптации и коммуникации в философии и психологии. В условиях сетевого общества личность становится активным участником конструирования информационной и социальной среды. Реализация принципа свободы мысли и действия, который декларируется в сетевой среде в качестве приоритетного ориентира самоутверждения, проявляется в различных молодежных субкультурах, многообразных формах изоляционизма в социальной и духовной сферах.

Проблема гармоничной социальной адаптации личности, коммуникативная проблема сохранения, передачи и утверждения базовых ценностей соотносятся с этической и психологической проблематикой формирования внутренних механизмов саморегуляции личности в процессах социальной адаптации. В публичной сфере социально-политические ориентации в большей степени ориентированы на действие, сопряженное с благом или общественной полезностью, связаны с потребностями, на которые опираются жизненные планы человека. Именно ценностные установки лежат в основе осмысления человеком социального мира. В практической жизни базовые аксиологические установки с осознанием или без него являются приоритетами в выборе и реализации формы поведения в процессах социальной адаптации. Поэтому система ценностей современной молодежи представляет особый интерес и заслуживает пристального внимания и изучения.

Социокультурная среда – важный формирующий элемент целостной системы личности. Воздействие социокультурной среды на эмоции и сознание индивидуума осуществляется не только в виде прямых административных указаний, регламентирующих его возможные действия, но также скрыто – через ментальные механизмы мотивации и понимания событий. Глобальные, региональные и локальные уровни преобразований социума в информационную эпоху затрагивают прямо или косвенно сознательные и подсознательные системы регуляции поведения человека в сфере общественной жизни.

В формировании практического сознания и действия ключевую роль в саморегуляции индивидуума играет понимание культурного контекста, принятых в общности норм и ценностей. Система ценностей, которая складывается на подсознательном уровне ментальности каждого человека, оказывает существенное влияние на направленность и содержание любой формы социальной активности, на формирование его гражданской позиции, на его поступки и поведение в повседневных и критических ситуациях, на общее восприятие мира и отношение к нему.

Наше исследование направлено на выявление приоритетов в системе ценностных ориентаций современной молодежи, которые являются основанием для конструирования жизненных стратегий в социальной адаптации.

Уровень выраженности базовых ценностей личности мы соотносим с коммуникативным потенциалом, обеспечивающим естественную для человека саморегуляцию поведения

в социальных сферах жизненного мира. С этой точки зрения мы рассматриваем такие личностные позиции, которые в психологии обозначены как терминальные ценности (ценности-цели); они определяют для человека смысл его жизни, указывают, что именно для него особенно важно и значимо: *собственный престиж; высокое материальное положение; креативность; активные социальные контакты; саморазвитие; достижения; духовное удовлетворение; сохранение собственной индивидуальности.*

Обзор литературы. Психологи традиционно различают системы ценностей-целей и ценностей-средств. Сложившиеся убеждения в приоритете некой конечной цели (смысла) индивидуального существования с личной или общественной точки зрения связываются с системой терминальных ценностей, мотивирующей направление жизненных ориентиров на уровне подсознательных механизмов ментальности. Сложившиеся убеждения о предпочтительности образа мыслей и действий связываются с инструментальными ценностями [1, 2].

Теоретические основы аксиологии социальной адаптации были заложены в работах Н. Гартмана, В. Дильтея, Дж. Дьюи, Г. Риккерта, М. Шелера и др. Вопрос о формировании системы ценностей у молодого поколения поднимался в социологии [3, 4], психологии [1, 5–7], философии [8, 9]. Ценностные аспекты когнитивной ориентации молодежи в сетевом обществе рассматривались в контексте проблемы фильтрации информационного потока при обучении, в связи с анализом роли интеллектуального потенциала саморегуляции в оценке систем суждений [10].

В настоящее время обсуждением этого вопроса заняты ученые из разных областей знания: от менеджмента и бизнес-этики до религиоведения и исследований счастья [11–15]. Немаловажное место в этих исследованиях продолжает занимать «сканирование» систем ценностей с помощью проверенных психологических методик [16–19].

В данном исследовании мы рассматриваем терминальные ценности как целевые жизненные установки личности, которые позволяют выявить усредненную динамику аксиологических приоритетов социальной адаптации в возрастных группах молодежи.

Методология и источники. Теоретическую основу исследования составляет деятельностная концепция личности, выдвигающая в качестве системообразующего принципа формирования личности взаимосвязь внешней и внутренней детерминации мотивов и действий (С. Л. Рубинштейн, А. Н. Леонтьев, К. А. Абульханова-Славская, А. В. Брушлинский). В этом контексте структура деятельности как внешняя причина мотивации действий и система ценностей как внутренняя мотивация образуют необходимое основание для исследования аксиологии социальной адаптации современного человека, погруженного в многоуровневую информационно-коммуникативную среду и вынужденного в ней постоянно ориентироваться, чтобы преуспеть в той или иной сфере жизнедеятельности.

В работе используются методы сравнительного и структурного анализа. В эмпирическом исследовании применялись методы психологического тестирования и стандартизированных самоотчетов по «Опроснику терминальных ценностей (ОТеЦ)» И. Г. Сенина. Исследование происходило в г. Санкт-Петербурге в мае 2019 г. В эмпирическом исследовании приняли участие 64 респондента в возрасте 15–17 лет: 38 юношей и 26 девушек.

Результаты и обсуждение.

Ценностные приоритеты молодежи в социальной адаптации. Исследование выраженности терминальных ценностей методом психологического тестирования позволило выявить наглядную картину средних показателей ценностных приоритетов участников опроса (рис. 1).

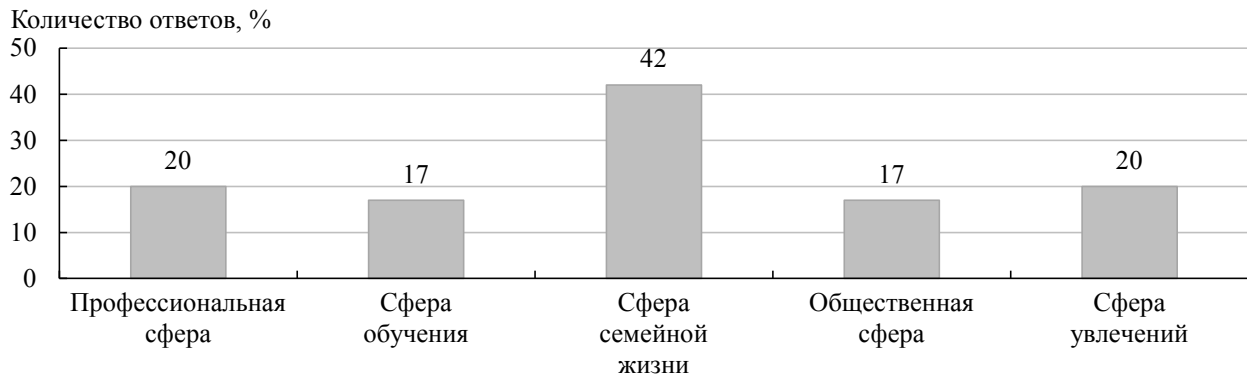

Рис. 1. Показатели ценностного приоритета респондентов относительно социально-коммуникативной сферы отношений в возрастной группе 15–17 лет
Fig. 1. Indicators of the value priority of respondents relative to socio-communicative sphere of relations in the age group (15–17 years)

Структурная диаграмма ценностных ориентаций относительно вхождения индивидуума в многозначную систему отношений общественной жизни показывает, что самой важной коммуникативной сферой для молодых людей является семья (42 %). Наибольшую значимость сферы семейной жизни они выделяют (по сравнению с другими сферами) в отношении развития своих способностей, самопознания, формирования собственного когнитивного потенциала, эмоционального и духовного развития. Именно семейная сфера отношений дает молодому человеку нравственные границы и старт для формирования собственного престижа, ценностной установки на достижение поставленных целей и признание в обществе.

В качестве приоритетной сферы в системе жизненных установок 20 % молодых людей указали вхождение в профессиональную деятельность, которая активизирует социальные контакты, а также ценностные ориентации на собственные достижения в выбранной профессии и духовное удовлетворение.

Сферу увлечений, с которой связывают активные социальные контакты и креативность как ценностную ориентацию на успешную реализацию творческих способностей, предпочли у 20 % респондентов.

Приоритет сферы обучения выделили 17 % молодых людей в сочетании с ориентацией на достижение высоких результатов в получении знаний и профессиональный рост как залог материального благополучия, которое в данном случае выступает главным смыслом жизненной стратегии.

Сфера общественной жизни значима для 17 % опрошенных. В этой сфере в первую очередь выделяются такие ценности, как *духовное удовлетворение*; *сохранение собственной индивидуальности*; *активные социальные контакты*. В сфере общественно-политической жизни ценностная ориентация на собственный престиж выражается в стремлении придерживаться массового стереотипа восприятия событий, следовать авторитетным источникам, наиболее распространенным модным течениям. Для этой группы характерен интерес к разговорам на политические темы. Однако их взгляды не отличаются высокой оригинальностью и зависимы, как правило, от мнений медийных персон. Установка на высокое материальное положение в данной сфере ориентирует индивида на публичную деятельность с прагматической целью, которой чаще всего является материальное вознаграждение. У набравших высокие баллы по

этому показателю присутствует активное желание заниматься общественной деятельностью и участвовать в политических движениях при условии обеспечения материальными благами.

Высокие баллы в оценке молодыми людьми ценностного приоритета креативности в политической жизни указывают на то, что они отличаются энтузиазмом в отношении изменений, происходящих в обществе, стремятся найти новые способы социального взаимодействия. Установка на активные социальные контакты предполагает склонность молодого человека к формированию позитивных гармоничных взаимоотношений с другими людьми. Те из молодых людей, кто набрал высокие баллы по этому показателю, полагают, что социальное взаимодействие ценно само по себе.

Ценностная установка на развитие себя определяет стремление молодого человека к наиболее полной реализации своих способностей в социальном взаимодействии и самореализации в общественно-политической жизни. Для испытуемых, набравших высокие баллы по этому показателю, свойственны активная самопрезентация в социальных сетях и высокая заинтересованность в информации о своих способностях в публичной сфере.

Приоритет ценностной ориентации на достижения в публичной сфере способствует нацеленности не только на конкретные результаты деятельности, но и на формирование высокой самооценки, которая часто сама становится целью. Высокие баллы по данному показателю говорят об умении четко планировать свою общественную деятельность, ставить цели и находить способы их достижения.

Ценностный приоритет молодых людей на духовное удовлетворение в публичной сфере деятельности связан с идеалами общественного блага в конструировании жизненной стратегии, с желанием сделать жизнь всех людей более благополучной. Высокие баллы по данному показателю говорят об альтруистическом характере социальной активности, когда человек получает удовлетворение от самого процесса участия в благом деле, а не от результатов своей публичной деятельности.

В сфере общественной жизни наличие ценности сохранения собственной индивидуальности показывает, что индивид стремится иметь свою точку зрения и не зависеть от мнения других людей в вопросах социально-политического взаимодействия. У получивших высокие баллы по данному показателю наблюдается стремление иметь собственную гражданскую позицию, в отличие от всех других позиций. Но эти люди неактивны в социально-политической жизни, так как слишком заняты собой.

Значимость терминальных ценностей молодежи в сфере общественной жизни. Картина ценностных приоритетов молодых людей, представленная в структурной диаграмме (рис. 2), построена на основании опроса референтной группы и позволяет сделать вывод, что в иерархии ценностей у молодежи нет единства. 33 % юношей и девушек выделили *духовное удовлетворение* в качестве наиболее важной ценностной ориентации в общественной деятельности. Почти такое же количество (27 %) молодых людей считают ценность *сохранения собственной индивидуальности* приоритетной в сфере общественной жизни.

Сравнение значимости терминальных ценностей в разных возрастных группах юношей показало, что они в большей степени ориентированы на активные социальные контакты (рис. 3). Юноши рассматривают общественную жизнь как способ реализовать свою социальную активность и отстоять свою позицию, заняв в структуре общественных отношений определенное место, которое приносило бы более тесный контакт с единомышленниками и влиятельным кругом лиц, обеспечивающим свободные взаимодействия в публичной и экономической деятельности.

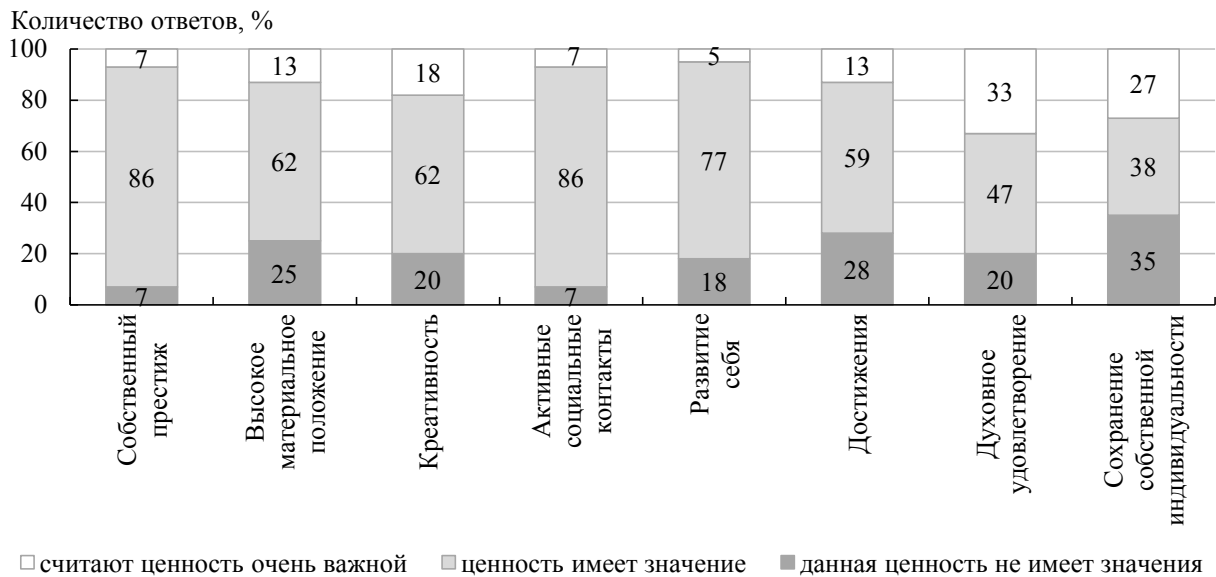

Рис. 2. Средние показатели ценностных приоритетов молодых людей по отношению к сфере общественной жизни

Fig. 2. Average indicators of the value priorities of young people in relation to the sphere of public life

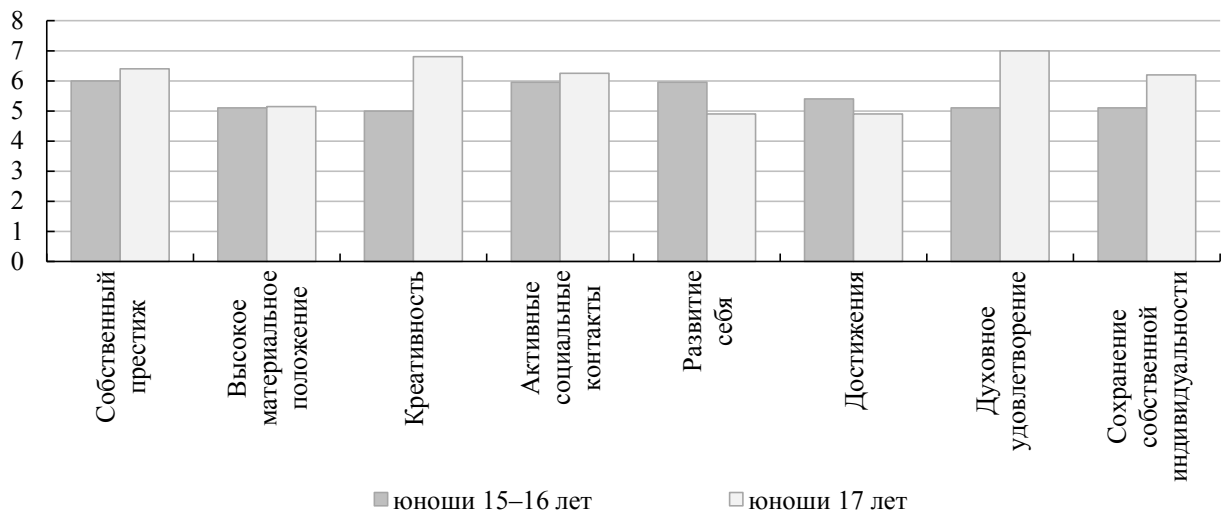

Рис. 3. Уровень значимости терминальных ценностей для юношей 15–17 лет

Fig. 3. The significance level of terminal values for young men (15–17 years old)

Сравнение значимости терминальных ценностей для юношей и девушек 15–17 лет представлено на диаграмме (рис. 4).

Результаты психологического тестирования среди юношей показали высокий уровень значимости в процессах социальной адаптации таких ценностей, как собственный престиж, активные социальные контакты и духовное удовлетворение. Для девушек в конструировании жизненной стратегии и социальной адаптации приоритет имеет ценностная ориентация на духовное удовлетворение в сочетании с материальным благополучием. В иерархии ценностей у девушек, как показывает опрос (рис. 4), на втором месте стоит уровень материального обеспечения.

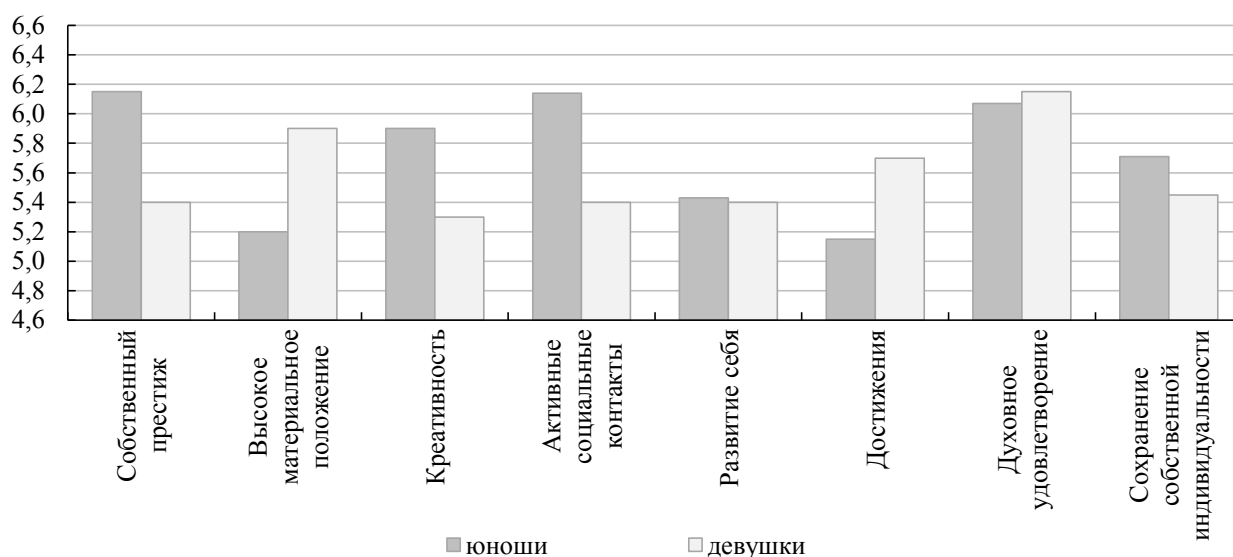

Рис. 4. Уровень значимости терминальных ценностей для юношей и девушек 15–17 лет
Fig. 4. The significance level of terminal values for boys and girls (15–17 years old)

Закключение. Специфика исследования аксиологии социальной адаптации определяется многозначностью измеряемых параметров мотивационной структуры личности и междисциплинарным полем исследования.

Опрос, проведенный среди представителей возрастной группы молодых людей 15–17 лет, позволил получить усредненную картину ценностных ориентаций молодых людей в отношении к общественным сферам жизни, в которой безусловным приоритетом обладает ценность отношений в семье (42 %), поскольку именно она рассматривается молодыми людьми в качестве базы формирования своего духовного, интеллектуального и коммуникативного потенциала конструирования жизненной стратегии в будущей социальной адаптации.

Сравнительный анализ значимости терминальных ценностей в мотивации и планировании своей жизненной стратегии показал, что опрошенные молодые люди отдают приоритет духовному удовлетворению в общественной деятельности (33 %). Однако это не безусловный приоритет в мотивации социальных действий и жизненной стратегии. 27 % опрошенных молодых людей в социальной адаптации ценностно ориентированы на сохранение собственной индивидуальности.

Сравнительный анализ ценностных приоритетов в социальной адаптации по гендерному признаку показал различия у юношей и девушек одного возраста. Юноши большее значение придают активным социальным контактам. Однако с возрастом, уже в 17 лет, ценностный приоритет в мотивации меняется в сторону духовного удовлетворения, креативности и сохранения собственной индивидуальности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Рокич М. Природа человеческих ценностей // Свободная пресса. 1973. № 5. С. 20–28.
2. Сенин И. Г. Опросник терминальных ценностей. Ярославль: НПЦ «Психодиагностика», Фонд гражданской инициативы «Содействие», 1991.
3. Лисовский В. Т. Ценности жизни и культуры современной молодежи (социологическое исследование) // Тугариновские чтения: материалы науч. сессии. Сер. «Мыслители». Вып. 1. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2000. С. 40–44.

4. Ритцер Дж. Современные социологические теории / пер. с англ. А. Бойкова, А. Лисицыной. 5-е изд. СПб.: Питер, 2002.
5. Turner J. C. Social identity / in A. E. Kazdin (ed.) // Encyclopedia of psychology. Washington: American Psychological Association, 2000. Vol. 7. PP. 341–343.
6. Sheldon K. M., Gunz A. Psychological needs as basic motives, not just experiential requirements // J. of Personality. 2009. Vol. 77, iss. 5. PP. 1467–1492. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-6494.2009.00589.x>.
7. Бочарова Е. Е. Особенности самоопределения юношества в зависимости от уровня субъективного благополучия // Ученые записки Педагогического института СГУ им. Н. Г. Чернышевского. Сер.: Психология. Педагогика. 2009. № 1. С. 27–31.
8. Каган М. С. Философская теория ценности. СПб.: Петрополис, 1997.
9. Тугаринов В. П. Избранные философские произведения. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1988.
10. Березовская И. П., Шипунова О. Д. Интеллектуальные фильтры как проблема современного образования // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. 2016. № 1 (239). С. 166–176. DOI: 10.5862/JHSS.239.21.
11. Lee M. T. Promoting Human Flourishing Beyond Foundational Concerns // Humanistic Management J. 2019. Vol. 4, iss. 2. PP. 235–237. DOI: <https://doi.org/10.1007/s41463-019-00065-7>.
12. The Presentation of Self as Good and Right: How Value Propositions and Business Model Features are Linked in the Sharing Economy / D. Wruk, A. Oberg, J. Klutt, I. Maurer // J. of Business Ethics. 2019. Vol. 159, iss. 4. PP. 997–1021. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10551-019-04209-5>.
13. Bergmann B. A. B., Todd N. R. Religious and Spiritual Beliefs Uniquely Predict Poverty Attributions // Social Justice Research. 2019. Vol. 32, iss. 4. PP. 459–485. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11211-019-00335-7>.
14. Together is Better: Higher Committed Relationships Increase Life Satisfaction and Reduce Loneliness / A. Bucher, A. B. Neubauer, A. Voss, C. Oetzbach // J. of Happiness Studies. 2019. Vol. 20, iss. 8. PP. 2445–2469. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10902-018-0057-1>.
15. Stavrova O., Haarmann L. How to tell a happy person: Accuracy of subjective well being perception from texts // Motivation and Emotion. 2019. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11031-019-09815-4>.
16. A multidimensional approach to measuring well-being in students: Application of the PERMA framework / M. L. Kern, L. E. Waters, A. Adler, M. White // The J. of Positive Psychology. 2015. Vol. 10, iss. 3. PP. 262–271. DOI: <https://doi.org/10.1080/17439760.2014.936962>.
17. Do Facebook status updates reflect subjective well-being? / P. Liu, W. Tov, M. Kosinski, D. J. Stillwell, L. Qiu // Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking. 2015. Vol. 18, iss. 7. PP. 373–379. DOI: 10.1089/cyber.2015.0022.
18. Neubauer A. B., Voss A. The structure of need fulfillment: Separating need satisfaction and dissatisfaction on between- and within-person level // European J. of Psychological Assessment. 2018. Vol. 34, iss. 4. PP. 220–228. DOI: <https://doi.org/10.1027/1015-5759/a000326>.
19. Hodges J. M., Gore J. S. Social Connections and Well-Being: With Whom Do You Identify and Why? // Psychological Studies. 2019. Vol. 64, iss. 4. PP. 436–446. DOI: <https://doi.org/10.1007/s12646-019-00506-1>.

Информация об авторах.

Шипунова Ольга Дмитриевна – доктор философских наук (2004), профессор (2011), профессор кафедры общественных наук Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, ул. Политехническая, д. 29, Санкт-Петербург, 195251, Россия. Автор 117 научных публикаций. Сфера научных интересов: философия сознания, социальная философия. ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-8953-7434>. E-mail: o_shipunova@mail.ru

Березовская Ирина Петровна – кандидат философских наук (2006), доцент (2012), доцент кафедры общественных наук Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, ул. Политехническая, д. 29, Санкт-Петербург, 195251, Россия; доцент кафедры истории, философии, политологии и социологии Петербургского государственного университета путей сообщения Императора Александра I, Московский пр., д. 9, Санкт-Петербург, 190031, Россия. Автор 76 научных публикаций. Сфера научных интересов: философия сознания, социальная философия. ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-8737-9954>. E-mail: ipberezovskaya@mail.ru

REFERENCES

1. Rokich, M. (1973), "The nature of human values", *Svobodnaya pressa* [Free Press], no. 5, pp. 20–28.
2. Senin, I.G. (1991), *Oprosnik terminal'nykh tsennostei* [Questionnaire of terminal values], NPTs «Psikhodiagnostika», Fond grazhdanskoi initsiativy «Sodeistvie», Yaroslavl', RUS.
3. Lisovskii, V.T. (2000), "Values of life and culture of modern youth (sociological research)", *Tugarinovskie chteniya: mat. nauch. sessii. Seriya «Mysliteli»* [Tugarin readings: mat. scientific session. The Thinkers Series], iss. 1, SPb filosofskoe obshchestvo, SPb., pp. 40–44.
4. Ritzer, G. (2002), *MODERN SOCIOLOGICAL THEORY*, 5th ed., Transl. by Boikov, A. and Lisitsyna, A., Piter, SPb., RUS.
5. Turner, J.C. (2000), "Social identity, in Kazdin, A.E. (ed.), *Encyclopedia of psychology*, American Psychological Association, Washington, vol. 7, pp. 341–343.
6. Sheldon, K.M. and Gunz, A. (2009), "Psychological needs as basic motives, not just experiential requirements", *Journal of Personality*, vol. 77, iss. 5, pp. 1467–1492. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-6494.2009.00589.x>.
7. Bocharova, E.E. (2009), "Peculiarities of Self-Determination of Youth Depending on the Level of Subjective Well-Being", *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, no. 1, pp. 27–31.
8. Kagan, M.S. (1997), *Filosofskaya teoriya tsennosti* [Philosophical theory of value], Petropolis, SPb., RUS.
9. Tugarinov, V.P. (1988), *Izbrannye filosofskie proizvedeniya* [Selected philosophical works], Izd-vo Leningradskogo un-ta, Leningrad, USSR.
10. Berezovskaya, I.P. and Shipunova, O.D. (2016), "Intellectual filters as a problem of modern education", *ST. PETERSBURG STATE POLYTECHNICAL UNIVERSITY JOURNAL. Humanities and Social Sciences*, no. 1 (239), pp. 166–176. DOI: 10.5862/JHSS.239.21.
11. Lee, M.T. (2019), "Promoting Human Flourishing Beyond Foundational Concerns", *Humanistic Management Journal*, vol. 4, iss. 2, pp. 235–237. DOI: <https://doi.org/10.1007/s41463-019-00065-7>.
12. Wruk D., Oberg A., Klutt J., Maurer I. The Presentation of Self as Good and Right: How Value Propositions and Business Model Features are Linked in the Sharing Economy / *J. of Business Ethics* (2019), vol. 159, iss. 4, pp. 997–1021. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10551-019-04209-5>.
13. Bergmann, B.A.B. and Todd, N.R. (2019), "Religious and Spiritual Beliefs Uniquely Predict Poverty Attributions", *Social Justice Research*, vol. 32, iss. 4, pp. 459–485. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11211-019-00335-7>.
14. Bucher, A., Neubauer, A.B., Voss, A. and Oetzbach, C. (2019), "Together is Better: Higher Committed Relationships Increase Life Satisfaction and Reduce Loneliness", *Journal of Happiness Studies*, vol. 20, iss. 8, pp. 2445–2469. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10902-018-0057-1>.
15. Stavrova, O. and Haarmann, L. (2019), "How to tell a happy person: Accuracy of subjective well being perception from texts", *Motivation and Emotion*. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11031-019-09815-4>.

16. Kern, M.L., Waters, L.E., Adler, A. and White, M. (2015), "A multidimensional approach to measuring well-being in students: Application of the PERMA framework", *The Journal of Positive Psychology*, vol. 10, iss. 3, pp. 262–271. DOI: <https://doi.org/10.1080/17439760.2014.936962>.
17. Liu, P., Tov, W., Kosinski, M., Stillwell, D.J. and Qiu, L. (2015), "Do Facebook status updates reflect subjective well-being?", *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*, vol. 18, iss. 7, pp. 373–379. DOI: [10.1089/cyber.2015.0022](https://doi.org/10.1089/cyber.2015.0022).
18. Neubauer, A.B. and Voss, A. (2018), "The structure of need fulfillment: Separating need satisfaction and dissatisfaction on between- and within-person level", *European Journal of Psychological Assessment*, vol. 34, iss. 4, pp. 220–228. DOI: <https://doi.org/10.1027/1015-5759/a000326>.
19. Hodges, J.M. and Gore, J.S. (2019), "Social Connections and Well-Being: With Whom Do You Identify and Why?", *Psychological Studies*, vol. 64, iss. 4, pp. 436–446. DOI: <https://doi.org/10.1007/s12646-019-00506-1>.

Information about the authors.

Olga D. Shipunova – Dr. Sci. (Philosophy) (2004), Professor (2011), Professor at the Department of Social Sciences, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, 29 Polytechnic str., St Petersburg 195251, Russia. The author of 117 scientific publications. Area of expertise: philosophy of mind, social philosophy, theory of knowledge. ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-8953-7434>. E-mail: o_shipunova@mail.ru

Irina P. Berezovskaya – Can. Sci. (Philosophy) (2006), Docent (2012), Associate Professor at the Department of Social Sciences, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, 29 Polytechnic str., St Petersburg 195251, Russia; Associate Professor at the Department of History, Philosophy, Political Science and Sociology, Emperor Alexander I St. Petersburg State Transport University, 9 Moscow Ave., St Petersburg 190031, Russia. The author of 76 scientific publications. Area of expertise: philosophy of consciousness, social philosophy. ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-8737-9954>. E-mail: ipberezovskaya@mail.ru

Теоретико-методологические подходы к анализу коллективной памяти в мемори стадиз

А. А. Нечаева✉

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

✉a.nechaeva@spbu.ru

Введение. Исследования коллективной памяти помогают раскрыть глубоко заложенные значения прошлого в настоящем, проследить процесс формирования идентичности различных сообществ, выявить нарративные структуры, определяющие общественные ориентиры. При этом подобные исследования являются проблематичными с эмпирической точки зрения. Научная новизна представленного исследования заключается в том, что до сих пор в академической литературе не были объединены и систематизированы теоретические и методологические подходы к анализу коллективной памяти. Цель данной статьи – сделать подобный обзор и определить наиболее валидные методы исследования в мемори стадиз. Актуальность проведенного исследования заключается в том, что утверждение методологического аппарата мемори стадиз необходимо для его окончательного оформления в самостоятельную область знания.

Методология и источники. Теоретико-методологической основой проведенного исследования стала теория коллективной памяти, позволившая рассмотреть прошлое не как устоявшуюся данность, а как объект, подвергающийся интерпретации и репрезентации. Данную теорию развивали такие исследователи как М. Хальбвакс, М. Блох, А. Варбург, Ян и Алейда Ассманн, Дж. Олик, А. Эрл и др. Ряд ученых уделял внимание рассмотрению методов исследования коллективной памяти, среди них М. Буланова, В. Канштайнер, А. Эрл, Б. Зелизер, А. Конфино, Т. Капитонова, В. Белокрылова и др. Дж. Олик внес значительный вклад в понимание данного вопроса, предложив рассматривать память как процесс, развивающийся во времени, что требовало определить методы анализа, способные учитывать эту характеристику. Однако целостного перечня, а также единой системы и классификации методов на сегодняшний день в академической литературе не разработано. Возникнув на стыке различных социальных и гуманитарных наук, мемори стадиз заимствует методы проведения эмпирических исследований из социологии, политологии, культурологии, психологии, медиа стадиз, визуальных исследований и т. д. В рамках проведения представленного исследования были проанализированы актуальные эмпирические труды в рамках мемори стадиз ряда зарубежных и российских авторов, таких как Ш. Линд, А. Васильев, Т. Емельянова, А. Тимофеева, В. Касамара, Е. Хакоконгас, Е. Кейтли, М. Мейерс, Б. Зелизер и др. Это позволило выявить наиболее часто используемые для исследования коллективной памяти методы анализа, составить их обзор и разработать авторскую классификацию применяемых методов.

© Нечаева А. А., 2020

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Результаты и обсуждение. Были рассмотрены основные теоретические подходы к исследованию коллективной памяти. К ним относятся функциональный, феноменологический, постструктурализм, социально-исторический и информационный. Дж. Олик дополнил перечень из пяти теоретических направлений, предложенных М. Булановой, указав на необходимость отметить процессо-релятивистский подход к изучению коллективной памяти. Были выявлены методы исследования, применяемые в мемори стадиз, и разработана классификация основных дисциплинарных традиций, которыми руководствуются академики при выборе метода исследования памяти: социологическая, психологическая, информационная, культурологическая и историческая, а также отдельный блок компьютерных наук.

Закключение. В исследовании был сделан систематический обзор и разработана авторская классификация теоретико-методологических подходов к анализу коллективной памяти. Данные результаты могут быть использованы исследователями проблем построения идентичности групп, способов работы со сложным прошлым, репрезентации исторических событий в настоящем, функционирования сообществ памяти и т. д. Определение методологического аппарата мемори стадиз выступает в качестве движущей силы эффективного развития, универсализации и приведения к единому пониманию дальнейших исследований формирования и распространения структур коллективной памяти и взаимосвязанных концептов.

Ключевые слова: мемори стадиз, коллективная память, методы исследования, функциональный подход, феноменологический подход, постструктурализм.

Для цитирования: Нечаева А. А. Теоретико-методологические подходы к анализу коллективной памяти в мемори стадиз // ДИСКУРС. 2020. Т. 6, № 3. С. 46–62. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-3-46-63

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 31.03.2020; принята после рецензирования 29.04.2020; опубликована онлайн 25.06.2020

Theoretical and Methodological Approaches to Collective Memory Analysis in Memory Studies

Aleksandra A. Nechaeva✉

Saint Petersburg State University, St Petersburg, Russia

✉a.nechaeva@spbu.ru

Introduction. Collective memory research helps to uncover the deeply imbedded meaning of the past in the present, to follow the identity development process in various communities, to find narrative structures that define societal foundations. Simultaneously, such research can be complicated from the empirical point of view. The scientific novelty of the given article lies in the fact that theoretical and methodological approaches to collective memory research have not yet been summarized and systematized up to this date. The goal of this research is to provide such a review and determine the most valid research methods in Memory Studies. The relevance of the presented research is determined by the fact that the proposition of a methodological apparatus for Memory Studies is necessary for the finalization of its formation as an independent discipline.

Methodology and sources. Collective memory theory served as the theoretical-methodological foundation of the conducted research, it allowed to view the past not as a set given but as an object undergoing interpretation and representation. Such academics as M. Halbwachs, M. Bloch, A. Warburg, Jan and Aleida Assmann, J. Olick, A. Erll and others

developed the following theory. A range of scientists dedicated their work to the discovery of collective memory research methods, among them M. Bulanova, W. Kansteiner, A. Erll, B. Zelizer, A. Confino, T. Kapitonova, V. Belokrylova, etc. J. Olick made a considerable impact into the understanding of the given issue, having suggested to view memory as a process developing in time, which required to define the methods of analysis that would be able to take this characteristic into account. However, a complete list as well as a general system and classification of methods have not been developed in the academic literature up to the present day. Having appeared at an intersection of various humanities and social sciences, Memory Studies adopts empirical research methods from Sociology, Political science, Culture Studies, Psychology, Media Studies, Visual Studies, etc. In course of the presented research, the relevant empirical research works in the Memory Studies field by international and Russian authors have been analyzed, we considered the research carried out by Ch. Linde, A. Vasil'ev, T. Emel'yanova, A. Timofeeva, V. Kasamara, E. Hakokongas, E. Keightley, M. Meyers, B. Zelizer, and others. That allowed us to determine the most frequently applied collective memory research methods, to compile their overview and develop the author classification of the used methods.

Results and discussion. An overview of key theoretical approaches to collective memory research was provided. They include functional, phenomenological, post-structural, social-historical and information approaches. J. Olick enriched the list of five theoretical approaches suggested by M. Bulanova by introducing the process-relativist approach to studying collective memory. The main research methods applied in Memory Studies were outlined; moreover, a classification of key disciplinary traditions that academics turn to in memory research was introduced featuring sociological, psychological, information, cultural and historical traditions as well as a separate branch of Computer Sciences.

Conclusion. As a result of the conducted research, a systematic overview and an author's classification of theoretical-methodological approaches to collective memory analysis were introduced. The findings of the given research can be implemented by a range of academics working on the issues of group identity building, ways of working with contested past, historical events representation in the present, the functioning of memory communities, etc. The defining of the methodological apparatus of Memory studies serves as a moving force for the effective development, generalization and bringing to a common understanding the further research of collective memory structures formation and distribution as well as concepts related to it.

Key words: memory studies, collective memory, research methods, functional approach, phenomenological approach, post-structuralism.

For citation: Nechaeva A. A. Theoretical and Methodological Approaches to Collective Memory Analysis in Memory Studies. DISCOURSE. 2020, vol. 6, no. 3, pp. 46–62. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-3-46-63 (Russia).

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 31.03.2020; adopted after review 29.04.2020; published online 25.06.2020

Введение. Исследователи коллективной памяти в первую очередь связывают ее с идеей сообщества как продолжающегося во времени образования. Под такими сообществами чаще всего понимаются национальные государства. Понимание коллективной памяти используется при осмыслении нации, определении и отстаивании национальных границ, установлении легитимности национальных принципов.

Предметом анализа памяти стадиз становится социальное конструирование коллективной памяти. Одной из ключевых тем исследований является то, как социальные инсти-

туты используют данные о прошлом, формируют и реактуализируют нарративы для достижения определенных целей, в том числе консолидации общества. Исследователей интересует, как достигается эффект общественной легитимизации и идентификации посредством коллективной памяти. Важным аспектом данных исследований является выявление морально-ценностных ориентаций при интерпретации событий прошлого.

Несмотря на то, что исследования памяти представляются как проблематичные с эмпирической точки зрения, они могут раскрыть глубоко заложенные значения прошлого в настоящем. Ценность памяти распространяется далеко за пределы ее способности подтверждать или устанавливать историческую правду. Она является процессом наделения смыслом опыта, конструированием и навигацией сложных темпоральных нарративов и структур, придания значения не только прошлому, но и настоящему и будущему. Такой подход к пониманию памяти определяет возможности ее исследования в рамках социальных наук.

Для окончательного формирования мемори стадиз в отдельную отрасль знаний необходимо очертить ее методологическое основание. Возникнув на стыке различных социальных и гуманитарных наук, мемори стадиз заимствует методы проведения эмпирических исследований в социологии, политологии, культурологии, психологии, медиа стадиз, визуальных исследованиях и т. д. Также при анализе памяти нужно учитывать множество носителей, в которых она содержится, так называемых «мест памяти».

На сегодняшний день в академической литературе, посвященной мемори стадиз, не было представлено полного обзора методологического аппарата данной дисциплины. В представленной статье произведена попытка выявить и классифицировать методы исследования, применяемые в рамках мемори стадиз.

Методология и источники.

Теоретические подходы к исследованию коллективной памяти. М. Буланова выделяет пять основных теоретических направлений, в контексте которых рассматривается коллективная память в социологической науке: функциональное, феноменологическое, постструктурализм, социально-историческое и информационное [1]. В рамках каждого из направлений память рассматривается под определенным углом.

Представители *функционального подхода* сосредотачивают свое внимание на памяти отдельных групп и на той роли, которую она играет в сохранении их целостности. Одним из основных последователей функционального подхода можно считать М. Хальбвакса. Согласно его представлениям, индивид обращается к коллективным воспоминаниям, когда является членом группы. Устойчивость группы, в свою очередь, определяется соблюдением ее членами определенных рамок. Коллективные рамки памяти позволяют сохранять и передавать те образы прошлого, которые согласуются с основными идеями современного общества. Еще один представитель функционального подхода (М. Мосс) указывал на то, что ритуалы обеспечивают кристаллизацию норм и консолидацию сообщества. Для М. Мосса, как и для М. Хальбвакса, коллективная память являлась основой целостности и устойчивости общества.

Феноменологические исследования коллективной памяти берут свое начало в трудах Э. Гуссерля. «Гуссерль затрагивал проблематику памяти при исследовании интенциональности сознания» [1, с. 10]. Признание интенциональности сознания предполагает наличие способности у человека фиксировать и сохранять образы мира. Э. Гуссерль указывал на

то, что свойством, определяющим феноменальность сознания, является память. Автор наделял социальную память аксиологическими свойствами, так как с ее помощью возможна не только рефлексия событий прошлого, но и ценностно-смысловая оценка их в настоящем. А. Шюц, еще один представитель феноменологического направления, «видел в памяти и воспоминаниях механизмы формирования социального опыта» [1, с. 10]. Поскольку для группы характерно наличие сходных воспоминаний, получаемый ими опыт также может быть похожим. Индивид может одновременно являться членом различных социальных групп, находясь, таким образом, на пересечении различных систем воспоминаний. М. Буланова упоминает в данном контексте идеи П. Бергера и Т. Лукмана о способах доступа индивида к социальной памяти. Для этого они анализировали процесс социализации – приобщение индивида к воспоминаниям группы. Первичная социализация происходит в детстве, когда человек овладевает знаниями, необходимыми для жизни в мире. Вторичная активизируется каждый раз, когда индивид получает доступ к новым воспоминаниям в новых условиях. «Таким образом, феноменологическое направление рассматривает социальную память как результат взаимодействия индивида с другими людьми, так как оно образует общие воспоминания, имеющие социальный характер» [1, с. 11].

Представители *постструктурализма* исследуют коллективную память в условиях трансформации общества. П. Нора указывал на ускорение истории и разрыва связи между прошлым, настоящим и будущим. Реконструировать прошлое становится возможным только с помощью материальных носителей. Память становится силой, делающей возможной преемственность поколений. Кроме того, вследствие демократизации памяти появляются различные версии памяти меньшинства, обеспечивающие идентичность групп эмансипированных народов и этносов.

В рамках *социально-исторического направления* можно выделить следующих представителей: Э. Тоффлера, Г. Шумана, Ж. Скотта. Э. Тоффлер рассматривал социальную память как «двигатель эволюции», так как она не умирает вместе с индивидуальным носителем, в отличие от индивидуальной. Границы существования коллективной памяти расширялись с развитием общества и развитием ее носителей. Г. Шуман и Ж. Скотт раскрыли неоднородность социальной памяти в рамках одной общности. Ученые выявили, что возраст и уровень образования индивида играет роль при восприятии событий коллективной памяти. В целом, представители социально-исторического направления рассматривают коллективную память с точки зрения ее содержания и эволюции хранения. «Социальная память предстает здесь в качестве элемента жизнедеятельности общества, который характеризует степень его развитости как в материальном (способы хранения, накопления и передачи информации), так и в духовном отношении (воспоминания о важных событиях)» [1, с. 14–15].

Еще один подход к исследованию коллективной памяти – *информационный*. В его основе лежат идеи неразрывности процессов познания и накопления информации, функционирования памяти и динамики социальных систем. В. Афанасьев определял значимость коллективной памяти через понятие системы социальной информации, которая обеспечивает вертикальный (межпоколенческий) и горизонтальный (между представителями одной эпохи) обмен информацией. Человек становится социальным посредством актуализации информации, накопленной предками, и получения информации от современников. «Отечественный ученый Я. К. Ребане определял социальную память в качестве совокупности

ненаследственных социально-культурных средств и систем информации, являющихся основой для индивидуального и общественного познания на каждом этапе исторического развития» [1, с. 15]. Для него понятие коллективной памяти было тождественно всему объему социальной информации, существующей в данный момент развития общества.

Дж. Олик дополнил данный перечень, предложив процессо-релятивистский подход к изучению коллективной памяти. Он базируется на идее о том, что память необходимо понимать не как статичный объект, а как развивающийся во времени процесс [2]. Автор говорит о том, что язык социальных наук является субстантивистским, т. е. призванным описывать реальность через сущности и субстанции. Подобный язык более подходит для описания конкретных вещей и их состояний, чем для отношений между ними и процессов. «Таким образом, коллективная память рассматривается как вещь или набор вещей, которые можно отделить от исследуемых процессов и которые являются внешними по отношению к ним, вместо того чтобы понимать ее как среду для этих процессов (medium). К тому же мы чаще говорим о памяти, нежели о процессе воспоминания, связывая ее с местом – либо в мозге, либо в обществе, с объектом, в котором она может существовать, а не пытаемся трактовать ее как процесс, воплощаемый во множестве разнообразных практик» [2, с. 45–46]. Для процессо-реляционистов, напротив, основным объектом исследований становятся динамичные процессы. Автор полагает, что основной целью исследований коллективной памяти должно быть понимание изменяющихся отношений между прошлым и настоящим, между традициями, образами, контекстами и интересами.

Результаты и обсуждение. Мемори стадиз представляет собой междисциплинарное поле исследований. Соответственно применяемые в его рамках методы могут быть привычными для различных научных отраслей. Критерием для отбора методов является эффективность при выполнении задачи исследования коллективных репрезентаций прошлого и их связи с настоящим.

Нами была предпринята попытка расширить существующие на данный момент классификации и описания исследовательской методологии мемори стадиз. Были проанализированы актуальные эмпирические исследования коллективной памяти и выявлены используемые для этой цели методы анализа. Ориентируясь на полученные результаты, а также на теоретические основания мемори стадиз, мы выявили пять основных традиций, которыми руководствуются исследователи при выборе метода изучения памяти: социологическая, психологическая, информационная, культурологическая и историческая.

Социологическая традиция. В данной традиции акцент делается на выявлении взаимосвязи между системами памяти, институтами, отвечающими за ее производство и распространение, и обществом, на обусловленности содержания и структур коллективной памяти социальным контекстом.

К методам исследования коллективной памяти, применяемым в рамках данной традиции, можно отнести:

- анкетные опросы;
- социологическое наблюдение;
- дискурс-анализ;
- нарративный анализ.

Анкетный опрос. Опросы позволяют рассмотреть содержание изучаемой проблемы. Данный метод исследования относится к количественным, таким образом, он позволяет получить большие объемы однотипной стандартизированной информации о значительной по размеру группе людей. Как правило, в опросах, исследующих коллективную память, применяются вопросы о фактах и поведении (например, о повседневных коммеморативных практиках) и о мнениях, убеждениях, оценках (например, позволяющие оценить отношение к определенному событию / личности).

К примеру, Л. И. Миклина при проведении исследования коллективной памяти, разделяемой современной российской молодежью, применяла анкетный опрос, обращая внимание на информационные и оценочные компоненты [3]. Информационный компонент указывал на знание дат и персоналий, а оценочный – на отношение к ним.

Социологическое наблюдение проводится в естественной ситуации для наблюдаемого объекта, исследователь фиксирует особенности поведения групп и специфику окружающих условий. С помощью подобного метода исследования возможно оценить существующие коммеморативные практики, их структуру, степень вовлеченности общности в них. Социологическое наблюдение может применяться во время парадов, коммеморативных праздников, для оценки восприятия памятника или музея и т. д. Например, Шарлотта Линд в своей монографии «Работая с прошлым: нарратив и институциональная память» выбрала нетипичную тему для исследования – функционирование коллективной памяти в рамках организации [4]. Линд выбрала для себя мультидисциплинарный подход, применив в том числе включенное наблюдение, а также анализ аудиозаписей и видеосъемку.

Дискурс-анализ. Дискурс определяет внешнетекстовые характеристики текста, уделяет внимание контексту, в котором он существует. «Один из основоположников дискурс-анализа Т. Ван Дейк понимает дискурс как действие, поэтому анализ определенной коммуникативной ситуации является важнейшей составляющей анализа текста в рамках определенного дискурса» [5, с. 234]. Дискурс одновременно задает коммуникативную ситуацию и является ее продуктом. Текст в данном случае понимается как репрезентация группы, ее ценностей, характеристик, оценки описываемых событий. Существует множество разновидностей дискурс-анализа, различающихся задачами, уровнем обобщения и типом аргументации. Наиболее часто используемыми в мемори стадииз являются этнографические методы, позволяющие оценить культурные модели и ключевые события для существования выбранной группы; нарративная семиотика, анализирующая ценности и установки в основе текста; критический дискурс-анализ, указывающий на взаимовлияние языка и социальной структуры (наиболее часто применяется в исследованиях политической памяти). Таким образом, дискурс-анализ позволяет выявить глубинные ценностные установки, связи и ориентации, транслируемые в рамках текстуально выраженной коллективной памяти. Он эффективен при анализе учебников, официальных речей, текстов в СМИ или художественных объектах, коммуникации внутри общности и т. д.

Нарративный анализ. Многие исследователи отмечали, что нарративный анализ является ключевым для понимания коллективной памяти. Нарративы и культурные тексты анализируются на нескольких уровнях и понимаются герменевтически. Значение нарративов памяти оценивается не напрямую по их сюжету, но критически интерпретируется с точки зрения формы и содержания.

Психологическая традиция. Данная традиция имеет свои корни в психологии, позволяет оценить восприятие коллективной памяти аудиторией, а также проследить уже существующие глубинные структуры представлений о прошлом. Психологическая традиция дает возможность оценить эмоциональную окраску воспоминаний, уделить внимание стимулам и мотивам сохранения в коллективной памяти одних событий и вытеснения других.

К методам исследования коллективной памяти, используемым в рамках психологической традиции, относятся:

- глубинное интервью;
- фокус-группы;
- психологический рисунок;
- метод ассоциаций.

Глубинное интервью. Интервью представляет собой целенаправленное общение с респондентом с целью получения нужной информации: о знаниях информанта, мнениях и оценках, эмоциях, значимых событиях и ситуациях. Несмотря на то, что респондент в ходе интервью предоставляет информацию о своем личном опыте, знаниях и чувствах, в рамках исследования коллективной памяти он воспринимается как представитель определенной изучаемой социальной группы.

Как правило, интервью применяются для выявления событий прошлого, которые оцениваются как значимые, репрезентаций событий прошлого и их оценки, разделяемых коммеморативных практик, а также степени принятия / непринятия официального дискурса памяти.

Фокус-группа. Фокус-группа является сходным с интервью методом исследования, однако предполагает участие нескольких респондентов одновременно. Как правило, подобный метод анализа используется для выявления поведенческих практик и опыта рассматриваемой группы / общности.

Психологический рисунок. Методика психологического рисунка помогает отразить отношение респондента, часто эмоционально окрашенное, к изображаемому объекту. Особенность данного метода в исследованиях коллективной памяти заключается в том, что человек не может настолько контролировать свое экспрессивное отражение объекта в рисунке, как он мог бы контролировать его в устной или письменной речи. Таким образом, он позволяет изучить эмоциональные компоненты памяти. Кроме того, рисунок указывает на центральные образы, содержащиеся в структуре памяти информанта.

Т. Емельянова и А. Тимофеева применили метод психологического рисунка для оценки коллективных воспоминаний чехов о травмирующем для них событии Пражской весны [6]. Интерпретация полученных данных происходила в несколько этапов: оценивался общий эмоциональный фон рисунка, характер цветов, ключевые используемые образы, характеристика линий и штриховки, размещение объектов в пространстве рисунка и т. д. На основании этого были сделаны выводы о восприятии события различными возрастными группами.

Метод ассоциаций позволяет выявлять смысловые связи, существующие у индивида относительно его опыта, а также их эмоциональные коннотации. Процедура заключается в предложении респонденту назвать ассоциацию к данному стимулу, который может выступать в виде слова, словосочетания, фотографии, видеосюжета, материального предмета и т. д. Одна из разновидностей данного метода – метод незаконченных предложений, который тоже применяется в исследовании коллективной памяти. Важны устойчивые

характеристики ассоциаций и их связь с социальными явлениями, событиями [7]. Формирование ассоциаций связано с усвоением системы норм и ценностей, транслируемых в рамках определенной структуры памяти.

Информационная традиция основывается на медиа стадиз, исследовании СМИ. М. Вебер указывал на роль, которую играет медиа в формировании надындивидуальных убеждений и ценностей. «Средства массовой информации не просто формируют образ действительности, но и отражают уже существующие в общественном сознании ценности, репрезентируют мир мнений» [8, с. 9].

Используемыми методами в рамках информационной традиции являются:

- контент-анализ;
- кейс-стади.

Интеграция изучения коллективной памяти и изучения медиа представляется потенциально весьма плодотворной. Анализ носителей памяти, их функционирования, влияния носителя на содержание, памяти как коммуникационного процесса делает методы исследования медиа необходимыми в мемори стадиз.

Поскольку коллективная память не может существовать вне публичной включенности, многие исследования в рамках мемори стадиз фокусируются на различных формах ее выражения, таких как ритуалы, церемонии, тексты массмедиа [9]. Как мемори стадиз, так и изучение медиа интересуется вопросами репрезентации, социокультурных отношений власти, роли нарратива в процессе социального формирования смыслов.

На сегодняшний день большое количество работ, рассматривающих взаимосвязь памяти и медиа, фокусируется на вещательных СМИ, централизованных моделях коммуникации, направленных сверху вниз. Однако реалии XXI в. указывают на то, что такое понимание является недостаточным. Цифровые медиа, получившие значительное развитие, указывают на перестройку характера коллективной памяти и роль медиа в ее формировании. Новые цифровые медиа обладают возможностью сместить властную роль производителей памяти с традиционных институционализированных акторов к пользователям. Новые формы интерактивных цифровых медиа, позволяющие публиковать user-generated контент, могут стать причиной перехода к более демократической модели формирования коллективной памяти, направленной снизу вверх, и заменить модель, в которой коммеморации создаются небольшой группой медиапрофессионалов и распространяются централизованно по принципу от одного к многим. Цифровые медиа открывают возможности для большей персонализации событий и нарративов в составе коллективной памяти [9].

Контент-анализ. Для исследований коллективной памяти требуется проведение анализа больших объемов текста. «Контент-анализ – метод получения эмпирических данных, опирающийся на внешнее содержание документа и изучающий внутреннюю семантику содержания текстов» [5, с. 238]. Данный вид анализа позволяет выявить частоту употребления в тексте интересующих исследователя компонентов, которые отражают элементы социальной реальности. В качестве материала для анализа могут выступать очень разные объекты – от текстов статей, видео- и аудиозаписей до изображений. Значительный вклад в развитие метода внес Г. Лассуэлл, который предложил идею о знаках-символах и ответах-реакциях на них. Знаком-символом может служить отдельное слово, суждение или фрагмент текста, которые систематически подсчитываются и анализируются. Согласно

Г. Лассуэллу, употребляемые символы отражают социальные цели коммуникатора. Контент-анализ учитывает также временные и культурные рамки, в которых был создан текст. В целом, контент-анализ служит значимым методом для анализа намерений коммуникатора при конструировании коллективной памяти, выявлении основных тем и сюжетов.

Кейс-стади. Метод кейс-стади направлен на изучение отдельного конкретного случая, произошедшего в рамках очерченных временных и культурных границ. Кейс-стади определяется как качественный метод исследования, акцентирующий внимание на контексте происходящих событий и ориентированный на анализ социальной жизни с помощью презентации действующих лиц. Исследователь изучает материалы случая в хронологической последовательности и формирует набор категорий, каждая из которых раскрывает логику возникновения, развития и изменения представленного кейса. Подобный метод эффективен при анализе комплексной коммеморации в СМИ какого-либо события.

Барби Зелизер является одним из самых известных и продуктивных исследователей роли медиа в выстраивании коллективной памяти. Она полагает, что «история американского прошлого останется частично той историей, которую предпочтут запомнить СМИ, историей того, как воспоминания медиа превратились в собственные воспоминания Америки» [10, с. 214]. В своих работах Зелизер ссылается на множество эмпирических исследований, посвященных вопросам взаимовлияния медиа и коллективной памяти. Автор одного из них – Каролин Китч. Объектом ее исследования является журнал *Times*, который стал первооткрывателем в области ретроспективной журналистики. Проведенный анализ «особых изданий» журнала и других «мемориальных продуктов», опубликованных за последние 20 лет, указывает на риторические стратегии, которые избрали его создатели, для реализации коммеморативных задач в рамках журналистики [11].

Культурологическая традиция. Методы исследования данной традиции основываются на гуманитарных науках, в частности, антропологии, культурологии, литературоведении, визуальных исследованиях и т. д. Культурологическая традиция включает в себя качественные методы анализа, позволяющие получить глубокое понимание отдельных объектов. Анализируются как материальные объекты – носители коллективной памяти, так и нематериальные художественные произведения, являющиеся ее трансляторами.

К методам исследования культурологической традиции можно отнести:

- визуальный анализ;
- литературный анализ.

В рамках визуального анализа могут исследоваться все формы культуры – носители коллективной памяти, постигаемые зрительно: фотографии, изобразительные и визуальные формы искусства (картины, скульптуры, кино, театр, танец), мода, архитектура, пространственное планирование, музейные артефакты. Формы, выраженные текстуально, могут быть проанализированы с помощью литературного анализа. Нужно отметить, что коллективная память может транслироваться и через другие культурные формы, например, музыкально-аудиальные. Однако в связи с недостаточным количеством существующих на данный момент эмпирических исследований, посвященных данным носителям памяти, методы их исследования не были включены в список.

Визуальный анализ. Визуальные элементы, фотографии и другие изображения часто применяются с целью формирования коллективной памяти. На это есть несколько причин.

Во-первых, изображения могут запустить процесс социальной репрезентации: например, фотографии ужасов войны могут служить основой для дискуссий вокруг этой темы и формировать ее восприятие. Во-вторых, изображения легко циркулируют и распространяются среди аудитории, таким образом, могут стать эффективным средством конструирования коллективной памяти, в том числе для новых участников общности. В-третьих, визуальный образ сам по себе может быть продуктом процесса формирования памяти: в иконическом изображении абстрактные феномены наделяются формой и становятся визуальной кристаллизацией социальной репрезентации. Кроме того, изображения обладают высоким эмоциональным потенциалом. Слова чаще служат рациональному формированию идей, в то время как изображения воспринимаются более непосредственно [12].

Изображения и визуальные символы часто являются способом идентификации группы. Каждая группа устанавливает собственный визуальный канон коммемораций (например, портреты на стенах в учебных заведениях). Флаги и гербы объединяют нацию под одним визуальным знаком. Восприятие подобных символов идентификации / коммеморации доводится до автоматизма и достигает достаточно абстрактного уровня, когда даже цвет может стать объединяющим фактором для группы (например, оранжевый в Нидерландах как символ королевского дома Оранских, а также Вильгельма Оранского, возглавившего сопротивление против испанской оккупации).

В. Канштайнер также отмечает значимость визуальных образов в формировании коллективных воспоминаний. По его мнению, именно они позволяют преодолеть разрыв между очевидцами события и теми, кто стремится разделить данный опыт. Однако одних визуальных образов недостаточно для трансляции воспоминаний, они нуждаются в вербализации значения, в интерпретации. «Благодаря тесной связи между образами и словами в процессе рождения коллективных воспоминаний доступ к ним также можно получить через их дискурсивные и нарративные проявления» [13]. Из этого автор делает вывод о необходимости дополнения визуального анализа исследования дискурсивных элементов коллективной памяти.

В рамках визуального анализа существуют два подхода, позволяющие оценить изображение как репрезентацию коллективной памяти: семиотический подход Р. Барта и иконология Э. Панофского. Визуальная семиотика Р. Барта применяет понятия денотации, коннотации и мифа. Денотация указывает на буквальное значение изображаемого, описание визуальных элементов без описания заложенного в них смысла. Коннотация указывает на исторические и социальные смыслы, сопровождающие изображение: исследователя будут интересовать коллективно разделяемые ассоциации, вызванные изображением. Миф объединяет в себе денотацию и коннотацию, результатом является выявленная система значений, превосходящая каждую из отдельных составляющих частей. Миф объединяет идеологические значения и глубоко укорененные социальные установки, представленные в изображении.

Второй подход – иконология – был разработан Э. Панофским. Основной задачей иконологии является поиск смыслов и ценностей, заложенных в изображении. Иконологический анализ также включает три уровня. На первом уровне (преиконаграфия) исследователь дает общее описание естественного значения изображения и его эмоциональной окраски, производит формальный анализ. Второй уровень – иконография – раскрывает сюжет, а также аллегорические, символические и исторические отсылки в элементах изображения.

На третьем уровне – иконологическом – изображение включается в культурный и социальный контекст его создания, оценивается его социальное значение в текущей ситуации.

Литературный анализ. Астрид Эрлл выделила три основные роли, которые может играть литература в коллективной памяти: литература как средство коммеморации; литература как объект воспоминания; литература как средство анализа процесса производства культурной памяти [14]:

1. Литература как средство коммеморации. Литературные произведения создают коллективные воспоминания, представляя прошлое в форме нарратива. Исследовательские вопросы в рамках данной роли заключаются в выявлении того, как написанный текст формирует видение прошлого. Наиболее очевидные литературные жанры, выполняющие функцию формирования и трансляции коллективной памяти, – это исторический роман, историческая драма и автобиография, хотя и другие жанры могут выполнять подобную функцию.

2. Литература как объект воспоминания. Воспоминание прошлого заключается не только в коммеморации отдельных событий или персон, но и в «вспоминании» более ранних текстов, реинтерпретации созданных ранее историй. Литературные произведения могут использоваться аудиторией спустя длительный период после своего создания, таким образом, они могут выступать связующим звеном между поколениями.

3. Литература как средство анализа процесса производства культурной памяти. Творчески представляя акты коммеморации, литература делает воспоминания обозримыми. Таким образом, она не только производит коллективную память, но и формирует представление о том, как память функционирует в группах. С помощью литературы раскрываются формы коммеморации и интерпретации прошлого.

Историческая традиция. Несмотря на то, что история и мемори стадииз противопоставляются друг другу и между ними существует ряд значительных отличий, в последнее время концепты мемори стадииз начали дополнять поле исторической науки, а исторические методы исследования доказывают свою эффективность в рамках изучения коллективной памяти.

Методы исследования исторической традиции:

- изучение документов и архивов;
- историческое интервью.

Несмотря на большую склонность к документальным свидетельствам, на протяжении десятилетий память служила формальным методом получения данных в рамках устной истории. Выявленные воспоминания позволяли альтернативным версиям истории и маргинальным пониманиям прошлого выйти в свет и быть реконструированными в социальной и культурной истории [15]. Таким образом, методы исследования, заимствованные из данных областей, могут быть продуктивными при изучении коллективной памяти. Одним из важнейших методов для устной истории является глубинное интервью.

Аналитическая работа в мемори стадииз по некоторым параметрам отличается от исторических исследований. Вместо того чтобы выполнять роль прозрачного документального свидетельства, каждый нарратив или показание воспринимается в мемори стадииз как текст в культурном смысле слова. Во внимание берется социальный контекст, в котором он создается. За счет такого двойного подхода к анализу мнемонические репрезентации подвергаются анализу с точки зрения их структуры и содержания.

Как и в исторических исследованиях, аналитические процессы в мемори стадииз часто обращаются к анализу ряда данных, которые включают в себя как нарративы о прошлом,

так и материальные ресурсы, его отражающие. Объекты памяти исследуются с точки зрения практик их использования. В исторических исследованиях эти объекты рассматриваются параллельно с нарративами, подтверждая или опровергая истинность версии прошлого, представленной в них. В рамках мемори стадиз эти формы получения данных располагаются по-другому. Производится попытка сохранить целостность способов объединения объектов и нарративов, существующих в повседневной жизни. Например, исследователя будет интересовать, как определенная музыкальная композиция вызывает воспоминание об историческом событии, вписанном в контекст семейной памяти. В мемори стадиз не существует иерархии между историческим нарративом и материальным / нематериальным объектом, а истинность повествования не является значимым критерием. Мемори стадиз интересуют не факты о прошлом, а способы его репрезентации [15].

Изучение документов и архивов. Как было указано выше, изучение исторических документов часто применяется в качестве метода исследования в мемори стадиз. Однако целью будет не выявление точности описываемых событий и их хронологии. Документы воспринимаются как текст, который исследуется с точки зрения его социального контекста.

Историческое интервью. В ходе интервью у исследователя есть возможность фиксировать субъективные переживания респондента относительно описываемых событий. Помимо рассказа, предоставленного в интервью, значительным материалом для анализа будут также молчание информанта, нежелание или отказ рассказывать о каких-либо событиях. Историческое интервью служит эффективным методом анализа неофициальной коллективной памяти.

Компьютерные исследования. Важными источниками информации о коллективной памяти являются методы исследования с использованием компьютерных программ или алгоритмов, а также массивов данных, содержащихся в Интернете. Компьютерные исследования невозможно отнести к какой-либо одной традиции, так как с их помощью можно исследовать и большие объемы данных и текстов, проводить онлайн-опросы и онлайн-наблюдения (социологическая традиция), и данные о пользователях в социальных сетях, блогах и форумах (психологическая), и материалы Интернет-СМИ и онлайн-порталов (информационная), проводить алгоритмический анализ изображений (культурологическая), а также исследовать онлайн-архивы (историческая). Развитие цифровых технологий упростило процесс получения информации и анализ структур коллективной памяти. Кроме того, цифровые технологии способны предоставить большие объемы данных, которыми исследователи могут пользоваться для изучения различных аспектов социального поведения с помощью автоматизированных алгоритмов.

Все больше новаторских подходов к анализу коллективной памяти появляется как раз в сфере исследований, выполненных с помощью компьютерных программ или Интернета. Развитие науки о больших данных, компьютерного распознавания речи и изображений открывает большие возможности для исследований в рамках мемори стадиз.

Например, А. Конфино описал методику проведенного исследования с использованием данных Википедии [16]. Анализировались онлайн-данные о статистике просмотров статей в Википедии на заданную тему. Исследователи оценивали взаимосвязь между недавними событиями и событиями более отдаленного прошлого, чтобы определить модели «триггеров памяти». Это позволило выявить количественную модель, объясняющую поток

просмотров от текущих событий к событиям прошлого, основанный на единстве времени, географии, темы и структуры гиперссылок статей Википедии.

В настоящее время также часто используется программное обеспечение (например, QSR NUD*IST), позволяющее проанализировать качественные данные и выделить ключевые темы и тренды.

Интегрированный подход к исследованиям коллективной памяти. В исследованиях коллективной памяти В. Канштайнер указывает на необходимость рассматривать три составляющие: культурные традиции, которые социально обрамляют конструирование памяти; производителей памяти и ее потребителей, которые могут как использовать, так и игнорировать или видоизменять артефакты памяти в соответствии с собственными интересами и ценностями [13].

В исследованиях коллективной памяти необходимо отказаться от упрощений, от сведения формирования структур памяти к человеческому фактору или от приравнивания репрезентации к ее восприятию. В. Канштайнер предлагает дополнительное внимание уделить тому, как сам носитель памяти, особенно электронный, влияет на ее структуру и развитие.

Исследования лишь одной стороны коллективной памяти – ее производства или восприятия – дают ограниченное представление о целостности ее структуры. Для получения полного представления о коллективной памяти группы необходим одновременный анализ трех ее элементов: намерений и сообщения производителя – способов распространения – восприятия аудитории.

Для решения данной задачи Т. Капитонова предлагает разделить существующие методы исследования коллективной памяти на две категории: историографические и биографические [17]. Историографическая традиция позволяет выстраивать хронологические нарративы и стремится описать фактически-содержательную составляющую коллективной памяти. Вторая традиция, биографическая, больше обращает внимание на субъективные и экзистенциальные элементы коллективной памяти, воспринимая содержательно-фактологический каркас событий как фон для личных историй и переживаний. Этот подход наиболее широко применяется в рамках устной истории, когда посредством интервью и других научных методов собирается информация от индивидуальных участников вспоминающей общности. Отличительной характеристикой является стремление реконструировать события прошлого через призму индивидуального опыта. Подобные методы позволяют дополнить информацию, полученную из официальных каналов коммуникации. Автор указывает на комплиментарность двух данных традиций. «Взаимодополняющий характер двух обозначенных подходов связан с тем важным обстоятельством, что историческая память как комплексный, многоуровневый феномен существует и развивается в единстве своих содержательно-фактических и экзистенциально-смысловых компонентов, оформляющих поток внешнего и внутреннего опыта исторического субъекта» [17, с. 128].

А. Конфино указывает на то, что исследования, фокусирующиеся исключительно на конструировании и репрезентации памяти и игнорирующие социальные практики ее передачи, ошибочно подразумевают, что репрезентация является чистым выражением исторической ментальности, социальных и политических ценностей. На самом деле ключевой вопрос заключается в том, как эта репрезентация была воспринята и интерпретирована [16]. Одного описания репрезентации прошлого без объяснения ее передачи, распространения

и значения представляется недостаточно. Следовательно, для полного понимания ситуации требуется исследование трех составляющих коллективной памяти: момент ее конструирования отвечающими за это институтами; каналы и медиа, с помощью которых она распространяется; ее восприятие аудиториями. Автор указывает на то, что исследователям свойственно искать память в «знакомых» местах, в том числе в политических структурах, где ее формирование и манипуляция с ней наиболее заметны. Однако следует искать память там, где она скорее подразумевается, чем выражается открыто – в коллективной ментальности. Это поможет не упустить из виду целый ряд активностей, которые нельзя характеризовать как политические, но которые при этом оказывают решающее влияние на способ формирования или оспаривания образов прошлого.

Заключение. В ходе исследования нами был проанализирован значительный пласт эмпирических исследований коллективной памяти, на основании чего были выявлены и классифицированы используемые в мемори стадиз методы исследования. Удалось выделить следующие исследовательские традиции: социологическую, психологическую, информационную, культурологическую, историческую и отдельный блок компьютерных исследований. Однако для получения целостного понимания коллективной памяти как структуры необходимо интегрировать различные методы исследования и одновременно рассматривать три элемента памяти: намерения и сообщения производителя – способы и каналы распространения – восприятие аудитории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Буланова М. А., Коркия Э. Д. Социологические аспекты изучения социальной памяти в трудах отечественных и зарубежных ученых // Молодежный научный форум: общественные и экономические науки: электр. сб. ст. по мат. XXVIII междунар. студ. науч.-практ. конф. 2015. № 9 (28). С. 7–18.
2. Олик Дж. Фигурации памяти: процессо-реляционная методология, иллюстрируемая на примере Германии / пер. с англ. Д. Хлевнюк // Социол. обозрение. 2012. Т. 11, № 1. С. 40–74.
3. Миклина Л. И. Социальная память современной российской молодежи // Власть. 2015. Т. 23, № 1. С. 136–140.
4. Васильев А. Memory Studies: единство парадигмы – многообразие объектов // Новое литературное обозрение. 2012. № 5 (117). С. 461–480.
5. Капустина Е. Анализ текстов в социологическом исследовании // Методология и методы социологического исследования / под ред. В. И. Дудиной, Е. Э. Смирновой. СПб.: Изд-во СПбГУ. 2014. С. 233–252.
6. Емельянова Т. П., Тимофеева А. Опыт использования экспрессивного рисунка в исследовании коллективной памяти у чехов // Психология человека в современном мире. Т. 5: мат. Всерос. юб. науч. конф. / отв. ред. Журавлев А. М. Изд-во “Ин-т психологии РАН”. 2009. С. 244–246.
7. Иванова Н. Применение метода свободных ассоциаций в эмпирических социологических исследованиях // Вестн. СПбГУ. Сер. 12. 2013. № 3. С. 116–122.
8. Зубанова Л. Современное медиапространство: подходы к исследованию и принципы интерпретации // Вестн. Чел. гос. акад. культуры и искусств. 2008. № 2 (14). С. 6–17.
9. Neiger M., Meyers M., Zandberg E. (eds.) On Media Memory: Collective Memory in a New Media Age. London: Palgrave Macmillan, 2011.
10. Zelizer B. Covering the Body: the Kennedy Assassination, the Media, and the Shaping of Collective Memory. Chicago: University of Chicago Press, 1992.
11. Zelizer B. Why memory's work on journalism does not reflect journalism's work on memory // Memory Studies. 2008. Vol. 1, iss. 1. P. 79–87. DOI: <https://doi.org/10.1177/1750698007083891>.

12. Hakoköngäs E. Visual Collective Memory: a Social Representations Approach. Helsinki: Publications of the Department of Social Research, 2017.
13. Канштайнер В. Поиск смысла в воспоминаниях: методологическая критика исследований коллективной памяти / пер. Е. Кокориной // Уроки истории. XX век. 2014. URL: <https://urokiistorii.ru/article/52227> (дата обращения: 18.11.2019).
14. Erll A., Rigney A. Literature and the production of cultural memory: Introduction // European J. of English Studies. 2006. Vol. 10, iss. 2. P. 111–115. DOI: <https://doi.org/10.1080/13825570600753394>.
15. Keightley E. Remembering research: memory and methodology in the social sciences // International J. of Social Research Methodology. 2010. Vol. 13, iss. 1. P. 55–70. DOI: <https://doi.org/10.1080/13645570802605440>.
16. Confino A. Collective Memory and Cultural history: Problems of Method // The American Historical Rev. 1997. Vol. 102, iss. 5. P. 1386–1403. DOI: <https://doi.org/10.1086/ahr/102.5.1386>.
17. Капитонова Т., Белокрылова В. Современные тенденции в исследованиях исторической памяти: философско-методологические аспекты // Ученые записки УО «ВГУ имени П. М. Машерова». 2017. Т. 23. С. 126–130.

Информация об авторе.

Нечаева Александра Андреевна – соискатель ученой степени кандидата социологических наук Санкт-Петербургского государственного университета, и. о. начальника отдела продвижения образовательных программ Санкт-Петербургского государственного университета за рубежом Управления по связям с общественностью, Университетская наб., д. 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия. Автор 3 научных публикаций. Сфера научных интересов: коллективная память, нарративные структуры в коллективной памяти, мемори стадиэ, социология культуры, вопросы национальной идентичности. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8162-1535>. Email: a.nechaeva@spbu.ru

REFERENCES

1. Bulanova, M.A. and Korkiya, E.D. (2015), "Sociological aspects of the study of social memory in the works of domestic and foreign scientists", *Molodezhnyi nauchnyi forum: obshchestvennye i ekonomicheskie nauki* [Youth Scientific Forum: Social and Economic Sciences], *Materialy XXVIII mezhdunarodnoi studencheskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Materials of the XXVIII International Student Scientific and Practical Conference], no. 9 (28), pp. 7–18.
2. Olick, J. (2012), "Figurations of memory: a process-relational methodology illustrated on the German case", Transl. by Khlevnyuk, D., *Russian Sociological Review*, vol. 11, no. 1, pp. 40–74.
3. Miklina, L. (2015), "Social memory of contemporary Russian Youth", *Power*, vol. 23, no. 1, pp. 136–140.
4. Vasil'ev, A. (2012), "Memory Studies: Paradigm Unity – Object Variety", *Novoe literaturnoe obozrenie* [New literary review], no. 5 (117), pp. 461–480.
5. Kapustina, E. (2014), "Text analysis in a case study", *Metodologiya i metody sotsiologicheskogo issledovaniya* [Methodology and methods of sociological research], in Dudina, V.I. and Smirnova, E.E. (eds.), *Izd-vo SPbGU, SPb., RUS*, pp. 233–252.
6. Emel'yanova, T. and Timofeeva, A. (2009), "The experience of using expressive drawing in the study of collective memory in Czechs", *Psikhologiya cheloveka v sovremennom mire* [Human psychology in the modern world], vol. 5, *Materialy Vserossiiskoi yubileinoi nauchnoi konferentsii* [Materials of the All-Russian Anniversary Scientific Conference], in Zhuravlev, A. (ed.), *RAS Institute of Psychology, Moscow, RUS*, pp. 244–246.
7. Ivanova, N. (2013), "Free association method in empirical sociological research", *Vestnik of Saint Petersburg University. Series 12*, no. 3, pp. 116–122.

8. Zubanova, L. (2008), "Modern Media Space: Research Approaches and Interpretation Principles", *Herald of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts*, no. 2 (14), pp. 6–17.
9. Neiger, M., Meyers, M. and Zandberg, E. (2011), *On Media Memory: Collective Memory in a New Media Age*, Palgrave Macmillan, London, UK.
10. Zelizer, B. (1992), *Covering the Body: the Kennedy Assassination, the Media, and the Shaping of Collective Memory*, Univ. of Chicago Press, Chicago, USA.
11. Zelizer, B. (2008), "Why memory's work on journalism does not reflect journalism's work on memory", *Memory Studies*, vol. 1, iss. 1, pp. 79–87. DOI: <https://doi.org/10.1177/1750698007083891>.
12. Hakoköngäs, E. (2017), *Visual Collective Memory: a Social Representations Approach*, Publication of the Department of Social Research, Helsinki, FIN.
13. Kansteiner, W. (2014), "Finding Meaning in Memory: A Methodological Critique of Collective Memory Studies", Transl. by Kokorina, E., *Uroki istorii. XX vek* [The lessons of history. 20th century], available at: <https://urokiistorii.ru/article/52227> (accessed 18.11.2019).
14. Erll, A. and Rigney, A. (2006), "Literature and the production of cultural memory: Introduction", *European Journal of English Studies*, vol. 10, iss. 2, pp. 111–115. DOI: <https://doi.org/10.1080/13825570600753394>.
15. Keightley, E. (2010), "Remembering research: memory and methodology in social sciences", *International Journal of Social Research Methodology*, vol. 13, iss. 1, pp. 55–70. DOI: <https://doi.org/10.1080/13645570802605440>.
16. Confino, A. (1997), "Collective Memory and Cultural history: Problems of Method", *The American Historical Review*, vol. 102, iss. 5, pp. 1386–1403. DOI: <https://doi.org/10.1086/ahr/102.5.1386>.
17. Kapitonova, T. and Belokrylova, V. (2017), "Current Trends in Historical Memory Studies: Philosophical and Methodological Aspects", *Uchenye zapiski UO "VGU imeni P.M. Masherova"* [Scientific notes UO "VSU named after P. M. Masherov"], vol. 23, pp. 126–130.

Information about the author.

Aleksandra A. Nechaeva – applicant for the degree of Can. Sci. (Sociology), Saint Petersburg State University; Acting Head of the Department for SPbU Educational Programmes Promotion Abroad, Public Relations department, Saint Petersburg State University, 7/9 University emb., St Petersburg 199034, Russia. The author of 3 scientific publications. Area of expertise: collective memory, narrative structures in collective memory, memory studies, sociology of culture, national identity. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8162-1535>. Email: a.nechaeva@spbu.ru

Эволюция политических симулякров в цифровом обществе (на примере «фейк-ньюс» и «постправды»)

В. П. Милецкий[✉], О. А. Никифорова

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

[✉]falesm@mail.ru

Введение. В статье рассматривается эволюция «фейк-ньюс» и «постправды» в условиях цифрового общества, которые можно квалифицировать в качестве симулякров виртуального пространства. Авторами сформулирована гипотеза о том, что раскрытие особенностей социальной эволюции «фейк-ньюс» и «постправды» как политических симулякров представляется возможным на основе мультипарадигмального подхода, объединяющего объясняющий потенциал социологии коммуникации, политической социологии, системного, интеракционистского подхода, концепций культивации и повестки дня.

Методология и источники. Методологическим основанием выступает мультипарадигмальный подход к исследованию «фейк-ньюс» и «постправды» как симулякров виртуального пространства, распространяемых преимущественно во «всемирной паутине» в форме заведомо ложных или искажающих истинное положение вещей сообщений, мемов, постов, репостов, твитов, ретвитов, троллинга и др., позволяющий объединить эвристические возможности системно-социологического и интеракционистского подходов, теории коммуникативного действия, концепций культивации и повестки дня.

Результаты и обсуждение. Обосновывается авторское положение о том, что «фейк-ньюс» как информационная единица преимущественно политико-коммуникативного пространства является закономерным продуктом развития цифровизации, возникающим на почве «постправды». Делается вывод о том, что сегодня массовый характер приобрело конструирование политических новостных фейков с целью практического воздействия на поведение бизнесменов, общественных деятелей, политических лидеров и др., а также оказания влияния на реальные социально-экономические процессы и политико-правовую сферу в глобальном масштабе. Рассматривается проблема веры «фальшивым новостям», изучение которой на основе мультипарадигмальной методологии позволяет раскрыть ее должным образом и найти возможные пути решения.

Заключение. Рассмотрение эволюции «фейк-ньюс» и «постправды» в цифровом обществе показало, что они действительно выступают в качестве определенных политических симулякров виртуального пространства. При этом активно используются манипулятивные технологии, «внушающие через глаза и уши» некритическое восприятие навязываемых сообщений, установок и ценностных ориентаций. «Фейк-ньюс» и «постправда» представляют собой угрозу для общества в целом, создают «помехи» для их изучения и затрудняют коммуникативное взаимодействие, подменяя реальные социально-политические коммуникации и осязаемые политические действия их имитацией в виртуальном пространстве, или, например, в качестве политически удобной правды формируют в политико-коммуникативной практике некий синтетический симулякр, в котором соединяются PR-шоу и медиаманипуляции.

Ключевые слова: «фейк-ньюс», фейковые новости, «постправда», симулякры, информационные единицы, политико-коммуникативное пространство, цифровое общество, «фейкосоздатели», «фейкометатели», юзеры, боты, кибер-консьюмеристы.

Для цитирования: Милецкий В. П., Никифорова О. А. Эволюция политических симулякров в цифровом обществе (на примере «фейк-ньюс» и «постправды») // ДИСКУРС. 2020. Т. 6, № 3. С. 63–75. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-3-64-77

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 09.04.2020; принята после рецензирования 14.05.2020; опубликована онлайн 25.06.2020

Evolution of Political Simulacra in Digital Society (on the Examples of “fake news” and “post-truth”)

Vladimir P. Miletskiy[✉], Olga A. Nikiforova

Saint Petersburg State University, St Petersburg, Russia

[✉]falesm@mail.ru

Introduction. The paper deals with the evolution of “fake-news” and “post-truth” in the digital society, which can be qualified as simulations of virtual space. The authors formulate a hypothesis that disclosure of the features of social evolution of “fake news” and “post truth” as political simulacra is possible on the basis of a multi-paradigm approach that combines the explanatory potential of sociology of communication, political sociology, systemic, interactive approach, concepts of cultivation and agenda.

Methodology and sources. The methodological basis is a multi-paradigm approach to the study of “fake news” and “post truth” as “simulacras” of virtual space, distributed mainly “on the World Wide Web” in the form of deliberately false or distorting messages, memes, posts, repost, tweets, retweets, trolling, etc., allowing to unite heuristic possibilities of system-sociological and interactive approaches, theory of communicative action, concepts of cultivation and agenda.

Results and discussion. The authors argue that “fake news” as an information unit of mainly political and communicative space is a natural product of digitalization development, which arises from the “post truth”. Today the artificial construction of political news has a practical impact on the behavior of businessmen, public figures, political leaders, etc., as well as to influence the real socio-economic processes and political and legal sphere on a global scale. The problem of belief in “fake news” is considered, the study of which, based on multi-paradigm methodology, allows to reveal it properly and find possible solutions.

Conclusion. Consideration of the evolution of “fake news” and “post truth” in digital society shows that they act as certain political simulacras of virtual space with using the manipulative technologies. “Fake-news” and “posttruth” pose a threat to society as a whole, create “obstacles” for their study and complicate communicative interaction, replacing real socio-political communications and tangible political actions with their imitation in virtual space or, for example, as a politically convenient truth, form a certain synthetic simulacrum in political-communicative practice, which combines PR-shows and media manipulations.

Key words: “fake news”, “post-truth”, simulacrum, information units, political-communication space, digital society, “fake creators”, “fake-makers”, users, bots, cyber-consumers.

For citation: Miletskiy V. P., Nikiforova O. A. Evolution of Political Simulacra in Digital Society (on the Examples of “fake news” and “post-truth”). DISCOURSE. 2020, vol. 6, no. 3, pp. 63–75. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-3-64-77 (Russia).

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 09.04.2020; adopted after review 14.05.2020; published online 25.06.2020

Введение. Если в XX в. выражение «Знание – сила» было одним из популярных лозунгов (мемов), то в новом столетии пальма первенства в этом отношении перешла к «всемирной паутине», социальным сетям, мессенджерам и прочим блокчейнам. Глобальное распространение Интернета и его безудержное развитие породило «постправду» и «фейк-ньюс» в качестве, как правило, негативных информационных единиц преимущественно политико-коммуникативного пространства. Разные страны, несмотря на национальные, культурные различия и политические разногласия, пытаются как совместно, так и по отдельности бороться с недобросовестной информацией, производство и распространение которой в последнее время приняло «промышленные масштабы». «Fake news» признали выражением года составители толкового словаря английского языка Collins English Dictionary еще в 2017 г. С тех пор по настоящее время его стали использовать в пять раз чаще. Исследователи связывают подобную экспансию этого относительно нового термина с регулярным его использованием президентом США Дональдом Трампом [1].

Под словосочетанием «фейк-ньюс» главным образом понимается распространяемая под видом новостей преимущественно заведомо ложная, часто сенсационная и недостоверная информация. В то же время к последней многие авторы относят также необъективную журналистику, пропаганду, скрытую рекламу, заведомо ложные сообщения в новостях, включая полуправду и др. Неслучайно поэтому Д. Трамп считает распространение фейковых новостей тотальной политической охотой на ведьм. Достоверным источником информации, по его мнению, является главным образом социальная сеть «Твиттер» (Twitter) [2].

Стоит отметить, что вне зависимости от их содержания фейковые новости распространяются быстрее, чем правдивые. Это доказали исследователи С. Восау, Д. Рой и С. Арал из медиалаборатории Массачусетского технологического университета. Ученые проанализировали более 126 000 новостей, которые были опубликованы в Twitter с 2006 по 2017 г. Их распространили около 3 млн человек, которые сделали 4,5 млн записей. Выяснилось, что политические слухи оказались популярнее сообщений о терроризме, природных катастрофах, науке, городских легендах и об экономике. Достоверную информацию среди пользователей читали немногим более тысячи человек, в то время как с фейками знакомились от 1 до 100 тыс. человек. Ученые доказали, что люди сами способствуют распространению фальшивой информации, так как они чаще ретвитят ее. «Фейк-ньюс» достигают адресатов в 6 раз быстрее, чем достоверные сообщения, а вероятность ретвита у конкретного фейка на 70 % выше. Раскрыт также параметр, который исследователи назвали «глубиной каскада», т. е. глубиной проникновения новости с помощью ретвитов, которая у правдивой новости никогда не превышала 10 репостов, в то время как фальшивые новости в 10 раз быстрее и они достигали цепочки в 19 репостов [3, 4]. Именно скорость распространения фейковых новостей, их охват и содержание могли повлиять на результат выборов президента США, считал специальный прокурор Роберт Мюллер, с 2017 г. проводивший расследование, результаты которого он изложил в своем знаменитом докладе в 2019 г. [4–6].

В свете вышеизложенного целью настоящего исследования является изучение и выявление специфики, причин и коммуникативных ресурсов (технологий) эволюции «фейк-ньюс» в сопряжении с «постправдой» в качестве политических симулякров информационного пространства цифрового общества.

Методология и источники. Таким образом, фейковые новости создаются, распространяются и существуют преимущественно именно в коммуникативно-виртуальном пространстве в качестве информационных единиц, которые, как правило, содержат заведомо ложную, часто сенсационную информацию, выпускаемую «фейкосоздателями» и распространяемую «фейкометателями» под видом как бы новостей. К этим «фейкометателям» относятся отдельные боты, юзеры (кибер-консьюмеристы), пранкеры, так называемые фабрики троллей и др.

В свете вышеизложенного вполне естественно, что «фейк-ньюс» в сфере информационных стратегий и политических коммуникаций в цифровом обществе становятся приоритетной проблематикой в зарубежном и отечественном научном дискурсе. Усилилось внимание к анализу технологий их создания и механизмов их распространения, выросла уязвимость отдельных людей, учреждений и общества перед манипуляциями, возникла потребность в междисциплинарных исследованиях данной тематики. В связи с этим не удивительно, что в манифесте целой группы известных ученых проблематика веры в «фальшивые новости» и механизмы их распространения названа ими глобальной и требующей междисциплинарных усилий [7].

Тем не менее, несмотря на появление публикаций, в которых предприняты попытки серьезного анализа фальшивых новостей, целостная картина исследования пока не сформирована. Поэтому в современных условиях на первый план выдвигается разработка теоретическо-методологических основ изучения социальных инструментов манипуляции общественным сознанием посредством «фейк-ньюс» и разоблачения связанного с этим преднамеренного обмана пользователей, а также уяснения подлинных мотивов и смыслов распространяемых сообщений. Данным обстоятельством обуславливается необходимость концептуализации методологических подходов к изучению этого феномена. В пользу названной концептуализации «фейк-ньюс» как информационной единицы коммуникативного пространства по всем ее характеристикам говорит и то, что фейковые новости становятся все более реальным симулякром современного цифрового общества. И поэтому правомерно высказать предположение (гипотезу) о том, что релевантное выявление специфики, причин и коммуникативных ресурсов (технологий) эволюции «фейк-ньюс» в сопряжении с «постправдой», а также их фактической экспансии в качестве политических симулякров информационного пространства цифрового общества представляется возможным на основе мультипарадигмального подхода.

В связи с вышеизложенным уместно напомнить, что в современном политико-социологическом дискурсе термин «постправда» (post-truth) занимает промежуточную позицию между обыкновенной правдой или научной истиной и различными видами лживой информации. Распространение Интернета глобализировало информационное пространство, а появление мессенджеров и социальных сетей позволило расширить масштабы «постправды». В этих условиях на волне подъема социальных медиа как источника информации и растущего недоверия к тем фактам, которые преподносились представителями современных общественно-политических элит как истины в последней инстанции, «постправда» стала конкурентной альтернативой официальным СМИ и открыла широкие возможности для преднамеренного искажения действительного положения вещей, а также для манипуляции убеждениями, эмоциями людей и общественным мнением [8].

В отличие от фейков, термин «постправда» появился не в социокультурном, а в сугубо политико-коммуникативном пространстве в качестве так называемой «политически удобной правды», распространяемой в электоральных интересах различных политических акторов и преимущественно в Интернете через социальные сети так называемыми фабриками троллей, ботами, пранкерами и др. С помощью этой политически удобной правды в результате контекстной стандартизации политического дискурса осуществляется своеобразная редукция распространяемых сообщений и происходит исчезновение их реальных смыслов, ибо «постправда» апеллирует не к рефлексии, а к рефлексам. В этом отношении «постправда», возникшая гораздо раньше «фейк-ньюс», является более глобальным явлением, чем фейковые новости, ибо изначально была и продолжает оставаться благоприятной средой для появления фейков, которые создаются по отработанным технологиям и определенным канонам с использованием механизмов агитационно-пропагандистского и манипулятивного воздействия. В отличие от фейков, которые всегда можно опровергнуть, «постправда» с трудом поддается опровержению, несмотря на то, что фейки являются ее инструментом.

«Постправда», заместившая политическую истину, расценивается не как обычная ложь или намеренное либо случайное отклонение от истинного знания. Она, скорее, является намеренным искажением информации о, главным образом, политической действительности, сопровождающимся манипулированием убеждениями и эмоциями людей для влияния на общественное мнение. Это искажение обычно оторвано от фактической точности, основано на безразличии к тому, какие факты находятся в основе тех или иных утверждений, заявлений, информационных сообщений, и, как правило, не коррелирует с истинной, поскольку делается для создания виртуальной реальности, отличной от политической действительности, с целью манипулирования общественным сознанием. Поэтому создателями и распространителями «постправды» выступают не простые юзеры или киберконсюмеры, но преимущественно официальные деятели, пользующиеся услугами профессиональных ботов, пранкеров, фабрик троллей, мессенджеров и социальных сетей.

В отличие от «fake news» и «post-truth», термин «симулякр» (от лат. simulacrum) имеет другой смысл (< simulo – «изображение», «символическая копия», не имеющая оригинала в реальности). В научный оборот этот термин ввел в контексте теории «внутреннего опыта» известный французский философ Жорж Батай (1897–1962), находившийся у истоков постмодернизма, который он определял как искусственно конструируемую семиотическую структуру, не имеющую под собой реального социального основания. В результате активного развития СМИ после Второй Мировой войны эта проблематика привлекла внимание многих исследователей. Так, известный постмодернист Жан Бодрийяр в работе «Симулякры и симуляция», сюжеты которой ему были навеяны известной «Войной в Персидском заливе» (англ. Persian Gulf War, со 2 августа 1990 по 28 февраля 1991 г.), рассматривал симулякры в привязке с процессом симуляции и считал их неживыми (либо полуживыми) социальными моделями или социокультурными символами коммуникативно-виртуального и медиапространства, которые по-своему конструируют социальную реальность при помощи телевидения и других СМИ, включая современную «всемирную паутину». Секрет их действенности состоит в том, что симулякры являются семиотическими знаками, не имеющими, как правило, реального аналога в социальной действительности. В результате в современном обществе постмодерна нормой жизни стала тотальная симуляция этой действительности посредством массмедиа и Интернета, в которых утверждается

ложная действительность, стирающая различие между социальной реальностью и ее семиотическим изображением.

Итак, в результате ускоряющегося распространения информации в СМИ и в Интернете у реципиентов пропадает интерес к самим освещаемым событиям, которые подменяются их репрезентациями, делающими сами события не такими значимыми, как их репрезентации или рассказы о них [9]. Поэтому не будет преувеличением утверждение о том, что сегодня в условиях цифрового общества действительно особенно усилилась эскалация «фейк-ньюс» и, конечно, «постправды», расширились инструментарий и коммуникативные ресурсы (технологии) производства и распространения фальшивой информации, произошла масштабная трансформация современных социально-политических технологий и практик их трансляции в виртуальном пространстве цифрового социума. При этом прежде всего фейковые новости, являясь инструментом перехода из реальности в «бутафорскую» социальность, в большинстве случаев связаны с трактовками именно травматических событий и становятся инструментом как нагнетания социально-политической напряженности, так и дестабилизации ситуации не только в отдельных странах, но в целых регионах и в мире вообще.

Из сказанного логично вытекает интерес к методологическим подходам, позволяющим рассматривать фейковые новости именно в релевантном ракурсе и исследовать различные модели развитых массмедиа в современном информационном обществе. Такой подход позволяет раскрыть особенности влияния фальшивых новостей на общественное мнение, которое, как правило, осуществляется по схеме: «Если люди определяют ситуации как реальные, то они реальны и по своим социальным последствиям».

Солидный объясняющий потенциал для понимания феномена фальшивых новостей содержит мультипарадигмальный подход к исследованию «фейк-ньюс» и «постправды», позволяющий объединить эвристические возможности системно-социологической методологии, интеракционистского подхода, теории коммуникативного действия, концепций культивации и повестки дня. Так, системно-социологическая методология позволяет раскрыть триединую природу феноменов «фейк-ньюс» и «постправды», которые представляют собой не только информационные единицы коммуникативного пространства в форме заинтересованно-оценочной позиции «фейкосоздателей» или творцов «постправды» и заинтересованных в фальшивых сообщениях заказчиков, но и специфический социальный процесс, а также своеобразное институциональное образование. Дело в том, что «фейк-ньюс» и «постправда» в качестве информационных единиц коммуникативного пространства формируются в рамках осознанно иницируемого «фейкосоздателями» специфического социального процесса, включающего в себя продуцирование ими символического мира фальшивых и искаженных новостей и их распространения «фейкометателями» и др. В результате этого как заказчики, так и распространители удовлетворяют свои материально-финансовые и идейно-политические потребности, связанные с достижением собственных стратегических и тактических целей. Последнее говорит в пользу вывода о том, что в современном информационно-цифровом обществе «фейк-ньюс» и «постправда» приобретают базисные характеристики своеобразных институциональных образований, способных в будущем стать настоящими глобальными социальными институтами.

С другой стороны, теория культивации доказывает, что создаваемый «фейкосоздателями» виртуально-символический мир реципиенты начинают воспринимать как реальный, их суждения начинают совпадать с теми, которые транслируются «фейкометателями» и

достигают целей [10]. В отличие от этой теории в концепции повестки дня авторами постулируется прямая зависимость между важными проблемами и информационным контентом, распространяемым «фейкосоздателями», творцами «постправды» и «фейкометателями», ибо то, о чем они постоянно сообщают, воспринимается реципиентами как наиболее важное и реально существующее в конкретный период времени [11].

Таким образом, мультипарадигмальный подход позволяет не только раскрыть природу, ключевые тенденции или тренды развертывания современных социальных и политических коммуникаций, на которые ныне все большее влияние оказывают «фейк-ньюс» и «постправда», но и осветить основные особенности трансформаций последних в настоящие симулякры виртуального пространства в современном цифровом обществе.

Результаты и обсуждение. В современных условиях «фейк-ньюс» и «постправда» утрачивают свое изначальное информационное значение из-за фальшивости либо искаженности закодированных в них сообщений, в результате чего с помощью формальных или неформальных манипулятивных технологий происходит перемещение настоящей реальности в коммуникативную виртуальность, а также повышается или понижается значимость того или иного события. В итоге искусственные конструкции фальшивых либо искаженных сообщений и новостей начинают воздействовать на социальную реальность и формировать ее. В этом смысле такого рода «бутафорские новости», публично презентующие фальшивые общественно-политические смыслы, заменяют реальную двустороннюю коммуникацию и реальное политическое взаимодействие имитационным односторонним информационным контактом.

Ключевой технологией, определяющей особенности информационных и коммуникационных технологий и представляющей интерес для проблематики фейковых новостей и «постправды», является медиатизация, посредством которой общество все больше и больше подчиняется или становится зависимым от массмедиа и транслируемых ими сообщений. Как следствие, медиатизация в условиях цифрового общества становится процессом превращения реального социального объекта в искусственный, из-за чего реципиент, который почти полностью «медиатизируется», начинает функционировать с помощью «медиапротезов» и говорить искусственным голосом [12]. При этом массмедиакоммуникация существует только для самой себя, в рамках нее зачастую реальное действие заменяется имитацией в медийном пространстве. А если в общественно-политической сфере ничего не происходит, то инсценируются такие бутафорские спектакли, которые, как правило, не имеют никакого отношения к реальности [13].

Для этого активно используются и другие разнообразные коммуникативные ресурсы, технологии и инструменты, в ряду которых заметное место занимает троллинг. Расцвет троллинга начался в 2015 г.; изначально он выражался в размещении на виртуальных коммуникативных ресурсах провокационных сообщений с целью нагнетания конфликтной ситуации при сознательном нарушении неписаных правил кодекса интернет-поведения. Троллинг был направлен на имитацию общественного мнения по конкретным темам и формирование положительного или негативного отношения людей к соответствующим социально-политическим проблемам или социальным объектам при помощи «фейк-ньюс» и «постправды». Благодаря этому сознательно создавались трудности для диалога между пользователями и разрушалось доверие к социальным медиа. Ныне троллинг ориентируется не только на внутреннюю аудиторию отдельных стран или регионов, но и на внешнюю

глобальную. При помощи троллинга создается много «информационного шума» и усложняется поиск информации в Интернете. При этом троллинг все чаще обеспечивает продвижение хештегов в тренды и способствует искусственному формированию далекой от реальности социально-политической повестки.

Ярким примером того, насколько эффективны троллинг и распространение мемов в интернете как технология производства «фэйк-новостей», можно судить по твиттеру Дональда Трампа, откуда информация расходуется по всем платформам и интернет-изданиям мира, которые в свою очередь становятся колыбелью слухов. Стоит вспомнить историю с кандидатом от Республиканской партии Тедом Крузом: «Шутка, которая позже превратилась в слух о том, что Тед Круз является нераскрытым серийным убийцей Зодиаком (из-за его внешнего сходства), быстро разошлась по Интернету. Зародившаяся как мем или шутка на “4chan”, эта идея вылилась в полноценную конспирологическую теорию и постепенно переключалась на другие платформы – Reddit, Facebook, Twitter, YouTube. В феврале 2016 г. общественный опрос показал, что 38 % респондентов считают версию о том, что Тед Круз является серийным убийцей Зодиаком, вполне веской, а один из десяти опрошенных и во все был убежден в ее правдивости» [14].

В известной мере распространение названных имитационных технологий стимулирует также развертывание так называемой «электронной или мониторинговой демократии», которую иногда именуют демократией включенного наблюдения за деятельностью правящего политического класса [15–17]. Например, небезызвестный Фонд борьбы с коррупцией (ФБК) А. Навального больше других продвинулся в этом отношении после опубликования во «всемирной паутине» таких резонансных материалов, как «Чайка», «Он вам не Димон» и др. В этом же ряду стоит всероссийская акция (навальнитинг) «Он нам не Царь», организованная Навальным и «навальниками» 5 мая 2018 г. в Москве и других крупных городах страны.

Способствует экспансии «фэйк-ньюс» и «постправды» в процессе развития информационного пространства в цифровом обществе и технология шоуизации коммуникативных процессов, применяемая к производству фальшивых новостей, с помощью которых совершается видоизменение (искажение) фактов социальной реальности и придание им медиатизированных значений (mediated meanings), возникающих в ходе фабрикации мнимых образов в процессе сбора, обработки, фильтрации и передачи информационных данных. Примером успешного использования технологии шоуизации коммуникативных процессов является предвыборная кампания В. Зеленского на президентских выборах на Украине в 2019 г.

Как известно, о своем желании баллотироваться В. Зеленский заявил в эфире собственного шоу за минуту до наступления 2019 г., а в качестве кандидата от партии «Слуга народа» зарегистрировался 30 января 2019 г. Он сделал выбор в пользу продвижения своей программы в социальных сетях, которые активно использовались его предвыборным штабом. Действия кандидата осуществлялись полностью по канонам политического шоу и включали драматургию, композиции, приемы шоу-дискурса и др. По сути, В. Зеленского продвигали как артиста и шоумена (так он и был известен широкому кругу электората) или как коммерческий продукт, обладавший зрелищностью, интерактивностью, презентативностью, маркетинговой прагматичностью и звездностью. В своем продвижении в социальных сетях основной упор он сделал на фото- и видеосюжеты для самого простого понимания контента избирателями. В результате у них сформировалось представление о том, что «Зеленский – такой же, как все» (говорит и на русском, и на украинском языках,

занимается спортом, возит детей отдыхать на дачу и т. д.), которое обеспечило ему триумфальную победу во втором туре (более 73 % голосов). И уже после выборов по прошествии многих месяцев к избирателям пришло осознание того, что играть «Президента Голубородько» в шоу «Слуга народа» и действовать как настоящий «ПерЛиГос» (Первое лицо государства) – это не одно и то же. Поддавшись на агрессивный PR предвыборной кампании В. Зеленского, избиратели в стремлении любой ценой избавиться от Порошенко и «порохоботов» вместо «голосования головой» отдали предпочтение «голосованию сердцем» за абсолютно неопытного и неравновеликого роли Президента кандидата. В результате они получили подобострастного исполнителя политической воли все тех же заокеанских хозяев, ставшего бледной копией своего предшественника, который фактически был внешним управляющим, или «Главарем колониальной администрации». Хотя достаточно было проголосовать за того же лидера оппозиционной партии «За жизнь» Юрия Бойко, и сегодня Украину в хорошем смысле слова уже было бы не узнать.

Также на руку экспансии «фейк-ньюс» и «постправды» действует такая коммуникативная технология, как маркетингизация политики, состоящая в воздействии на электорат при помощи ресурсов «личностного», «программного» и «информационного» влияния с целью завоевания соответствующего места в системе государственной и муниципальной власти. Маркетингизация политических коммуникаций неминуемо приводит к увеличению финансовых затрат, так как партийные проекты приобретают «пиаровский» характер, а сами партии перенимают «рыночный» тип поведения и выстраивают коммуникацию с гражданским обществом как с аморфной аудиторией. Маркетингизация сопровождается также искажением и фабрикацией фактов, тенденциозным и односторонним монтажом дезинформации, дискредитацией политических оппонентов ненормативной риторикой, наклеиванием ярлыков и, как правило, агрессивным троллингом со стороны ботов или юзеров, выражающимся в распространении заведомо ложных либо искаженных сведений о политических деятелях, использовании против них «черных» политических технологий [18–23].

Таким образом, «фейк-ньюс» и «постправда» выступают источником конструирования информации и новостей в коммуникативно-виртуальном пространстве в форме «политически удобной правды» путем распространения главным образом заведомо ложных или искажающих истинное положение вещей сообщений, мемов, постов, репостов, твитов, ретвитов и др. Вместе с тем, являясь способами перехода из реальности в виртуальную социальность, «фейк-ньюс» и «постправда» в большинстве случаев связаны с трактовками именно травматических событий и становятся инструментом нагнетания как социально-политической напряженности, так и дестабилизации ситуации не только в отдельных странах, но и в целых регионах и мире в целом [23, 24]. Самым свежим примером этого являются первая декада января 2020 г., которую мир прожил в страхе после неожиданной смертоносной атаки американских спецслужб на члена «правлящего политического квартета Ирана» генерала Касима Сулеймани, после убийства которого все ждали ответа от аятоллы Али Хаменеи с неизбежной эскалацией международной напряженности. Но Трамп как опытный бизнесмен сумел с помощью «всемирной паутины» плавно разрядить ситуацию и снизить ее остроту (в условиях осуществлявшейся в Конгрессе США и провалившейся процедуры его импичмента) до нужной ему величины, вынудил власти Ирана извиниться за непреднамеренный подрыв украинского гражданского «Боинга», в результате которого погибли все пассажиры и члены экипажа.

Неменьший «вклад» в нагнетание социально-политической напряженности, паники и психоза внесли вышеназванные «фейкометатели» в планетарном масштабе в связи с распространением 2020 г. по всему миру из Китая эпидемии коронавируса (Covid-19), сообщения о которой в Интернете и СМИ Всемирная организация здравоохранения уже назвала «фейками всемирного масштаба». При этом цели этой кампании по нагнетанию ими страха наводят на мысль о том, что они пугают людей новой инфекцией, против которой пока не создано эффективной вакцины, ради так называемой «медикализации общества», обогащения фармацевтических концернов и аффилированных с ними полукриминальных бизнес-структур. Больше других здесь отличились российские пранкеры, устроившие «флеш-моб» с якобы умиравшим от этого вируса человеком в вагоне московского метро 10 февраля 2020 г. Хотя в нынешнем столетии аналогичные события с искусственным нагнетанием психоза с целью все той же «медикализации общества» уже происходили и с «эпидемией» атипичной пневмонии, и с африканской эболой, и с губчатой энцефалопатией «бешеных коров» в Англии, и в других планетарных фейковых кампаниях.

Заключение. Эволюция «фейк-ньюс» и «постправды» как коммуникативных продуктов и политических ресурсов власти в цифровом обществе происходила в качестве определенных преимущественно политических симулякров виртуального пространства. Создатели фейков и «постправды» активно используют манипулятивные технологии троллинга, шоуизации, маркетингизации и др., «внушающие через глаза и уши» не критическое восприятие навязываемых сообщений, установок и ценностных ориентаций [25]. Поэтому «фейк-ньюс» и «постправда» представляют собой угрозу для общества в целом, создают «помехи» для их изучения, затрудняют коммуникацию, подменяют реальные социально-политические коммуникации и действия их имитацией в виртуальном пространстве или, например, политически удобной правдой, формируют в политико-коммуникативной практике некий синтетический симулякр, в котором соединяются PR-шоу и медиа-манипуляции.

«Фейк-ньюс» и «постправда» как фальшивые или политически мотивированные сообщения, распространяемые преимущественно в Интернете, действуют на социальную реальность и формируют ее в нужном для распространителей этих новостей («фейкометателей») направлении. Более того, «фейк-ньюс» является главным ресурсом «постправды», с помощью которого осуществляется целенаправленное введение в заблуждение всего гражданского общества или отдельных лиц. В результате творцы фейков вынуждают исследователей прилагать дополнительные усилия для установления их достоверности [26, 27, 3].

В свете вышеизложенного изучение эволюции «фейк-ньюс» и «постправды» в их реальном сопряжении в политико-коммуникативном пространстве с симулякрами современного цифрового общества предпочтительно осуществлять с позиций мультипарадигмального подхода, позволяющего учесть объясняющие потенциалы разных концептов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Mangan L. 'Fake news', 'Insta' & 'Unicorn' – Lucy Mangan's take on #Col-linsWOTY 2017. URL: <https://www.collinsdictionary.com/word-lovers-blog/new/fake-news-insta-unicorn-lucy-mangans-take-on-collinswoty-2017,401,НСВ.html> (дата обращения: 01.12.2018).
2. Hunt A., Gentzkow M. Social media and Fake news in the 2016 Election // J. of Economic Perspectives. 2017. Vol. 31, № 2. P. 211–236. DOI: 10.1257/jep.31.2.211.

3. Vosoughi S., Roy D., Aral S. The spread of true and false news online // *Science*. 2018. Vol. 359, iss. 6380. P. 1146–1151. DOI: 10.1126/science.aap9559.
4. Милецкий В. П., Пименов Н. П. Политико-социологическое измерение социодинамики политических коммуникаций в современной России. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2017.
5. The “Fake-News” Phenomenon and Transformation of Information Strategies in the Digital Society / A. V. Aleinikov, V. P. Miletskiy, N. P. Pimenov, A. I. Strebkov // *Scientific and Technical Information Processing*. 2019. Vol. 46, iss. 2. P. 117–122. DOI: <https://doi.org/10.3103/S0147688219020126>.
6. Miletskiy V. P., Cherezov D. N., Strogetskaia E. V. Transformations of professional political communications in the digital society (by the example of the fake-news communication strategy) // 2019 Communication Strategies in Digital Society Workshop (ComSDS). 10 April 2019, SPb., Russia, Vol. 4, iss. 1. 2019. P. 121–124. DOI: 10.1109/COMSDS.2019.8709404.
7. The science of fake news / D. M. J. Lazer, M. A. Baum, Y. Benkler and etc. // *Science*. 2018. Vol. 359, iss. 6380. P. 1094–1096. DOI: 10.1126/science.aao2998.
8. «Политика постправды» и популизм / под ред. О. В. Поповой. СПб.: Скифия-принт, 2018.
9. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция / пер. с фр. А. Качалова. М.: Изд. дом «ПОСТУМ», 2015.
10. Gerbner G. Mass media and human communication theory // *Human Communication Theory* / F. E. X. Dance (ed.) / N. Y.: Holt, Rinehart and Winston, 1967. P. 40–60.
11. Shaw D. L., McCombs M. E. The Emergence of American Political Issues: The Agenda-Setting Function of the Press. St. Paul, MN: West, 1977.
12. Иссерс О. С. Медиафейки: между правдой и мистификацией // *Коммуникативные исследования*. 2014. № 2. С. 112–123.
13. The Stewart/Colbert effect: Essays on the real impacts of fake news / A. Amarasingam (ed.). Jefferson, North Carolina, London: McFarland & Company, Inc., Publishers, 2011.
14. Гершуни М., Майка Р. Политические мемы и новый мировой порядок. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/politicheskie-memy-i-novyy-mirovoy-poryadok/> (дата обращения: 06.03.2020).
15. Антонов Я. В. Электронная демократия как инструмент развития гражданского общества в России // *Гражданское общество в России и за рубежом*. 2012. № 3. С. 2–5.
16. Кульназарова А. В. Интернет-коммуникации органов государственной власти и общества в России // *Вопр. политологии*. 2016. № 3 (23). С. 60–66.
17. Суходолов А. П., Бычкова А. М. «Фейковые новости» как феномен современного медиапространства: понятие, виды, назначение, меры противодействия // *Вопр. теории и практики журналистики*. 2017. Т. 6, № 2. С. 143–169. DOI: 10.17150/2308-6203.2017.6(2).
18. Кастельс М. Власть коммуникации / пер. с англ. Н. М. Тылевич / под науч. ред. А. И. Черных. М.: Изд. дом ВШЭ, 2016.
19. Милецкий В. П., Пименов Н. П. Современный инструментарий исследования политических коммуникаций в трансформирующемся российском обществе // *ДИСКУРС*. 2016. № 2. С. 122–133.
20. Чудинов А. П. Дискурсивные характеристики политической коммуникации // *Политическая лингвистика*. 2012. Вып. 2 (40). С. 53–59.
21. Дзялошинский И. М. Коммуникационные процессы в обществе: институты и субъекты. М.: Изд-во АПК и ППРО, 2012.
22. Володенков С. В. Интернет-коммуникации в глобальном пространстве современного политического управления. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2015.
23. Festinger L. A Theory of Cognitive Dissonance. Stanford: Stanford Univ. Press, 1957.
24. Katz E., Blumler J. G., Gurevitch M. Utilization of mass communication by the individual // *The Uses of Mass Communications: Current perspectives on gratifications research*. Beverly Hills: Sage Publ., 1974. P. 19–32.
25. Милецкий В. П., Чerezov Д. Н. “Фейк-ньюс” в цифровом обществе как симулякры виртуального пространства // *ИНФОРМАЦИЯ-КОММУНИКАЦИЯ-ОБЩЕСТВО*. 2020. Т. 1. С. 155–159.

26. Hjarvard S. The mediatization of society. A theory of the media as agents of social and cultural change // *Nordicom Review*. 2008. Vol. 29, № 2. P. 105–134. DOI: 10.1515/nor-2017-0181.

27. *Cultural Trauma and Collective Identity* / J. C. Alexander, R. Eyerman, B. Giesen and etc. Berkeley, L. A., London: Univ. of California Press, 2004.

Информация об авторах.

Милецкий Владимир Петрович – доктор политических наук (1998), профессор (2002), профессор кафедры социологии политических и социальных процессов Санкт-Петербургского государственного университета, Университетская наб., д. 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия. Автор 80 научных публикаций. Сфера научных интересов: социология политики, права и коммуникаций. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1030-4115>. E-mail: falesm@mail.ru

Никифорова Ольга Александровна – кандидат социологических наук (2009), доцент (2018), доцент кафедры экономической социологии Санкт-Петербургского государственного университета, Университетская наб., д. 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия. Автор 50 научных публикаций. Сфера научных интересов: экономическая социология и теория коммуникаций. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5128-5195>. E-mail: nikifolga@gmail.com

REFERENCES

1. Mangan, L. (2017), 'Fake news', 'Insta' & 'Unicorn' – Lucy Mangan's take on #CollinsWOTY, available at: <https://www.collinsdictionary.com/word-lovers-blog/new/fake-news-insta-unicorn-lucy-mangans-take-on-collinswoty-2017,401,HCB.html> (accessed 01.12.2018).

2. Hunt, A. and Gentzkow, M. (2017), "Social media and Fake news in the 2016 Election", *Journal of Economic Perspectives*, vol. 31, no. 2, pp. 211–236. DOI: 10.1257/jep.31.2.211.

3. Vosoughi, S., Roy, D. and Aral, S. (2018), "The spread of true and false news online", *Science*, vol. 359, iss. 6380, pp. 1146–1151. DOI: 10.1126/science.aap9559.

4. Miletskiy, V.P. and Pimenov, N.P. (2017), *Politiko-sotsiologicheskoe izmerenie sotsiodinamiki politicheskikh kommunikatsii v sovremennoi Rossii* [Political and sociological dimension of the sociodynamics of political communications in modern Russia], ETU Publishing house, SPb., RUS.

5. Aleinikov, A.V., Miletskiy, V.P., Pimenov, N.P. and Strebkov, A.I. (2019), "The "Fake-News" Phenomenon and Transformation of Information Strategies in the Digital Society", *Scientific and Technical Information Processing*, vol. 46, iss. 2, pp. 117–122. DOI: <https://doi.org/10.3103/S0147688219020126>.

6. Miletskiy, V.P., Cherezov, D.N. and Strogetskaia, E.V. (2019), "Transformations of professional political communications in the digital society (by the example of the fake-news communication strategy)", *Communication Strategies in Digital Society Workshop (ComSDS)*, SPb., RUS, 10 Apr. 2019, vol. 4, iss. 1, pp. 121–124. DOI: 10.1109/COMSDS.2019.8709404.

7. Lazer, D.M.J., Baum, M.A., Benkler, Y., Berinsky, A.J., and etc. (2018), "The science of fake news", *Science*, vol. 359, Iss. 6380, pp. 1094–1096. DOI: 10.1126/science.aao2998.

8. Popova, O.V. (ed.) (2018), *"Politika postpravdy" i populizm* [Post-Truth Politics and Populism], Skifiya-print, SPb., RUS.

9. Baudrillard, J. (2015), *Simulacra et simulation*, Transl. by Kachalov, A., POSTUM, Moscow, RUS.

10. Gerbner, G. (1967), "Mass media and human communication theory", *Human Communication Theory*, in Dance, F.E.X. (ed.), Holt, Rinehart and Winston, N.Y., USA, pp. 40–60.

11. Shaw, D.L. and McCombs, M.E. (1977), *The Emergence of American Political Issues: The Agenda-Setting Function of the Press*, West, St. Paul, MN, USA.

12. Issers, O.S. (2014), "MEDIAFAKE: BETWEEN TRUTH AND HOAX", *Communication Studies*, no. 2, pp. 112–123.

13. Amarasingam, A. (ed.) (2011), *The Stewart/Colbert effect: Essays on the real impacts of fake news*, McFarland & Company, Inc., Publishers, Jefferson, North Carolina, London, UK.

14. Mayka, R. and Gershuni, M. (2018), "The Memes' World Order", available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/politicheskie-memy-i-novyy-mirovoy-poryadok/> (accessed 06.03.2020).
15. Antonov, Ya.V (2012), "E-Democracy as an Instrument for Development of Civil Society in Russia", *Grazhdanskoe obshchestvo v Rossii i za rubezhom* [Civil society in Russia and abroad], no. 3, pp. 2–5.
16. Kulnazarova, A.V. (2016), "INTERNET COMMUNICATIONS OF PUBLIC AUTHORITIES AND SOCIETY IN RUSSIA", *Political Science Issues*, no. 3 (23), pp. 60–66.
17. Sukhodolov, A.P. and Bychkova, A.M. (2017), "Fake News as a Modern Media Phenomenon: Definition, Types, Role of Fake News and Ways of Taking Measures against it", *THEORETICAL AND PRACTICAL ISSUES OF JOURNALISM*, vol. 6, no. 2, pp. 143–169. DOI: 10.17150/2308-6203.2017.6(2).
18. Castells, M. (2016), *Communication Power*, Translated by Tylevich, H.M., in Chernykh, A.I. (ed.), The Higher School of Economics Publishing House, Moscow, RUS.
19. Miletskiy, V.P. and Pimenov, N.P. (2016), "MODERN RESEARCH TOOLS OF POLITICAL COMMUNICATION IN THE TRANSFORMING RUSSIAN SOCIETY", *DISCOURSE*, no. 2, pp. 122–133.
20. Chudinov, A.P. (2012), "DISCOURSE CHARACTERISTICS OF POLITICAL COMMUNICATION", *POLITICAL LINGUISTICS*, no. 2 (40), pp. 53–59.
21. Dzyaloshinskii, I.M. (2012), *Kommunikatsionnye protsessy v obshchestve: instituty i sub"ekty* [Communication processes in society: institutions and subjects], Isd-vo APK i PPRO, Moscow, RUS.
22. Volodenkov, S.V. (2015), *Internet-kommunikatsii v global'nom prostranstve sovremennogo politicheskogo upravleniya* [Internet communications in the global space of modern political governance], Moscow Univ. Press, Moscow, RUS.
23. Festinger, L. (1957), *A Theory of Cognitive Dissonance*, Stanford Univ. Press, Stanford, USA.
24. Katz, E., Blumler, J.G. and Gurevitch, M. (1974), "Utilization of mass communication by the individual", *The Uses of Mass Communications: Current perspectives on gratifications research*, Sage Publ., Beverly Hills, USA, pp. 19–32.
25. Miletskiy, V.P. and Cherezov, D.N. (2020), "Fake news" in digital society as simulacra of virtual space", *Information-Communication-Society*, vol. 1, pp. 155–159.
26. Hjarvard, S. (2008), "The mediatization of society. A theory of the media as agents of social and cultural change", *Nordicom Review*, vol. 29, no. 2, pp. 105–134. DOI: 10.1515/nor-2017-0181.
27. Alexander, J.C., Eyerman, R., Giesen, B. and etc. (2004), *Cultural Trauma and Collective Identity*, Univ. of California Press, Berkeley, L.A., London, UK.

Information about the authors.

Vladimir P. Miletskiy – Dr. Sci. (Policy) (1998), Professor (2002), Professor at the Department of Sociology of Political and Social Processes, Saint Petersburg State University, 7/9 University emb., St Petersburg 199034, Russia. The author of 80 scientific publications. Area of expertise: sociology of politics, law and communications. ORCID: <https://orcid.org/00000-0002-1030-4115>. E-mail: falesm@mail.ru

Olga A. Nikiforova – Can. Sci. (Sociology) (2009), Docent (20018), Associate Professor at the Department of Economic Sociology, Saint Petersburg State University, 7/9 University emb., St Petersburg 199034, Russia. The author of 50 scientific publications. Area of expertise: economic sociology and theory of communications. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5128-5195>. E-mail: nikifolga@gmail.com

Трансгуманизм в аналитических перспективах классической и неклассической социологии

А. В. Щербина✉

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия*

✉ashcherbina@list.ru

Введение. Цель исследования – анализ и обобщение взглядов на трансгуманизм (далее – ТГ), представленных в современном дискурсе, и концептуальных подходов к оценке последствий его распространения. Актуальность социологического анализа ТГ определяется интенсивностью дискуссий и противоречивостью его оценок в социальных медиа и экспертном сообществе, ростом его международного влияния и угроз воплощения новых норм, задаваемых идеологией ТГ. Научная новизна работы состоит в типологической интерпретации понятия ТГ в его деятельностном и информационно-коммуникативном аспектах.

Методология и источники. В работе использованы результаты исследований, представленных в отечественных и зарубежных публикациях о трансгуманизме, материалы публичных страниц онлайн-сообществ «Трансгуманизм» и «Трансгуманизм без границ» в социальных сетях «ВКонтакте» и «Живом журнале». Привлекаются объясняющие модели классической и неклассической социологии: теория подражания Г. Тарда, социокультурный подход Э. Дюркгейма, структурно-функциональный анализ Т. Парсонса, генеалогический анализ М. Фуко, теория рациональности Ю. Хабермаса. Используется историко-генетический метод, адекватный индивидуализирующему характеру социально-исторического познания.

Результаты и обсуждение. ТГ – новая глобальная идеология, которая конфигурирует образы социального мира, восходящие к архаичным мифам, с представлениями синтетической теории эволюции, технауки, социальной философии. ТГ – идеология, адекватная породившим ее условиям и новому типу социального субъекта: ослабление наций-государств и формирование информационного контура глобального общества, новой инфраструктуры коммуникации как пространства всеобщего материального и духовного обмена, нового социального субъекта – «сообществ», мобилизованных для борьбы за личные права и самоопределение в антропологической сфере. Конструируемому в экспериментальном режиме образу жизни придается нормативное значение. ТГ отвечает императиву глобализации как культурная идеология, поскольку культура интерпретируется им как универсум методов, средств и технологий, которые позволяют человеку рационально воздействовать на самого себя. Рациональность в ТГ выступает высшей ценностью, критерием оценки и отбора нормативных конструкций будущего, осваиваемых сообществами (меньшинствами), подчеркнуто лишенными черт этнической принадлежности и культурно-исторического своеобразия.

Рассматриваются критические аргументы и полемика с ТГ в религиозном дискурсе. Обсуждается идеологический статус ТГ. Прослеживается радикализация в ТГ идей

© Щербина А. В., 2020

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

либерализма и коммунизма. ТГ исследуется в качестве платформы, объединяющей идеологические субкультуры сообществ, ориентирующихся на «рациональность», для анализа которой привлекается потенциал неклассической социологии.

Заключение. ТГ – утопия в специфическом смысле: это социально-антропологическая практика, представленная в теоретическом сознании образом будущего, а в практическом – экспериментальным настоящим. Социальные последствия распространения идеологии ТГ мы должны оценивать одновременно методами исторического анализа и футуристического моделирования.

Ключевые слова: трансгуманизм, рациональность, идеология, автономия, типы рациональности, трансцендентное, сообщества, меньшинства, социально-антропологическая практика.

Для цитирования: Щербина А. В. Трансгуманизм в аналитических перспективах классической и неклассической социологии // ДИСКУРС. 2020. Т. 6, № 3. С. 76–91. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-3-78-93

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 09.04.2020; принята после рецензирования 14.05.2020; опубликована онлайн 25.06.2020

Transhumanism in Analytical Prospects of Classical and Non-Classical Sociology

Alexandra V. Shcherbina✉

Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

✉ashcherbina@list.ru

Introduction. The purpose of the study is to analyze and generalize the views on transhumanism (TH), presented in the modern discourse, and conceptual approaches to assessing the consequences of its spread. The relevance of the sociological analysis of TH is determined by the intensity of discussions and the inconsistency of its assessments in social media and the expert community, the growth of its international influence and the threats of the implementation of new norms set by the ideology of TH. The scientific novelty of the work consists in a typological interpretation of the concept of TH in its activity and information and communication aspects.

Methodology and sources. In the work the results of studies presented in domestic and foreign publications on TH are used, as well as the materials of the public pages of the online communities Transhumanism and Transhumanism Without Borders in the social networks VKontakte and LiveJournal. Explanatory models of classical and non-classical sociology are involved: the theory of imitation of G. Tarde, the sociocultural approach of E. Durkheim, the structural-functional analysis of T. Parsons, the genealogical analysis of M. Foucault, the theory of rationality of J. Habermas. The historical-genetic method is used, which is adequate to the individualizing nature of socio-historical knowledge.

Results and discussion. TH is a new global ideology that configures images of the social world dating back to archaic myths with representations of a synthetic theory of evolution, technoscience, and social philosophy. TH is an ideology adequate to the conditions that gave rise to it and a new type of social subject: weakening nation-states and the formation of the information contour of global society, a new communication infrastructure as a space for universal material and spiritual exchange, a new social subject – “communities” mobilized to fight for personal rights and self-determination in the anthropological field. The lifestyle constructed in the experimental mode is given a normative value. TH meets

the imperative of globalization as a cultural ideology, since it interprets culture as a universe of methods, tools, and technologies that allow a person to rationally influence himself. Rationality in the TH is the highest value, a criterion for assessing and selecting the normative constructions of the future, developed by communities (minorities), which are underlined by features of ethnicity and cultural and historical identity.

Critical arguments and polemics with TH in religious discourse are examined. The ideological status of TH is discussed. There is a radicalization in the TH of the ideas of liberalism and communism. TH is being studied as a platform uniting the ideological subcultures of communities oriented toward "rationality", the analysis of which draws on the potential of non-classical sociology.

Conclusion. TH is a utopia in a specific sense: it is a socio-anthropological practice, represented in the theoretical consciousness as an image of the future, and in practical terms as an experimental present. We must evaluate the social consequences of the spread of the ideology of TH at the same time by methods of historical analysis and futuristic modeling.

Key words: transhumanism, rationality, ideology, autonomy, types of rationality, transcendental, communities, minorities, socio-anthropological practice.

For citation: Shcherbina A. V. Transhumanism in Analytical Prospects of Classical and Non-Classical Sociology. DISCOURSE. 2020, vol. 6, no. 3, pp. 76–91. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-3-78-93. (Russia).

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 09.04.2020; adopted after review 14.05.2020; published online 25.06.2020

Введение. Трансгуманизм дискурсивно разрабатывает образы, интерпретированные в кино, литературе, музыке, и своими эпатажными идеями (замороженные «пациенты», рукотворное бессмертие и счастье, загрузка сознания, искусственная жизнь, распределенная личность) действует на массовое сознание, пугая и восхищая. В умеренных формах он уже вполне оестествился: его доводы различимы в «народной науке», входят составной частью в широко разделяемые социальные представления.

Связь ТГ с религией, наукой и эволюционной парадигмой, обсуждение перспектив научно-религиозного спасения делают его важнейшей темой современной культуры. ТГ как «интеллектуальное течение» (Э. Дюркгейм) имеет вполне респектабельный облик способа интеграции достижений различных наук: экспериментальной медицины, геронтологии, нейрофизиологии, когнитивистики, искусственного интеллекта и нейросетей. Борьба с болезнями и старением, достижение неограниченного долголетия (иммортиализм), расширение физических и интеллектуальных возможностей человека на индивидуальном и групповом уровне – на этом должны быть сконцентрированы усилия специалистов разного профиля. В массовом сознании ТГ представляется технотехнической программой, интегрирующей результаты отраслевых исследований, отражающей общественный запрос на научное знание и его технические приложения в противоположность частнособственническим, только коммерческим интересам. Концептуализированный ТГ поднимает значимые вопросы и проблематизирует устоявшиеся в социогуманитарном знании положения. Его провокационная, побуждающая к прояснению собственных позиций роль подтверждается полемическими аргументами, которые выдвигаются за и против ТГ в различных дискур-

сах: религиозном (христианском, буддийском), политико-идеологическом (левом и правом), философском (включая историко-философский), педагогическом, медицинском и пр.

В настоящий момент в России дискуссия о ТГ только набирает обороты. Как она разворачивается и освещается в экспертном сообществе, официальных СМИ и социальных медиа, само по себе достойно быть предметом внимания. Оценки ТГ полярны. «Дискуссия о трансгуманизме приобрела всемирный характер, впрочем, как и трансгуманистическое движение, которое не знает государственных границ. На одной стороне в дискуссии стоят ярые сторонники этой доктрины, видящие в ней новое мировоззрение, направленное в будущее. На другой – непримиримые критики, характеризующие трансгуманизм как «наиболее опасную в современном мире идею» [1]. Вариативен прогноз потенциала расширения влияния ТГ. «Это сообщество внутри общества, чьи идеи вызывают интерес только у своих единомышленников, не находя особого отклика у широкого круга общест-венности. Так что в обозримом будущем вряд ли стоит ожидать от этого движения хоть сколько-нибудь серьезного влияния на социум XXI века» [2]. «В отечественной культуре, где по причине 70-летнего торжества идеологических и технократических тенденций роль гуманитарных наук не очень высока, идеология трансгуманизма настойчиво пробивает себе дорогу» [3]. «Молодежь иначе воспринимает трансгуманистическую идею, нежели представители старших поколений, что показали проведенные в 2016 г. в университетских городах России эмпирические исследования» [1]. Обнаруживаются симптомы «трансгуманистического поворота» отечественного образования» [4]. Судя по поддержке, которую ТГ получает в РФ со стороны официальной науки, ряда корпораций с государственным участием и в СМИ, и не разделяя излишне алармистские оценки ТГ отдельными исследователями (О. Четверякова, А. Дугин), нельзя не отметить, что перспективы его в нашей стране неплохи. Полагаю, что влияние этого «течения общественного мнения» будет нарастать по мере распространения и интернализации в России глобальных западных социокультурных норм, образцов успешной социализации и связанных с ними субкультур (в соответствии с открытым Г. Тардом законом подражания периферии центру).

ТГ позиционирует себя в качестве направления (подхода, концепции) в философии и глобального общественного движения. Анализ притязаний ТГ на наследование, разрыв, создание философских традиций и идей – дело историка философии¹. Мы же посмотрим на ТГ в аналитических перспективах классической и неклассической социологии.

ТГ принадлежит к «социальным фактам», которые «дают почувствовать свою силу оказываемым им сопротивлением» [5, с. 31]. Сопротивление имеет двоякий смысл. Во-первых, наличествует принудительная сила, формирующая «подражания»: верования и обычаи, определенную организацию, и во-вторых, наличествует противодействие ей. Г. Тард описывает это как «логическую дуэль» подражаний. «Круг подражания», инспирированный центром – «новым образцом, новым обычаем, новой идеей», расширяется вплоть до столкновения с волной из другого центра. Другой центр – назовем его «традиционным гуманизмом» – также дает почувствовать свою силу: дискурс традиции (обращение к традициям, озабоченность их сохранением в новых условиях, обнаружение в традиции ресурсов и возможностей, традиционализм как установка) представлен довольно широко в повестке СМИ, в социальных медиа, в политике и в законотворчестве (яркий све-

¹ Блестящий философский анализ трансгуманизма дан в работах С. С. Хоружего.

жий пример – дискуссия, развернувшаяся в нашей стране в связи с принятием поправок к Конституции РФ о Боге, русских, государствообразующем народе, супружестве, семье).

Методология и источники. В работе использованы данные ВЦИОМ, результаты социологических исследований Институты социологии и психологии РАН, ВШЭ, результаты авторских социологических исследований (опросы, интервью, контент-анализ публичных страниц онлайн-сообществ, продвигающих ТГ) и исследований, представленных в отечественных и зарубежных публикациях о трансгуманизме. Привлекаются объясняющие модели классической и неклассической социологии, использующие структурно-функциональный анализ, типологический подход, генеалогический анализ. Используется историко-генетический метод, адекватный индивидуализирующему характеру социально-исторического познания, неразрывно связанного с ценностями самого исследователя.

Результаты и обсуждение. ТГ – новая глобальная идеология, которая конфигурирует образы социального мира, восходящие к самым архаичным мифам (темное прошлое, светлое будущее), с представлениями о человеке, его «биосоциальной» сущности, деятельности и природе социального мира, разделяемыми творцами и популяризаторами синтетической теории эволюции, технотехники, социальной философии. Человек способен к самоизменению. В этом и состоит его свобода: творить себя посредством собственных энергий и сил.

ТГ – идеология, адекватная породившим ее условиям и новому типу социального субъекта. Среди этих условий базовыми, на наш взгляд, являются следующие:

1. Ослабление наций-государств и формирование информационного контура глобального общества, глобальных информационных и финансовых рынков. В условиях кризиса представительской власти и сужающегося поля, на котором публичная государственная власть может принимать и реализовывать решения, происходит усиление непубличной власти («deep state»), обладающей огромными финансовыми и информационными возможностями и имеющей доступ к инструментам обеспечения внешней и внутренней безопасности.

2. Формирование новой инфраструктуры коммуникации как пространства всеобщего материального и духовного обмена, в котором различия между коммуникацией, обработкой информации и управлением стираются.

3. Формирование нового социального субъекта – «сообществ». Сообщества (меньшинства) подчеркнута дистанцируются от всех традиционных измерений: этнонациональных, культурно-исторических, социально-экономических. Современные информационно-коммуникативные технологии и социальные медиа открывают беспрецедентные возможности для борьбы за личные права и самоопределение в антропологической сфере, для продвижения экспериментирования с телом, полом, возрастом, семьей, и даже – со своим прошлым (так называемые альтернативные археология, история). Конструируемому в экспериментальном режиме образу жизни придается нормативное значение. ТГ – идеология (по типу – утопия, согласно К. Мангейму) сообществ (меньшинств), которые претендуют на публичное внимание, предлагая нормативные конструкции будущего.

ТГ – идеология, ориентированная на массового потребителя, которому дается возможность уже сегодня почувствовать себя авангардом человечества будущего, имеющим право и даже обязанность сделать это будущее обязательным. По мере кристаллизации новых социальных интересов, радикальных изменений в социальной структуре и доходах всех социальных групп, упадка и фрагментации идеологий классов и классовой борьбы,

наций (политических и культурных) и национальных государств, формируется множество идеологических субкультур, поощряемых ТГ. Подчеркнутый отказ от обсуждения проектов социального и политического освобождения людей, деполитизированная концепция совершенства оборачиваются разрывом с демократическим проектом и сближают ТГ с либертарианским индивидуализмом. Но ключевые для последнего идеи автономии и рациональности в ТГ переосмысляются. «Постнеклассическая» (Степин) или «субстанциальная» (Хабермас) рациональность, порвав с автономным разумом и «природой человека», обнаруживает себя в социально-антропологическом экспериментировании – там, где открывается возможность существовать, действовать и мыслить по-другому. Право на эксперимент – вот в чем видит автономию приверженец ТГ. Рациональность для трансгуманистов – социальная категория и синоним блага. ТГ отвечает императиву глобализации как культурная идеология, поскольку культура интерпретируется им как универсум средств, методов и технологий, которые позволяют человеку рационально воздействовать на самого себя. Рациональность выступает высшей ценностью, критерием оценки и отбора нормативных конструкций будущего, осваиваемых сообществами (меньшинствами), подчеркнутыми лишенными черт этнической принадлежности и культурно-исторического своеобразия.

Христианское богословие и теология справедливо рассматривают ТГ как опасного конкурента. Патриарх РПЦ Кирилл недвусмысленно определил ТГ как антихристианство [6]. Это взаимно: ТГ агрессивен по отношению к христианству, в первую очередь к православию, в отличие, скажем, от буддизма, к которому ТГ «проявляет» симпатию, не говоря уже о целом наборе суррогатов религии типа нью-эйдж. В христианстве трансцендентное трансцендентно в том буквальном смысле, что само различие имманентного и трансцендентного и их связь – трансцендентны. Человек ограничен. Только божественная благодать (трансцендентное) выводит человека за его границы. ТГ, напротив, предлагает веру в возможность их преодоления самим человеком. Тогда принципиальное значение имеет вопрос о том, в чем именно состоит ограничение. Это – смерть, главный враг человечества. Обещание победы над смертью превращает ТГ в светскую эсхатологию, изгоняющую Бога из мысленного горизонта современного человека, в религию человекобожества. Противостоять ей, как справедливо указал В. Катасонов, с позиции светского гуманизма невозможно. «В чисто эволюционной парадигме возможностей для сопротивления нет. Только если мы придаем абсолютное значение человеческой жизни, во всей конкретности его духовно-материального существа, только тогда существует идейная опора для борьбы с идеологией трансгуманизма. Для признания же абсолютного значения человеческой жизни необходима связь человека с Абсолютом, с Богом» [3]. Динамичная и открытая человеческая природа включает в себя телесность, изменчивость и страдательность: признание и принятие ограничений («жала в плоть») и побуждают человека к спасению. Для христианина любая риторика, призывающая отказаться от человеческой природы и ее нормативного значения, неприемлема: теозис зависит от разделения человеческой природы со Христом.

Многие исследователи, открыто заявляющие о неприемлемости ТГ в ценностном измерении, признают его будоражащую, провокационную роль. ТГ – вызов богословам и теологам, которые призваны воспроизводить, разъяснять и уточнять для современного сознания христианское понимание отношения души и тела, тварности и божественности, провиденциального значения физического тела как места сосуществования человека со всей тварью, с ма-

териальным миром, ответственности человека за творение, защиту его от разрушения, возможности сотворчества, синергии Божественного замысла и человеческих усилий,кратно выросших благодаря науке и технологиям. Диалог с ТГ заставляет церковь занимать позицию, формулировать свое отношение к технологиям (внешним и внутренним, органическим и посторганическим [7], жестким и мягким [8]), вторгающимся в человеческое тело. По мере разработки и практического применения этих технологий неизбежно воспроизводится нормативная трилемма – терапии, улучшения и выхода за пределы человеческого состояния, требующая этического обоснования практических, в том числе правовых решений [9].

Вызову, бросаемому христианской антропологии трансгуманистическим призывом преодолеть рабское отношение к трансцендентному и обещанием «вы будете как боги», христианская антропология противопоставляет: «мы уже как Бог». При этом в католическом богословском дискурсе признается, что определенные аспекты понимания человека как *imago Dei* (синергия, пролепсис) открыты для союза с технологической трансформацией – биологическим улучшением и интеллектуальным усилением людей [10]. Отдельные представители реформаторского богословия проявляют благосклонность к ТГ, признают его функциональность для осознания человеческой ответственности за творение, поскольку ТГ побуждает к коллективному оптимизму и международному сотрудничеству [11], очерчивает некое символическое пространство («мера, отличная от человека»), в котором моделируются перспективы человека на будущее [12].

Умеренному ТГ, «основанному на сострадании», сочувствуют представители восточной духовности, в особенности в ее экспортной форме, транслируемой по каналам культурной глобализации. ТГ при условии соответствующей прививки, избавляющей его от западного индивидуализма и эгоцентризма, кажется вполне приемлемым [13, 14]. Западные буддисты утверждают, что буддийская доктрина имеет явные преимущества перед авраамическими религиями и способствует размышлениям о постчеловеческом будущем. Начиная с девятнадцатого века, многие азиатские и западные буддисты преуменьшают суверенные аспекты буддизма, утверждая его совместимость с наукой и представляя медитацию как технологию совершенствования человека. Уже несколько десятилетий буддийские учителя сотрудничают с нейробиологами, изучая неврологические и поведенческие эффекты медитации. Обсуждается возможность соединения медитативных практик с новыми нейротехнологиями для повышения самоконтроля, сострадания, понимания, достижения измененных состояний сознания. Буддизм и ТГ имеют сходные цели: избавление человека от страдания и просветление. ТГ и поощряемые им технологии дают последователям буддизма новые средства, позволяющие эффективнее достигать традиционных целей [15].

Интеграция буддийской психологии и этики с современными бионейротехнологиями позволит создать программу «нейротехнологического морального развития» человека [16]. Некоторые исследователи отмечают, что этическое требование использовать технические приложения науки для улучшения окружающей среды и человеческой природы скорее тяготеет к пантеизму, к космическому решению проблемы зла: люди как часть мира – бесконечной жизни Бога – должны использовать все средства, включая технонаучные, чтобы зло ушло из божественного существа [17]. XXI в. демонстрирует радикальную смену парадигмы духовности. Происходит детерриторизация религии и духовности по отношению к метафизической системе и ретерриторизация их в рамках рационально-научной системы.

В результате принципиально меняются наши представления о механизмах личностного развития. Пересматриваются традиционные методы «заботы о себе», появляются новые, гораздо более эффективные технологии усовершенствования себя за счет экстропии, что позволяет говорить о «технорелии» и «технодуховности» [18].

Является ли ТГ идеологией? Идеология в классическом смысле – констелляция социально-политических идей, основываясь на которых некий субъект отстаивает свой мировоззренческий взгляд на общество и перспективы политического действия. ТГ вроде бы на это не претендует. Сомнение относительно идеологического статуса ТГ и один из самых часто выдвигаемых упреков в его отношении связаны с отсутствием в нем социально-политического проекта, ясных представлений о лучшей версии «человеческого общежития» [19]. Думается, что такой проект есть. И вписан в парадигму глобального капитализма. Чтобы адекватно оценить самодистанцирование ТГ от всех классических идеологий и их изрядно скомпрометированных социально-политических проектов, нелишним будет вспомнить, насколько в XX в. было идеологизировано само понятие идеологии: концепты идеологии как «ложного извращенного сознания», «научной идеологии», появление идеологии, утверждающей, что в эпоху деидеологизации «идеологии нет». И насколько идеология как один из типов знания, одна из когнитивных символических систем зависит от порождающих ее социальных условий и, в свою очередь, формирует их. Еще в дискурсе франкфуртской школы было ярко показано, как идеология в качестве политической и культурной гегемонии (А. Грамши) проникает во все сферы общества: искусство, повседневные практики, массовую культуру. Сплаваясь с современными технологиями, она переходит от методов, средств и технологий идеальных, сублимированных, к методам материальным, десублимированным, воздействующим непосредственно на нервно-физиологический субстрат индивида. Ирония заключается в том, как в очередной раз «грех возведен в добродетель»: то, что у поколения старой франкфуртской школы вызывало протест, воспринималось как угроза, рассматривалось как властное принуждение, трансгуманистами теперь продвигается в качестве способа достижения индивидуальной самореализации. А капитализм в очередной раз «вбирает в себя критику» и обновляется.

Дискуссию с ТГ ведут и правые, и левые идеологи. Ф. Фукуяма, в свое время возвестивший о том, что у либеральной идеи не осталось жизнеспособных альтернатив, видит в ТГ главную угрозу либерализму и его нерву – идее естественного права, естественного закона, предрекает конфликт в социальной, политической и экономической сферах людей и постлюдей. По мере того как вместе с государственным социализмом исчезала вера в жизнеспособную альтернативу политическому либерализму, левые в дискурсе постсоциализма заговорили о неприятии классовой борьбы, об открытости новым общественным движениям и политикам идентичности и обнаружили идейное родство с ТГ. ТГ – это вызов левым, которые дезориентированы, неспособны в условиях экологического кризиса и политики постправды противостоять социальной деструкции [20]. ТГ в условиях паралича политической активности, сводящейся к протестам против несправедливости и раздробленности общества, дает выход тревоге и страхам, формирует новый тип агента – не общество, а сообщества (меньшинства). Показателен в этом плане социальный состав участников протестных выступлений в Москве летом 2019 г. В уличных протестах (несанкционированных митингах) принимала участие не только либеральная интеллигенция, твердо стоящая на

своей идейно-политической базе и имеющая поддержку на Западе, но и левая молодежь, разочарованная отсутствием социальных лифтов, не организованная и не определившаяся идеологически. ТГ, обращенный к молодежи, выступает новой идейно-методологической культурно-просветительской силой, очерчивающей социальное пространство, в котором предлагается творчески воссоздать традиционные культурные формы: агоры, театры, литературу, музыку, биографию, историю.

Интересная исследовательская перспектива открывается для социологического анализа ТГ как платформы, объединяющей идеологические субкультуры статусных групп (сообществ, меньшинств), культивирующих определенный стиль жизни и общения, поддерживаемого сетевыми технологиями. Какие субкультуры и социальные практики поощряются трансгуманизмом? Каким поведенческим образцам и ценностным ориентациям придается нормативный смысл, позволяющий конструктивно относиться к будущему как к выбору и сценарию?

Обратимся к кейсу: характерному образцу «народно-научного» анализа регионального (район залива Сан-Франциско) ландшафта субкультур [21]. Отобранные автором субкультуры характеризуют сообщества, подчеркнуто лишенные черт этнической принадлежности и культурно-исторического своеобразия, но приверженные специфически понимаемой рациональности.

1. Культура ученых-компьютерщиков, создателей искусственного интеллекта, работающих в компаниях Intel, IBM, Google и Microsoft, в Стэнфорде и Калифорнийском университете в Беркли. Их фундаментальный вклад в обоснование рационального подхода состоит в следовании идее, согласно которой мышление – это решение задач по оптимизации с учетом ограничений условиями и ожидаемыми результатами.

2. Стартап-культура, в частности, и бизнес в целом рассматриваются как хорошая тренировка рациональности в реальном мире: вы проверяете свои теории и обновляете свои модели или терпите неудачу. Стартап-культура ориентирует на принцип «попробуй быстро», в противоположность привычке бесконечно теоретизировать и планировать. Соответствующий ей мем – «думай масштабно, будь амбициозным», к которому приложен измерительный инструмент: шкала амбиций Юдковского.

3. Хакерская культура возникла в Массачусетском технологическом институте в конце 1950-х гг. (история «русских хакеров» еще ждет своего исследователя). Первое поколение программистов открыто игнорировало предписанные статусы, возраст, дипломы и оценивало людей только по полезности того, что они могли создать. Позднее формирующаяся хакерская этика также включила в себя призыв исправлять неэффективные социальные системы (институты) в обход бюрократии, путем создания творческих альтернатив таким учреждениям как правительство, образование и здравоохранение.

4. Восточные духовные практики йоги на Западе лишились своего традиционного духовного значения и обрели популярность благодаря декларируемой их адептами пользе для психического и физического благополучия. В частности, медитация стала обычным явлением среди рационалистов. Наши мысли могут быть или не быть правдивыми, полезными или вредными. По мере овладения медитацией человек учится воспринимать свои мысли как нечто, созданное мозгом, разотождествляться с ними и таким образом достигать рационализации жизненного мира.

5. Движение за раскрытие потенциала человека. Термин «человеческий потенциал» восходит к циклу лекций, который Олдос Хаксли прочел в новаторском институте Эсален, открытом в 1962 г. [22, с. 199]. Развернутая О. Хаксли аргументация относительно способности человека и его мозга к большему пониманию, разнообразию опыта и самореализации стала опорой контркультуры в ее поисках альтернативных способов жизни, путей реализации людьми своего «потенциала» с помощью таких действий, как ролевые игры, первобытные крики, групповая терапия, ненасильственное общение, радикальная честность и внутренние семейные системы. Практики человеческого потенциала охватывают широкий спектр методов самореализации и самоусовершенствования: от здравого смысла, поддерживающей психотерапии до откровенного мистицизма. Что же роднит их с рациональной культурой? То, что они являются источником гипотез относительно «лучших версий самих себя», даже если у них нет теоретических моделей, объясняющих их полезность.

6. Альтернативные образы жизни. Дестигматизация ЛГБТ-сообществ, альтернативной сексуальности и любых нестандартных жизненных сценариев разрушает наивную веру, повышает рациональность, помогая отстраниться от приверженности своему символическому универсуму и рассмотреть варианты, которых в нем не было, расширяет пространство гипотез о том, как жить.

7. Эффективные альтруисты – социальное движение, отчасти наследующее движениям за социальную справедливость 1960-х гг., но переориентированное на использование новых технологий для общественного блага. Эффективные альтруисты полагают, что обучение лиц, принимающих решения, рациональности является одним из наиболее эффективных способов улучшить будущее. Они близки к сегменту культуры стартапов, известному как «социальное предпринимательство», которое фокусируется на глобальных проблемах.

Социальные связи между предпринимателями, инвесторами, инженерами, эффективными альтруистами, рационалистами, трансгуманистами поддерживаются в профессиональных контактах, в социальных медиа и укрепляются ежегодно проводимыми мероприятиями – фестивалями (например, «Burning Man» в пустыне Невада), конференциями и т. п. Что же их объединяет? И что позволяет в этих практиках увидеть нормативные конструкции будущего? Ответ симптоматичен: «рационалистическая культура».

Социальные представления о рациональности в западной культуре исторически менялись. Воспользуемся предложенным В. С. Степиным различием классической, неклассической и постнеклассической рациональности [23]. Данные типологические понятия позволяют обсуждать не только научную рациональность (совокупность норм и правил научного исследования и изложения его результатов), но и рациональность как характеристику поведения людей. Представления о научной рациональности сформировались к XVII в., когда разум был осмыслен как автономный источник научного познания и противопоставлен Божественному откровению. Рациональные (научные) представления – последовательные (дедуктивные и индуктивные), непротиворечивые, соответствующие опыту и фактам. Классический тип рациональности – чистая объективность, устранение всего, что не относится к познаваемому объекту. Неклассический предполагает экспликацию не только объекта, но и средств познания. Постнеклассический легитимирует ценности субъекта в качестве ориентира познания. В современной философии науки понятие рациональности утратило свой универсальный смысл, рациональность концептуализируется в

понятиях научной парадигмы (Т. Кун, С. Тулмин), в разрабатываемых в неопозитивизме и аналитической философии моделях научного дискурса. Социология в лице М. Вебера предложила предельную проблематизацию понятия рациональности и связала последнюю с модернизацией традиционных социальных образований. В неклассической социологии, развиваемой Ю. Хабермасом и М. Фуко, была выявлена ее антиномичность: одушевляющая проект модерна рациональность несет в себе не только конструктивные (экономическая и политическая организация, наука, техника, производство), но и деструктивные (разрушение жизненного мира, первичных взаимодействий людей, автономии) силы. Системная (формальная) рационализация жизненного мира искажает идеальную межличностную коммуникацию. Ю. Хабермас противопоставляет претендующей на универсальность формальной рациональности «коммуникативный разум», рациональность субстанциальную, коренящуюся в «инфраструктуре языка, познания и действия», и обосновывает неизбежность ее теоретического и практического освоения: конструктивного вторжения в сферу родства, сексуальности, этничности, семьи, веры, т. е. всей той социальности, которая регулировалась традицией. Фуко прослеживает, как интерес к сущностному ядру рациональности – к автономному разуму и его свободному, публичному и всеобщему применению, который был присущ историческому Просвещению, сместился в сферу исторического исследования событий, в том числе единичных, случайных, произвольных, которые конституировали нас самих, наши способы жить, действовать, мыслить и полагать их как необходимые, всеобщие и обязательные. Отсюда, как и у Хабермаса, призыв: нужна практическая критика, преодоление этих способов, продолжение «работы свободы» – конституирования нами нас самих как автономных субъектов. Контркультурные движения (биопанк, киберпанк, взломы и апгрейды тела, биохакинг), сообщества, практикующие, согласно призыву «do it yourself», науку [24], эволюцию (!) [25], историю [26] – свидетельства того, как расслышан и понят этот призыв сегодня.

Рационализм в либеральной идеологии двоился на утверждение разумности человека в смысле его способности законодательствовать в собственной природе (кантовский «исход в совершеннолетие») и на особую установку по отношению к морально-практическим, этическим проблемам: они решаются как последовательность задач в рамках общественного договора. Здесь неизбежны пробы и ошибки, экспериментирование, и востребована психологическая готовность к нему. Коммунизм с его марксистскими тезисами о превращении науки в непосредственную производительную силу, с пафосом радикального разрыва с семьей, частной собственностью и государством опередил современный ТГ на столет. В условиях заката либеральной и коммунистической идеологий ТГ активно утилизирует их идеи, смыслы, социальные представления и технократические предрассудки и радикализирует их. Идея автономного индивида и его прав, обладающих субстанциальным приоритетом по отношению к воле сообщества, трансформируется в представление о возможности законодательствовать в собственной природе буквально: конструктивно вторгаться в собственный поведенческий организм, в свою биологическую предпосылку.

Применение системной методологии Т. Парсонса позволяет обрисовать масштабность социальных изменений, неминуемо вызываемых трансформациями в поведенческом организме и осуществляемой им функции адаптации к физико-химическому окружению. То, что было сферой условий и ограничением, к которому нужно было приспособливаться посред-

ством изменения окружающей природы, теперь становится предметом рационального осмысления и конструктивного вторжения, которые отождествляются. Биохакинг, киборгизация, редактирование генома – вот поощряемые направления для приложения сил, для экспериментирования. Изменения в способе адаптации требуют перестройки иерархии целей, типов личности, углубляют функциональную дифференциацию, меняют способы интеграции, конфигурацию сообществ, нормативные порядки (нормы из ценностей не дедуцируются), ведут к нарастанию аномии, к культурным трансформациям. Трансгуманистические ценности соответствуют идеально-типическим чертам «органической солидарности», выделенным Э. Дюркгеймом: малый объем, низкие интенсивность и определенность, простор для индивидуальной инициативы и рефлексии, подчеркнутая светскость, открытость для обсуждения. ТГ подчеркивает свою аполитичность, неангажированность, «научность».

Парсоновская кибернетическая модель общества ориентирует социологический интерес на анализ изменений ценностно-нормативного порядка. Генерализация ценностей в ТГ налицо: и либерализм, и коммунизм связывали свои перспективы с определенной формой человеческого общежития и адекватными ему образцами коллективного действия, политическими и социально-экономическими институтами. ТГ от всего этого дистанцируется. Вопросы о конкретных формах нравственности человека и устройства общества или полагаются уже решенными, или переносятся на потом как преждевременные и открытые. Отсечение общественно-нравственной проблематики, замена ее обсуждением условий снятия природных ограничений и путей рационального использования природы, включая антропологическую, сообщает ТГ, его этическим суждениям и правовым требованиям респектабельность научного подхода. При этом акцентирование моделирующих функций научного знания и верное утверждение, что общественные проблемы должны анализироваться с научной точки зрения, произвольно конвертируются в тезис о том, что научно-техническое решение проблем – единственный действенный способ улучшить положение человека.

Заключение. ТГ унаследовал и радикализировал претензии на универсальность, характерные и для коммунизма, и для либерализма: «рациональное мышление» сочетается и с подчеркнуто светскими, и с мистическими воззрениями, и с автономным индивидом, и с ассоциацией. Оно противостоит любому групповому эгоизму, любому вмененному или произвольному разделению людей в глобальном мире по цивилизационным, культурно-историческим или социально-экономическим признакам.

ТГ принципиально лишен возможности исторического наследования. Нельзя наследовать нечто, не воспроизводя его, т. е. вне традиции. Поэтому вопрос не столько в том, является ли ТГ очередной религией человекобожества, а в том, какие новые формации и субъективности возникают в глобальном взаимодействии религии, духовности, науки, техники. Как власть, технологии и идеологии меняют наш способ быть людьми. Трудности и опасения, переживаемые сегодня, во время пандемии Covid-19, всеми, независимо от гражданства и этнической принадлежности, актуализируют самоочевидные доводы трансгуманистов: биологическая природа человека хрупка, человечеством накоплен «генетический груз» – все усилия нужно направить на разработку технологий, которые в перспективе сделают человека неуязвимым для болезней. Вспомним Джулиана Хаксли, кстати, автора термина «трансгуманизм». Последовательный критик национал-социализма и расизма, Хаксли называл себя сторонником научного гуманизма. Он полемизировал со старыми евре-

никами: для понимания того, как действует отбор, как его направить, чтобы сохранить или элиминировать определенные признаки, необходимо «сконцентрироваться на создании единой равной среды» для всех. Такой либеральный подход не помешал Дж. Хаксли склониться к вполне мальтузианским выводам о необходимости принятия мер по сокращению численности населения планеты и стерилизации представителей низших классов [27]. Разделяемая в современном социогуманитарном знании концепция биосоциальной сущности человека сегодня испытывается на прочность. Вновь актуализируется схема интерпретации «гены-среда», а вместе с тем и евгенический дискурс. Мы вновь вынуждены теоретически и практически определяться: заново осознать, как динамичны и изменчивы биологические и социальные характеристики человека, и заново проводить разграничительные линии между ними.

ТГ в аналитических перспективах классической социологии (теория подражания Г. Тарда, социокультурный подход Э. Дюркгейма, структурно-функциональный анализ Т. Парсонса) – это идеология, адекватная породившим ее условиям. С позиций неклассической социологии и понятия субстанциальной рациональности ТГ – это утопия в специфическом смысле. Это социально-антропологическая практика, представленная в теоретическом сознании образом будущего, а в практическом – экспериментальным настоящим.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Луков В. А. Трансгуманизм // Знание. Понимание. Умение. 2017. № 1. С. 245–252. DOI: 10.17805/zpu.2017.1.20.
2. Полякова О. В. Трансгуманистическое движение как социокультурный феномен // Вестн. РГГУ. Сер. «Философия. Социология. Искусствоведение». 2012. № 17 (97). С. 189–198.
3. Катасонов В. Н. Новая эволюционная утопия: трансгуманизм. 2014. URL: <https://www.pravmir.ru/novaya-evolyutsionnaya-utopiya-transgumanizm> (дата обращения: 30.03.2020).
4. Ильин Г. Л. «Трансгуманизация» современного образования // Высшее образование в России. 2018. № 1 (219). С. 133–142.
5. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / пер. с фр. А. Б. Гофмана. М.: Канон, 1995.
6. Выступление Святейшего Патриарха Кирилла на торжественном акте, посвященном 10-летию Поместного Собора и интронизации Его Святейшества 31 января 2019 г. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5364415.html> (дата обращения: 30.03.2020).
7. Odorcak J. Exorganic Posthumanism and Brain-Computer Interface Technologies // Postmodern Openings. 2019. Vol. 10, № 4. P. 193–208. DOI: <http://dx.doi.org/10.18662/po/103>.
8. Belk R., Humayun M., Gopaldas A. Artificial Life // J. of Macromarketing. 2020. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/0276146719897361> (дата обращения: 30.03.2020).
9. Campione R. A vueltas con el Transhumanismo: cuestiones de futuro imperfecto | Dealing with Transhumanism: Issues about the Future Imperfect // Cuadernos Electronicos de Filosofia del Derecho. 2019. № 40. P. 45–67. DOI: <https://doi.org/10.7203/CEFD.40.13881>.
10. Peters T. Imago Dei, DNA, and the Transhuman Way // Theology and Science. 2018. Vol. 16, № 3. P. 1–10. DOI: 10.1080/14746700.2018.1488529.
11. Pohar B. Transhumanism in the Service of Human's Responsibility for Creation // Bogoslovni vestnik / Theological Quarterly. 2019. Vol. 79, № 3. P. 643–656. DOI: <https://doi.org/10.34291/BV2019/03/Pohar>.
12. Biancu S. The Human Measure and the (Impossible?) Legacy of Humanism Guest Editor's Preface // Etica & Politica / Ethics & Politics. 2019. Vol. 21, № 2. P. 9–23. DOI: 10.13137/1825-5167/28131.

13. Jung D. Transhumanism and the Theology of Xiang: Deconstructing Transhumanism's Self-Centered Epistemology and Retrieving a Communal Sense of Being // *Theology and Science*. 2019. Vol. 17, iss. 4. P. 524–538. DOI: <https://doi.org/10.1080/14746700.2019.1670966>.
14. Goecke B. Moderate Transhumanism and Compassion // *J. of Posthuman Studies*. 2018. Vol. 2, № 1. P. 28–44. DOI: 10.5325/jpoststud.2.1.0028.
15. Latorra M. What Is Buddhist Transhumanism? // *Theology and Science*. 2015. Vol. 13, iss. 2. P. 219–229. DOI: <https://doi.org/10.1080/14746700.2015.1023993>.
16. Hughes J. Buddhism and Our Posthuman Future // *Sophia*. 2019. Vol. 58, iss. 4. P. 653–662. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11841-018-0669-2>.
17. Goecke B. Panentheism, Transhumanism, and the Problem of Evil: from Metaphysics to Ethics // *European J. for Philosophy of Religion*. 2019. Vol. 11, № 2. P. 65–89. DOI: <https://doi.org/10.24204/ejpr.v11i2.2971>.
18. Schussler A.-E. Transhumanism as a New Techno-Religion and Personal Development: in the Framework of a Future Technological Spirituality // *J. for the Study of Religions and Ideologies*. 2019. Vol. 18, iss. 53. P. 92–106.
19. Quevedo D., Alonso A. Does Transhumanism Have Political Dreams? // *Argumentos de Razón Técnica*. 2019. № 22. P. 138–160. DOI: <http://doi.org/10.12795/Argumentos/2019.i22.06>.
20. Dupret M.-A. The Left in the postmodern storm: The pitfalls of thinking about a policy of more social justice in the era of post-factualism // *Universitas*. 2019. Vol. 31. P. 79–95. DOI: <https://doi.org/10.17163/uni.n31.2019.04>.
21. Galef J. A map of Bay Area memespace. 2013. URL: <https://www.lesswrong.com/posts/WzPJRNyWhMXQTEj69/a-map-of-bay-area-memespace> (дата обращения: 30.03.2020).
22. Головачева И. В. Наука и литература: археология научного знания Олдоса Хаксли. СПб.: СПбГУ, 2008.
23. Степин В. С. Научное познание и ценности техногенной цивилизации // *Вопр. философии*. 1989. № 10. С. 3–18.
24. Gil L. F. R. Bioethics and counterculture: the Biopunk and DIYBio ethics // *Revista Colombiana de Bioética*. 2019. Vol. 14, № 2. P. 53–63.
25. Brickley L. Bodies without Borders. The Sinews and Circuitry of “folklore+” // *Western Folklore*. 2019. Vol. 78, № 1. P. 5–37.
26. Cook K. EmboDIYing Disruption: Queer, Feminist and Inclusive Digital Archaeologies // *European J. of Archaeology*. 2019. Vol. 22, iss. 3. P. 398–414. DOI: <https://doi.org/10.1017/eaa.2019.23>.
27. Галл Я. М. Евгеника в эволюционной перспективе // Я. М. Галл. Джулиан Сорелл Хаксли. 1887–1975 / отв. ред. акад. А. Л. Тахтаджян. СПб.: Наука, 2004. С. 223–258.

Информация об авторе.

Щербина Александра Вениаминовна – кандидат философских наук (1989), доцент кафедры социологии и политологии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5, Санкт-Петербург, 197376, Россия. Автор 30 научных публикаций. Сфера научных интересов: методология социального познания, социальное воспроизводство, социализация, социальный конфликт. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0699-1410>. E-mail: ashcherbina@list.ru

REFERENCES

1. Lukov, V.A. (2017), “Transgumanizm”, *Knowledge.Understanding. Skill*, no. 1, pp. 245–252. DOI: 10.17805/zpu.2017.1.20.
2. Polyakova, O. (2012), “The transhumanity movement as a social-cultural phenomenon”, *RSUH/RGGU BULLETIN. Series “Philosophy. Sociology. Art Studies”*, no. 17 (97), pp. 189–198.

3. Katasonov, V.N. (2014), *Novaya evolyutsionnaya utopiya: transgumanizm* [New Evolutionary Utopia: Transhumanism], available at: <https://www.pravmir.ru/novaya-evolyutsionnaya-utopiya-transgumanizm> (accessed 30.03.2020).

4. Ilyin, G.L. (2018), "TRANSHUMANIZATION" OF MODERN EDUCATION", *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher Education in Russia], no. 1 (219), pp. 133–142.

5. Durkheim, E. (1995), *Sotsiologiya. Ee predmet, metod, prednaznachenie* [The Rules of Sociological Method], Transl. by Gofman, A.B., Kanon, Moscow, RUS.

6. *Vystuplenie Svyateishego Patriarkha Kirilla na torzhestvennom akte, posvyashchennom 10-letiyu Pomestnogo Sobora i intronizatsii Ego Svyateishestva 31 yanvarya 2019 g.* [Speech by His Holiness Patriarch Kirill at a ceremony dedicated to the 10th anniversary of the Local Council and the intronization of His Holiness January 31, 2019], available at: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5364415.html> (accessed 30.03.2020).

7. Odorcak, J. (2019), "Exorganic Posthumanism and Brain-Computer Interface Technologies", *Postmodern Openings*, vol. 10, no. 4, pp. 193–208. DOI: <http://dx.doi.org/10.18662/po/103>.

8. Belk, R., Humayun, M. and Gopaldas, A. (2020), "Artificial Life", *Journal of Macromarketing*. available at: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/0276146719897361> (accessed 30.03.2020).

9. Campione, R. (2019), "A vueltas con el Transhumanismo: cuestiones de futuro imperfecto | Dealing with Transhumanism: Issues about the Future Imperfect", *Cuadernos Electronicos de Filosofia del Derecho*, no. 40, pp. 45–67. DOI: <https://doi.org/10.7203/CEFD.40.13881>.

10. Peters, T. (2018), "Imago Dei, DNA, and the Transhuman Way", *Theology and Science*, vol. 16, no. 3, pp. 1–10. DOI: [10.1080/14746700.2018.1488529](https://doi.org/10.1080/14746700.2018.1488529).

11. Pohar, B. (2019), "Transhumanism in the Service of Human's Responsibility for Creation", *Theological Quarterly*, vol. 79, no. 3. P. 643–656. DOI: <https://doi.org/10.34291/BV2019/03/Pohar>.

12. Biancu, S. (2019), "The Human Measure and the (Impossible?) Legacy of Humanism Guest Editor's Preface", *Etica & Politica / Ethics & Politics*, vol. 21, no. 2, pp. 9–23. DOI: [10.13137/1825-5167/28131](https://doi.org/10.13137/1825-5167/28131).

13. Jung, D. (2019), "Transhumanism and the Theology of Xiang: Deconstructing Transhumanism's Self-Centered Epistemology and Retrieving a Communal Sense of Being", *Theology and Science*, vol. 17, iss. 4, pp. 524–538. DOI: <https://doi.org/10.1080/14746700.2019.1670966>.

14. Goecke, B. (2018), "Moderate Transhumanism and Compassion", *Journal of Posthuman Studies*, vol. 2, no. 1, pp. 28–44. DOI: [10.5325/jpoststud.2.1.0028](https://doi.org/10.5325/jpoststud.2.1.0028).

15. Latorra, M. (2015), "What Is Buddhist Transhumanism?", *Theology and Science*, vol. 13, iss. 2., pp. 219–229. DOI: <https://doi.org/10.1080/14746700.2015.1023993>.

16. Hughes, J. (2019), "Buddhism and Our Posthuman Future", *Sophia*, vol. 58, iss. 4, pp. 653–662. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11841-018-0669-2>.

17. Goecke, B. (2019), "Panentheism, Transhumanism, and the Problem of Evil: from Metaphysics to Ethics", *European Journal for Philosophy of Religion*, vol. 11, no. 2, pp. 65–89. DOI: <https://doi.org/10.24204/ejpr.v11i2.2971>.

18. Schussler, A.-E. (2019), "Transhumanism as a New Techno-Religion and Personal Development: in the Framework of a Future Technological Spirituality", *Journal for the Study of Religions and Ideologies*, vol. 18, iss. 53, pp. 92–106.

19. Quevedo, D. and Alonso, A. (2019), "Does Transhumanism Have Political Dreams?", *Argumentos de Razón Técnica*, no. 22, pp. 138–160. DOI: <https://doi.org/10.12795/Argumentos/2019.i22.06>.

20. Dupret, M.-A. (2019), "The Left in the postmodern storm: The pitfalls of thinking about a policy of more social justice in the era of post-factualism", *Universitas*, vol. 31, pp. 79–95. DOI: <https://doi.org/10.17163/uni.n31.2019.04>.

21. Galef, J. (2013), *A map of Bay Area memespace*, available at: <https://www.lesswrong.com/posts/WzPJRNyWhMXQTEj69/a-map-of-bay-area-memespace> (accessed 30.03.2020).

22. Golovacheva, I.V. (2008), *Nauka i literatura: arkheologiya nauchnogo znaniya Oldosa Khakslia* [Science and Literature: Aldous Huxley's Archeology of Scientific Knowledge], SPbSU, SPb., RUS.

23. Stepin, V.S. (1989), "Scientific knowledge and values of anthropogenic civilization", *Russian Studies in Philosophy*, no. 10, pp. 3–18.
24. Gil, L.F.R. (2019), "Bioethics and counterculture: the Biopunk and DIYBio ethics", *Revista Colombiana de Bioetica*, vol. 14, no. 2, pp. 53–63.
25. Brickley, L. (2019), "Bodies without Borders. The Sinews and Circuitry of "folklore+", *Western Folklore*, vol. 78, no. 1, pp. 5–37.
26. Cook, K. (2019), "EmboDIYing Disruption: Queer, Feminist and Inclusive Digital Archaeologies", *European Journal of Archaeology*, vol. 22, iss. 3, pp. 398–414. DOI: <https://doi.org/10.1017/eea.2019.23>.
27. Gall, Ya.M. (2004), "Eugenics in an evolutionary perspective", *Julian Sorell Huxley. 1887–1975*, Nauka, SPb., RUS, pp. 223–258.

Information about the author.

Alexandra V. Shcherbina – Can. Sci. (Philosophy) (1989), Associate Professor at the Department of Sociology and Political Science, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5 Professor Popov str., St Petersburg 197376, Russia. The author of 30 scientific publications. Area of expertise: methodology of social cognition, social reproduction, socialization, social conflict. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0699-1410>. E-mail: ashcherbina@list.ru

Дагестанская молодежь в Санкт-Петербурге: социальная карта расселения

Е. А. Шекера✉

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

✉shekerak@gmail.com

Введение. Применяя метод социального картографирования городского пространства при исследовании молодежи из Республики Дагестан, проживающей в Санкт-Петербурге, автор предпринимает попытку создания карты расселения дагестанской молодежи. Автор также рассматривает факторы, влияющие на географию расселения: экономический, наличие дискриминации в отношении приезжих с Кавказа при попытках снять жилье, привлечение «сетей своих» для поиска жилья и др. Основная исследовательская цель – понять, существует ли в принципе феномен компактного проживания приезжих из Дагестана в Санкт-Петербурге.

Методология и источники. Методологическую основу работы составляют следующие подходы: социально-экологический (Р. Парк, Э. Берджесс), социопропространственный (Ч. Бут, О. Трущенко), конструктивистский (Б. Андерсон, Р. Брубейкер). Рассмотрены возможности и ограничения применяемого инструментария при картографировании городского пространства: сделан вывод, что для исследования высокоомобильных групп населения, таких как внутренние мигранты, и несмотря на невозможность подсчета генеральной совокупности, больше всего подходит анкетный опрос.

Результаты и обсуждение. Карта расселения дагестанской молодежи отражает периферийный тип проживания в активно застраиваемых окраинных районах, вследствие чего цены на аренду недвижимости в данных районах самые низкие в городе, также была зарегистрирована тенденция компактности расселения, в том числе в зависимости от места исхода. Выявлена высокая степень закрытости среды – 73,3 % опрошенных сталкивались с предвзятым отношением из-за их национальной / религиозной принадлежности при попытках снять жилье. В условиях «закрытости» среды мигранты вынуждены обращаться к более эффективным механизмам первичных групп и искать жилье через социальные сети (и реальных людей, и Интернет).

Заключение. Несмотря на устоявшееся мнение экспертов, что локальное проживание мигрантов нежелательно и даже опасно, поскольку увеличивается нагрузка на социальную сферу, изменяется инфраструктура района, приобретая черты, не свойственные проживающему большинству, увеличивается число конфликтов и т. д., тем не менее данный процесс никак не контролируется государством: приезжие снимают квартиры или покупают жилье в районах с наиболее низкими ценами, таким образом, локализация проживания мигрантов является закономерным процессом и происходит сама собой.

Ключевые слова: дагестанская молодежь, внутренняя миграция, Санкт-Петербург, метод социального картографирования городского пространства.

Для цитирования: Шекера Е. А. Дагестанская молодежь в Санкт-Петербурге: социальная карта расселения // ДИСКУРС. 2020. Т. 6, № 3. С. 92–106. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-3-94-108

© Шекера Е. А., 2020

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 14.04.2020; принята после рецензирования 29.04.2020; опубликована онлайн 25.06.2020

Dagestan Youth in Saint Petersburg: Social Map of Resettlement

Ekaterina A. Shekera✉

Saint Petersburg State University, St Petersburg, Russia

✉shekerak@gmail.com

Introduction. Using the method of social mapping of urban space in the study of youth from the Republic of Dagestan living in St Petersburg, the author attempts to create the map of the resettlement of Dagestan youth. The author also considers factors affecting the geography of resettlement: economic, discrimination against migrants from the Caucasus during attempts to rent a flat, attracting “self-networks” to search for housing, etc. The main research goal is to understand whether there is the phenomenon of compact residence of migrants from Dagestan in St Petersburg.

Methodology and sources. The methodological basis of the research consists of the following approaches: socio-ecological (R. Park, E. Burgess), sociospatial (C. Booth, O. Trushchenko), constructivist (B. Anderson, R. Brubaker). The possibilities and limitations of the tools used in mapping urban space are examined: it is concluded that a questionnaire is best suited for the study of highly mobile groups of the population, such as internal migrants, and despite the impossibility of calculating the general totality.

Results and discussion. The resettlement map of Dagestan youth reflects the peripheral type of residence in actively built up outlying districts, thereby real estate rental prices in these areas are the lowest in the city, and the tendency of resettlement compactness was recorded, including depending on the place of departure. A high degree of closeness of the environment was revealed – 73,3 % of respondents faced a biased attitude due to their national / religious affiliation when trying to rent an apartment. In a “closed” environment, migrants are forced to turn to more effective mechanisms of primary groups and seek housing through social networks (that is, real people and the Internet).

Conclusion. Despite the well-established opinion of experts, that the local residence of migrants is undesirable and even dangerous, since the load on the social sphere is increasing, the district’s infrastructure is changing, acquiring features that are not characteristic of the majority living, the number of conflicts, etc., Nevertheless, this process is not controlled by the state in any way: newcomers rent apartments or buy housing in areas with the lowest prices, thus, the localization of migrants' residence is a natural process occurs by itself.

Key words: Dagestan youth, internal migration, St Petersburg, the method of social mapping of urban space.

For citation: Shekera E. A. Dagestan Youth in Saint Petersburg: Social Map of Resettlement. DISCOURSE. 2020, vol. 6, no. 3, pp. 92–106. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-3-94-108 (Russia).

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 14.04.2020; adopted after review 29.04.2020; published online 25.06.2020

Введение. Миграционные процессы в российской действительности имеют ярко выраженную направленность: основная миграционная нагрузка приходится на Москву, Московскую область и Санкт-Петербург, таким образом, данные регионы составляют тройку регионов с самыми высокими показателями миграционного оборота, также в них отмечается один из самых высоких показателей миграционного прироста населения в Российской Федерации. Время от времени на общественно-политической повестке возникает вопрос

об образовании мест компактного проживания мигрантов, например, подвергнется ли Санкт-Петербург анклавизации, т. е. появятся ли аналоги арабского квартала в Париже, чайна-тауна в Нью-Йорке и т. д. Интерес к компактному расселению мигрантов также заметен и в СМИ [1], так в 2019 г. в газете «Деловой Петербург» вышла статья [2], посвященная особенностям проживания приезжих в Санкт-Петербурге (несмотря на то, что в заголовке статьи упомянуты только иностранцы, в самой статье рассматриваются особенности проживания также и внутренних мигрантов). В статье приводятся комментарии экспертов, задействованных на рынке недвижимости, на основании которых воссоздается следующая этническая (национальная) карта Санкт-Петербурга:

- граждане КНР предпочитают селиться на Васильевском острове (общежитие СПбГУ, в котором проживали во время учебы, налаженная инфраструктура в виде китайских ресторанов, в том числе «только для своих»);

- приезжие корейцы в основном живут в Приморском районе, где расположен завод «Hyundai»;

- азербайджанцы предпочитают проживать в районе Софийской улицы и на Ржевке, рядом с рынками и плодоовощной базой, также активно азербайджанцы селятся на севере города в районе станций метро «Проспект Просвещения» и «Озерки»;

- ингуши и чеченцы предпочитают жить в Приморском районе и у станции метро «Академическая»;

- таджикские и узбекские семьи в основном снимают и покупают жилье на юге города, в Шушарах (наличие мигрантов из Средней Азии даже включено в список недостатков района для приобретения жилья [3]) и вблизи крупных автопарков и баз;

- выходцы из Молдавии и Украины селятся в Курортном и Гатчинском районах, они специализируются на ремонтных работах или составляют домашний персонал в состоятельных семьях;

- на Советских улицах проживает много киргизов, которые работают в основном дворниками.

В общем, мигранты предпочитают селиться вблизи крупныхстроек, рынков, в местах дешевого жилья (например, в расселенных и расселяемых домах). Все же стоит признать, что карта расселения в Санкт-Петербурге этнических групп до сих пор не создана. В целом, это интересный исследовательский проект, в том числе для понимания, есть ли в принципе феномен компактного проживания этнических групп. В данной статье мы предприняли попытку выявить особенности расселения молодежи из Республики Дагестан, проживающей в Санкт-Петербурге.

Методология и источники. Город как объект исследования в социальных науках все более актуален, его динамизм, непрерывная изменчивость, порождение новых форм взаимодействия привлекают все больше исследователей. Классическими исследованиями города в социальных науках являются исследования, проводившиеся представителями Чикагской школы социологии, которые картографировали городское пространство с точки зрения субъективного восприятия, т. е. городское пространство как «мое» (например, К. Линч [4] и его метод ментальных карт), а также построением объективной картины, т. е. город как пространство внешней среды [5, с. 74] (например, Р. Парк [6], Э. Берджесс [7] и др.; методы наблюдения, интервью,

сбора обширных статистических данных и т. д.). Предшественницей данных исследований явилась работа социального топографа Ч. Бута, который в 1889 г. составил «карту бедности» Лондона, используя следующие методы: наблюдение, в том числе включенное, интервью (биографическое, экспертное и групповое), сбор статистических данных и др. [8]. Метод социального картографирования по-прежнему не исчерпал своего эвристического потенциала, основная проблема – возможности и ограничения применяемого инструментария при картографировании городского пространства.

Одной из основных проблем изучения внутренней миграции является невозможность определения количества внутренних мигрантов, находящихся на той или иной территории в конкретный временной отрезок. Так, в соответствии с законом [9] регистрация гражданина по месту пребывания производится в срок, не превышающий 90 дней со дня прибытия гражданина в жилое помещение, однако невозможно подсчитать, сколько процентов всех прибывших внутренних мигрантов оформили свое пребывание в регионе официально. Распространены практика покупки фиктивной регистрации по месту пребывания и выезды за пределы региона раз в три месяца (с сохранением именных маршрутных квитанций – посадочных талонов, билетов и т. д. для предъявления в случае запроса сотрудникам правоохранительных органов). На 2015 г. по оценкам Постоянного Представительства Республики Дагестан в Санкт-Петербурге и Ленинградской области, в Северной столице постоянно проживало около 60 тыс. дагестанцев, не считая тех, которые работали в Петербурге, имея временную регистрацию или не имея таковой [10].

Опрос, проведенный нами в рамках данного исследования, показал следующее: о наличии постоянной регистрации в Санкт-Петербурге сообщили 34,7 % опрошенных, о наличии временной – 40,9 %, об отсутствии регистрации в целом – 23,4 % (при том что количество мигрантов, проживающих в Санкт-Петербурге меньше года, по данным нашего опроса – 7,3 %, соответственно возникает вопрос о легальности проживания как минимум 16 %), также 1 % опрошенных сообщили о наличии фиктивной регистрации. В связи со сложностью вопроса (не каждый признается в нарушении законодательства РФ) полученные нами данные носят примерный характер.

Также невозможно подсчитать количество мигрантов из Республики Дагестан в Санкт-Петербурге, опираясь на наименования народов, проживающих на территории Дагестана. По праву Дагестан заслужил звание самой многонациональной республики Российской Федерации (переписью 2010 г. зафиксированы представители 117 национальностей и этнических групп [11], из них автохтонных этносов насчитывается больше 30). В то же время коренными малочисленными народами Дагестана являются аварцы, агулы, азербайджанцы, даргинцы, кумыки, лакцы, лезгины, таты, табасаранцы, ногайцы, рутульцы, русские, цахуры, чеченцы-акинцы – всего 14 народов [12]. Соответственно, попытка вычленировать представителей народов Дагестана, проживающих в Санкт-Петербурге, через этнонимы также не увенчается успехом, поскольку, например, азербайджанцы – титульная нация Азербайджана, также на территории этого государства проживает немалая часть лезгинского народа и т. д.

Интересен опыт других исследователей в попытках подсчитать количество представителей этнических групп в городском пространстве. Так, О. И. Вендина воссоздает пространственную картину расселения этнических групп в Москве на основе адресной базы данных ЗАГСов (показатели умерших и родившихся), однако, как указывает сама О. И. Вендина,

данный подход имеет существенные ограничения (этническая структура умерших и родившихся, точнее, их родителей, не совсем идентична этнической структуре населения в целом), хотя и обладает несомненными достоинствами (случаи рождения и смерти регистрируются независимо от прописки, легального или нелегального проживания в городе) [13]. Однако в нашем случае мы исследуем высокоомобильные группы населения, поэтому наиболее продуктивным методом нами был признан анкетный опрос.

Итак, прежде чем мы перейдем к результатам проведенного исследования, заострим внимание на необходимых допущениях и оговорках в отношении объекта исследования – молодежи, переехавшей из Республики Дагестан в Санкт-Петербург (в том числе в выборке присутствует небольшая доля мигрантов второго поколения, т. е. людей, родившихся в Санкт-Петербурге, но в то же время имеющих сильную связь с Республикой Дагестан). Выбор объекта исследования требует дополнительного пояснения, поскольку на первый взгляд он кажется расплывчатым и вообще некорректным, так как мы изучаем совершенно разных людей, объединенных лишь тем, что они приехали в Санкт-Петербург из Республики Дагестан.

Несмотря на то, что мы полностью разделяем критику Р. Брубейкером группизма, т. е. тенденции рассматривать группы как базовые элементы социального мира и стремления в рамках конструктивистского подхода смотреть на группу как на однородное целое [14], и несмотря на то, что мы полностью признаем внутреннюю дифференциацию этнических групп, которая постоянно подтверждается и подчеркивается исследователями (богатый исследовательский материал представлен в работах Ю. Арутюняна [15], О. Бредниковой и О. Паченкова [16], В. Малахова [17], В. Дятлова и др. [18]), в данном исследовании мы все же руководствуемся конструктивистским подходом, накладывая теоретическую рамку группизма и делая упор на регионализме, т. е. нас интересует не этническая принадлежность индивидов как таковая, а региональная принадлежность, основанная на соотношении себя с Республикой Дагестан. Мы понимаем дагестанскую молодежь как «воображаемое сообщество» [19, с. 29], которое, несмотря на разнообразие этносов, объединено монокультурой и монопорядком сходных ценностных ориентаций, выраженных в совпадающих социальных, экономических, политико-правовых и религиозных практиках [20, с. 13].

На сегодняшний день в России отсутствует федеральный закон о молодежи, хотя в некоторых субъектах РФ такие законы приняты, также действуют отраслевые законы, касающиеся молодежи. В соответствии с проектом ФЗ «О молодежи и государственной молодежной политике в Российской Федерации» молодежью считаются люди в возрасте от 14 до 30 лет (ст. 1, п. 2). В некоторых случаях, определенных федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации, предельный возраст для молодых граждан Российской Федерации может быть установлен свыше 30 лет, но не более 35 лет (для участников программ решения отдельных социальных проблем работников – до 45 лет), имеющих постоянное место жительства в Российской Федерации или проживающих за рубежом (граждане Российской Федерации и соотечественники) (ст. 1, п. 3) [21]. В данном исследовании мы будем опираться на верхнюю границу для молодежи – 35 лет, а нижнюю – 16 лет (минимальный среднестатистический возраст поступления в вуз).

Анкетный опрос молодежи из Республики Дагестан, проживающей в Санкт-Петербурге, проходил с 20 апреля по 20 мая 2019 г. Выборка анкетного опроса не является репрезентативной в силу неопределенности параметров генеральной совокупности. Выборка для анкетного

опроса составила 303 человека¹; помимо мигрантов первого поколения, в выборку попали проживающие в Санкт-Петербурге с рождения, таким образом, выборка мигрантов первого поколения составила 280 человек, количество проживающих в Санкт-Петербурге с рождения равно 23. Выборка выстраивалась на основе простого случайного отбора, распространение анкеты происходило через некоммерческие организации, представляющие Республику Дагестан в Санкт-Петербурге – КПЦ «Дагестан» и СПБОО «Содружество Молодежи Дагестана», также были задействованы площадки в социальной сети «ВКонтакте»: анкета размещалась в группах, представляющих Республику Дагестан в Санкт-Петербурге. В данной статье мы рассмотрим результаты опроса по блоку «вселение», в который включены следующие данные: жилищные условия и способ поиска жилья, степень осуществления намерений в отношении жилищных условий в новых условиях жизни в Санкт-Петербурге, место проживания, дисперсность/компактность проживания (живут ли рядом земляки), толерантность/интолерантность, открытость/закрытость среды для мигрантов.

Результаты и обсуждение. На основе результатов анкетного опроса проживающей в Санкт-Петербурге дагестанской молодежи мы составили карту расселения (или, если воспользоваться термином Р. Парка, «естественных ареалов» [22, с. 11]), которая выглядит следующим образом (необходимо было указать ближайшую к месту проживания станцию метро; для наглядности на карте представлены только станции метро с показателями от 3 %) (рис. 1):

Карта расселения наглядно демонстрирует:

- наиболее заселены районы вокруг станций метро, находящихся в спальных районах или являющихся конечными;
- на севере города: «Парнас», «Проспект Просвещения», «Озерки» (Выборгский район, а также Всеволожский район Ленинградской области);
- на северо-востоке: «Девяткино», «Гражданский проспект», «Академическая» (Калининский, Красногвардейский, а также Всеволожский район Ленинградской области);
- на юго-востоке: «Улица Дыбенко», «Проспект Большевиков», «Ладожская» (Красногвардейский, Невский, а также Всеволожский район Ленинградской области);
- на юге: «Купчино», «Московская» (Московский, Пушкинский, Колпинский районы);
- на юго-западе: «Проспект Ветеранов», «Ленинский проспект», «Автово» (Кировский, Красносельский, Петродворцовый районы);
- на западе: «Приморская», «Василеостровская» (Василеостровский район);
- наименее заселены конечные станции Фрунзенско-Приморской линии (фиолетовой), также юг Невско-Василеостровской (зеленой), а также центр города.

Таким образом, выявлен периферийный тип расселения в активно застраиваемых окраинных районах, где создается избыток жилья (например, существует практика местных жителей покупать жилье в данных районах для того, чтобы предоставлять его в наем), тем самым здесь более низкие цены как из-за большого количества предложений по найму, так и из-за удаленности от центра, а также менее проработанные, чем в «старых» районах, инфраструктурная и транспортная составляющие. На рис. 2 представлены средние цены на аренду жилой недвижимости в зависимости от района Санкт-Петербурга или Ленинградской области, актуальные на февраль 2020 г. [23].

¹Всего в опросе приняли участие 303 респондента, но не все вопросы были обязательными, в связи с чем на некоторые вопросы отвечало меньшее количество человек, поэтому, если отдельно не прописано количество ответивших, значит, в данном случае представлены ответы 303 респондентов.

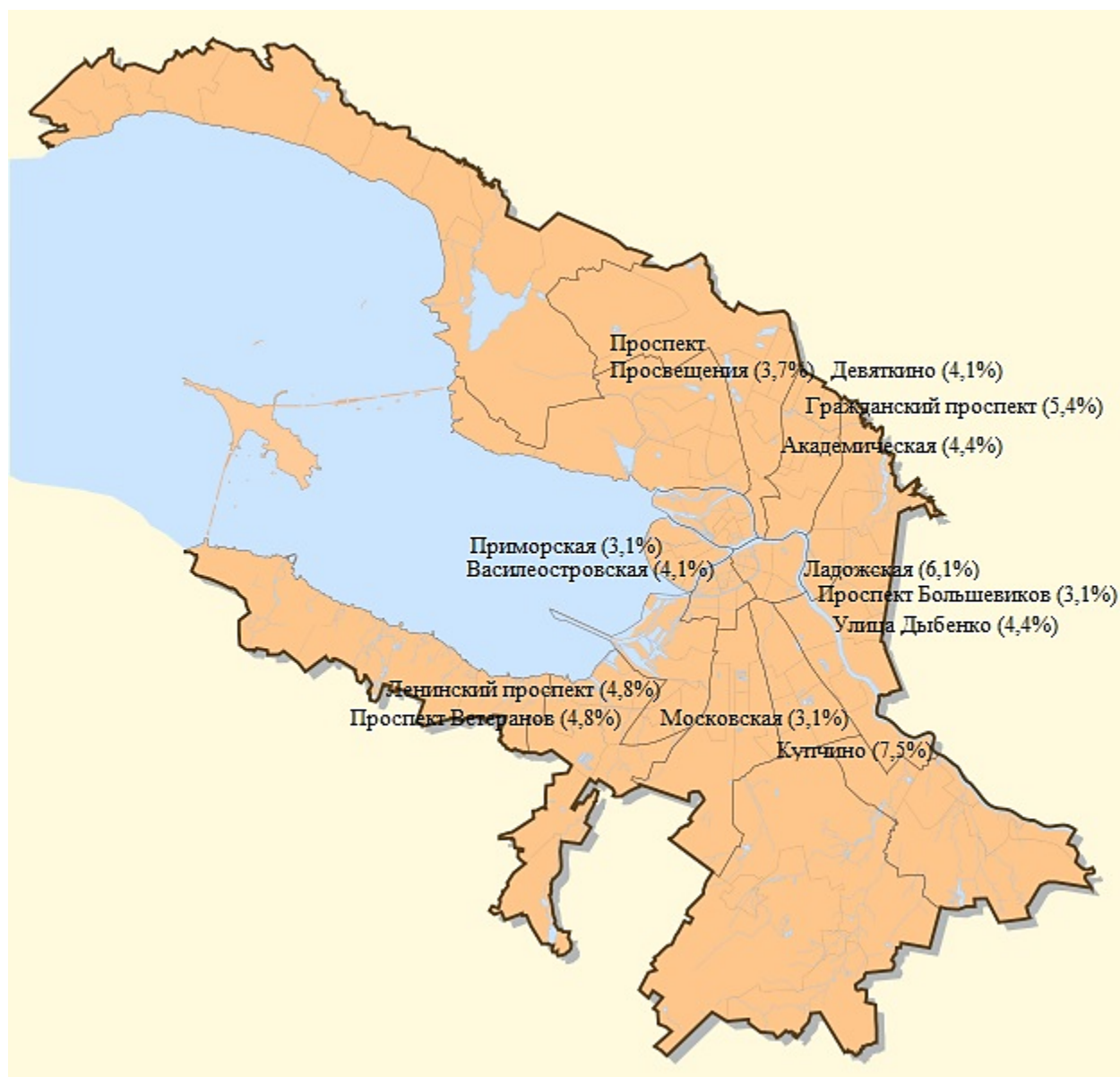

Рис. 1. Карта расселения дагестанской молодежи в Санкт-Петербурге
Fig. 1. The resettlement map of Dagestan youth in Saint Petersburg

В исследованиях других ученых также регистрируется, что выбор места проживания в основном обусловлен социально-экономическими факторами. Например, О. И. Вендина выявила, что в позднесоветское время география расселения этнических меньшинств в Москве была детерминирована социально-профессиональными различиями и уровнем образования [13, с. 54]. Так, исследователь приходит к выводу, что если сравнить карту стоимости жилья и карту расселения экономических мигрантов, то они дополняют друг друга, составляя единый пазл. Глядя на эту картину, можно предсказать сценарий развития города, почти неизбежный при сохранении сегодняшней городской политики в области миграции и рынка жилья [13, с. 63].

В то же время мы не можем однозначно утверждать, что молодежь из Дагестана выбирает жилье на окраинах только по экономическим мотивам. Не исключено присутствие неких символических мотивов, так, например, исследование О. Трущенко [24], проведенное

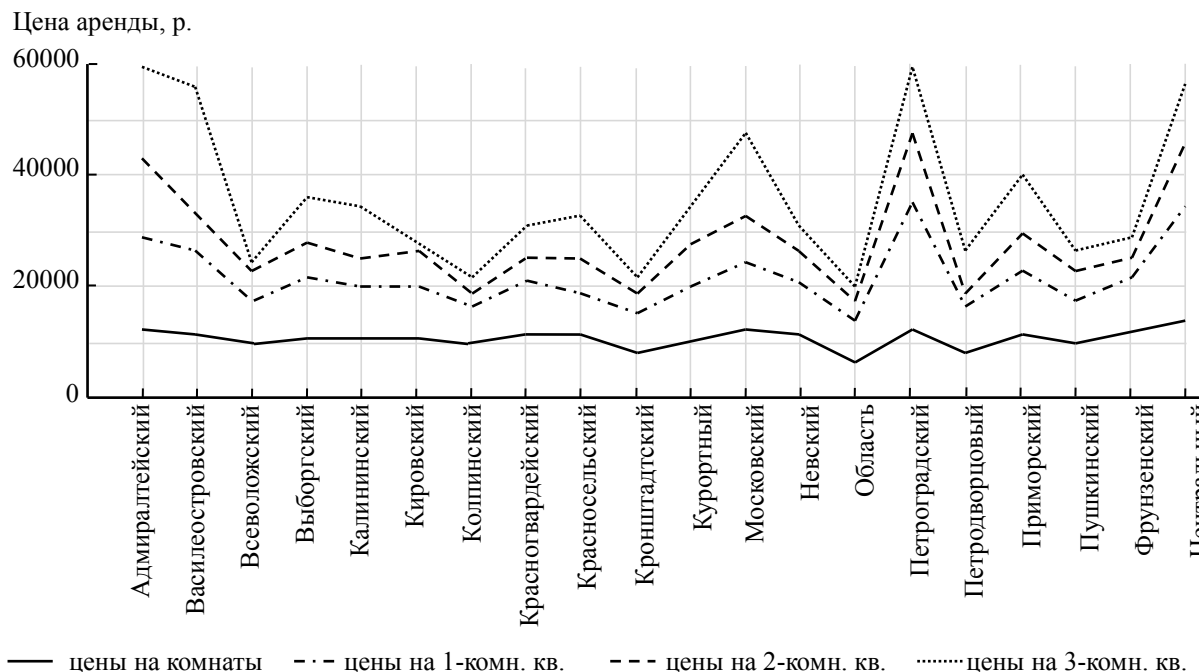

Рис. 2. Средние цены предложений на рынке аренды жилья по административным районам Санкт-Петербурга. Февраль 2020 г.
Fig. 2. The average prices of offers on the housing rental market in administrative districts of Saint Petersburg. February 2020

в Москве (в рамках социопространственного подхода), также отражает постулат П. Бурдьё, согласно которому физическое пространство есть метафора пространства социального, оно объективирует социальные различия [25], тем самым воплощая реальную власть во власть над пространством в том числе: престиж центра города обусловлен наличием в нем элитных групп, в то время как городские окраины – место проживания «опасных» категорий людей. Эта реальная или воображаемая опасность, учитывая теорему У. Томаса, реальная по своим последствиям, приводит к следующему: как ответ на вызовы миграции общество приема может принимать меры, направленные на осложнение путей обустройства и адаптации мигрантов, как, например, отказ в сдаче недвижимости.

Так, в исследовании азербайджанских торговцев в Петербурге О. Бредникова и О. Паченков рассматривают данный вопрос с позиции агентств недвижимости: снять квартиру или комнату мигранту с «кавказской» внешностью крайне трудно. По сведениям сотрудников агентств недвижимости, люди, обращающиеся в агентства за посредничеством в сдаче квартир, не хотят сдавать жилье «кавказцам»; в сфере торговли и аренды недвижимости существуют своеобразные формулировки, отражающие эту ситуацию: «не юг», «юг не предлагать» [16, с. 144]. В ходе нашего исследования при ответе на вопрос «Приходилось ли Вам в Санкт-Петербурге сталкиваться с предвзятым отношением к Вам из-за Вашей национальной/религиозной принадлежности?» по варианту ответа, касающемуся аренды недвижимости, мы зарегистрировали высокую степень закрытости среды – 73,3 % опрошенных сталкивались с предвзятым отношением из-за их национальной/религиозной принадлежности при попытках снять жилье. К сожалению, наш опрос не позволяет пролить свет на то, как часто мигрантам отказывали в сдаче в аренду недвижимости и есть ли зависимость от района города. В то же время о случаях предвзятого отношения из-за националь-

ной/религиозной принадлежности в общении с соседями сообщили в два раза меньше респондентов – 35,5 %. Наши данные опираются на мнения самих респондентов о том, что предвзятое отношение было именно на почве иной национальной/религиозной принадлежности, поэтому мы не можем с уверенностью сказать, окрашивается ли типичный бытовой конфликт в ксенофобские цвета или нет, но в целом данный показатель соотносится с общим уровнем изоляционистских настроений россиян в отношении приезжих с Кавказа.

Согласно аналитическим отчетам «Левада-Центра», который регулярно проводит мониторинг уровня ксенофобии среди россиян и частного ее проявления – мигрантофобии, с июля 2002 г. по июль 2018 г. количество противников трудовой миграции увеличилось с 45 % до 67 %, данный показатель никогда не падал ниже 52 %, начиная с 2004 г. Тем не менее с августа 2004 г. к июлю 2018 г. снизилось количество опрошенных, которые указали, что стоит ограничить проживание на территории России «выходцев с Кавказа», с 46 % до 23 % (пиковой отметки в 54 % данный показатель достиг в октябре 2013 г.) [26]. Таким образом, остается открытым вопрос: в центре города много коммунальных квартир, где стоимость аренды комнаты примерно такая же, как квартиры-студии на окраинах, почему же тогда дагестанская молодежь не селится в центре? Приезжим из Дагестана не сдают жилье в центре или они сами предпочитают жить в отдельной квартире, но на окраине? Итак, результаты опроса о жилищных условиях молодежи из Дагестана в Санкт-Петербурге показаны на рис. 3.

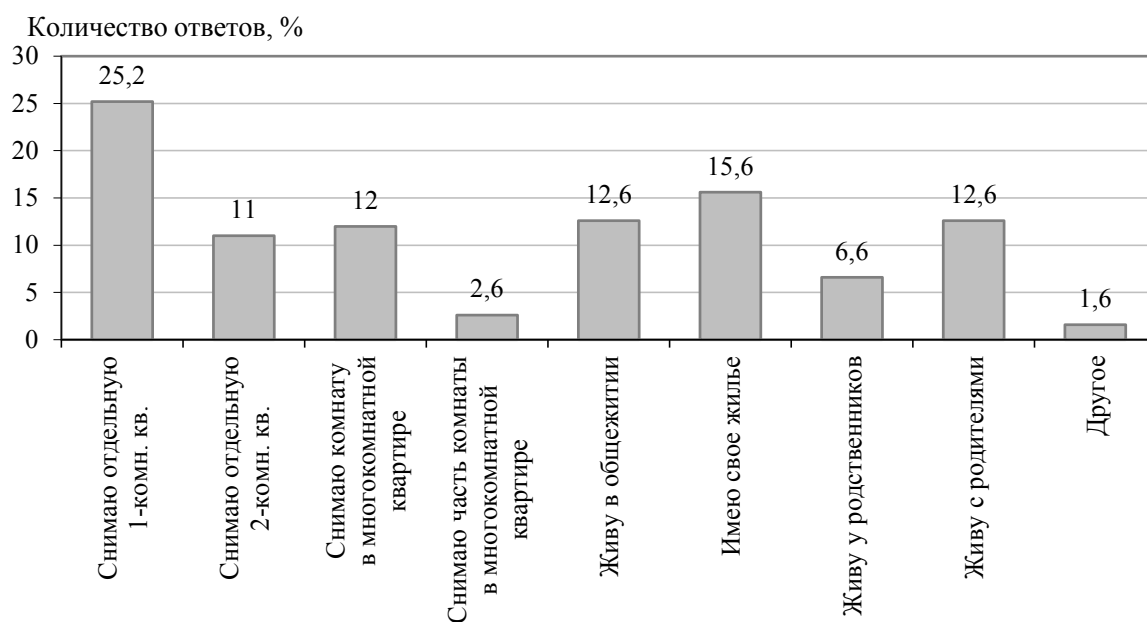

Рис. 3. Жилищные условия молодежи из Дагестана в Санкт-Петербурге
Fig. 3. The housing conditions of Dagestan youth in Saint Petersburg

Большинство опрошенных снимает отдельную однокомнатную квартиру – 25,2 %, вариант «снимаю часть комнаты» оказался наименее востребованным – 2,6 %. Исходя из ответов респондентов, попавших в графу «другое», формулировка ответа «Снимаю часть комнаты» оказалась неудачной, поскольку респонденты вписывали варианты: «Снимаю комнату/квартиру с одноклассником/другом», что, по сути, является арендой «части комнаты»; также, скорее всего, те, кто указал, что снимает отдельную квартиру, не уточняли, что снимают ее с кем-то (друзьями, родственниками и т. д.). Поэтому, исходя из неудачно-

сти формулировки, ответы на данный вопрос скорее выявляют тенденцию и требуют дальнейшей проработки. О наличии своего жилья сообщили 15,6 % опрошенных. Далее следуют примерно равные распределения по видам проживания: живу в общежитии – 12,6 %, живу с родителями – 12,6 %, снимаю комнату в многокомнатной квартире 12,0 %, снимаю отдельную двухкомнатную квартиру – 11,0 %. Таким образом, всего совокупно жилье снимает 50,8 % опрошенных.

Степень осуществления намерений в отношении жилищных условий в новых условиях жизни в Санкт-Петербурге для приезжих (280 респондентов выборки) отражена на рис. 4.

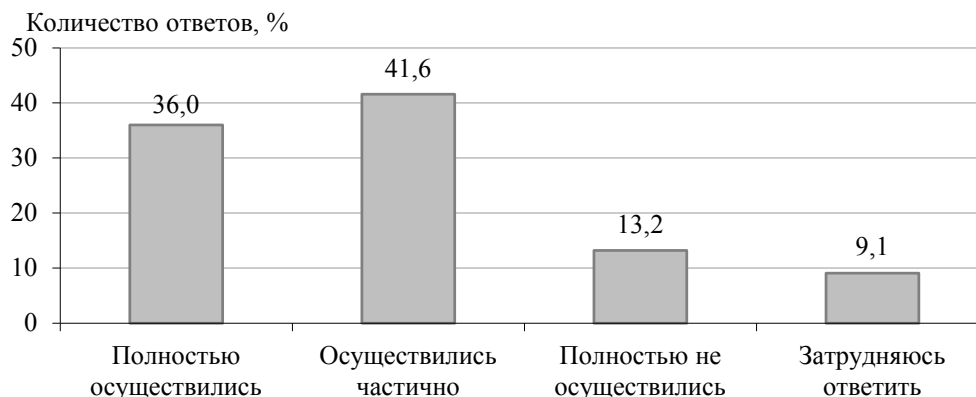

Рис. 4. Степень осуществления намерений в отношении жилищных условий в новых условиях жизни молодежи из Дагестана в Санкт-Петербурге

Fig. 4. The degree of execution of intentions in new life conditions of Dagestan youth in Saint Petersburg

Таким образом, чуть больше трети опрошенных полностью удовлетворены существующими жилищными условиями. Совокупно намерения в отношении жилищных условий не осуществились у 54,8 % опрошенных, что, скорее всего, означает, что они будут предпринимать попытки по улучшению жилищных условий. Способы поиска жилья в Санкт-Петербурге представлены на рис. 5 (ответы 289 респондентов).

Итак, самостоятельно жилье нашли 43,6 % опрошенных, к агентам по недвижимости обратились 18,9 %, социальными связями (советы родственников и друзей) в поиске воспользовались 17,0 % опрошенных, также 15,1 % проживают в жилье, предоставленном учебным заведением, работодателем и т. д. В условиях «закрытости» среды мигранты вынуждены обращаться к более эффективным механизмам первичных групп и искать жилье через социальные сети (и реальных людей, и Интернет). Так, в Санкт-Петербурге существует крупная группа в социальной сети «ВКонтакте», ориентированная на дагестанцев, проживающих в Санкт-Петербурге, на данный момент в группе состоит более 20 тыс. подписчиков (на момент исследования их было около 16 тыс., т. е. группа динамично развивается). Группа работает как доска объявлений, поэтому мы провели статистический анализ и выяснили, что всего в группе за период с 01.05.2018 по 01.05.2019 опубликовано 3467 объявлений (в это число не включены повторные объявления о найме жилья), из них объявлений касательно найма жилья 553 (15,95 %), из них объявлений касательно предложений по найму (в том числе поиск людей на подселение) 371 (10,70 %), таким образом, популярен способ сдачи жилья «от своих своим».

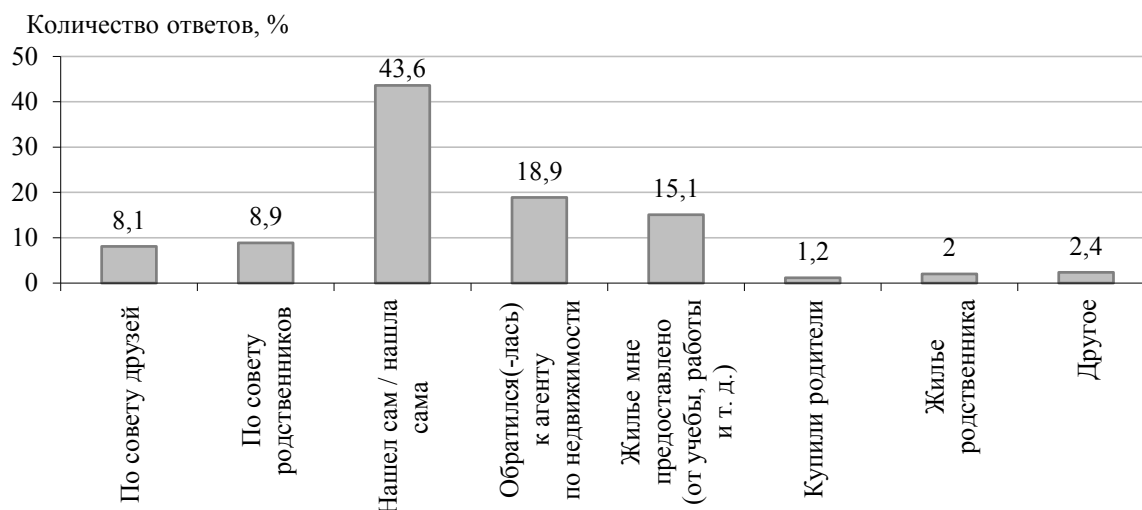

Рис. 5. Способы поиска жилья в Санкт-Петербурге
Fig. 5. Ways to search for housing in Saint Petersburg

Что касается вопроса компактного проживания мигрантов на территории Санкт-Петербурга, мы зарегистрировали тенденцию компактности расселения молодежи из Дагестана в городе в том числе в зависимости от места исхода. Так, результаты распределения ответов респондентов на вопрос «Проживают ли другие дагестанцы в Вашем или соседних домах, кроме проживающих с Вами людей?» приведены на рис. 6.

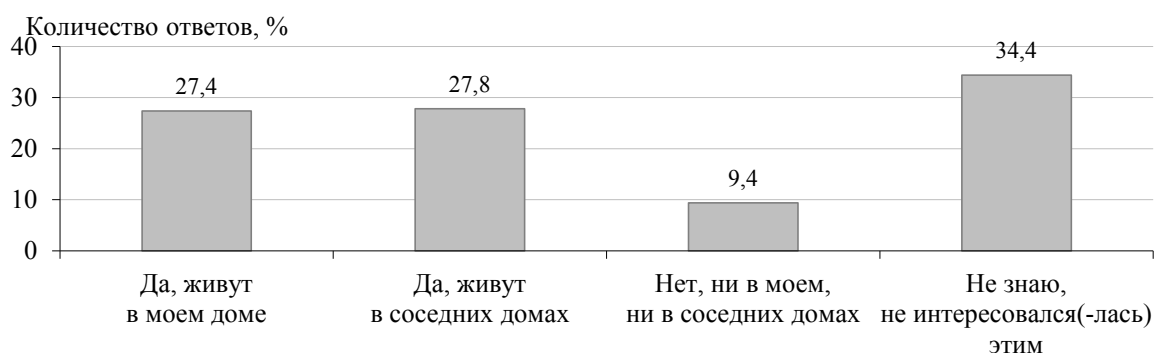

Рис. 6. Компактность/дисперсность проживания молодежи из Дагестана в Санкт-Петербурге
Fig. 6. The compactness / dispersion of residence of Dagestan youth in Saint Petersburg

Совокупно 55,2 % опрошенных отметили, что по соседству с ними проживают другие дагестанцы, что говорит о некой компактности проживания. Также выявлена некая зависимость компактности проживания в городе от места исхода, по совокупным показателям («Да, живут в моем доме» и «Да, живут в соседних домах») лидируют следующие регионы исхода в порядке убывания по количеству выбравших данные варианты: Махачкала (10,5 %), Хасавюрт (4,6 %), Дербент (3,9 %), Буйнакск (2,3 %), Избербаш (2,3 %), Каспийск (~2 %), Сулейман-Стальский район (~2 %), Хунзахский район (1,65 %).

В целом, мы разделяем вывод О. И. Вендиной [13], что расселение этнических меньшинств (для исследования О. И. Вендиной это Москва, но, в общем, мы считаем, что этот вывод можно экстраполировать и на другие крупные города России) детерминировано экономически, однако нами был выявлен также и фактор компактности проживания, в том числе в зависимости от места исхода.

Закключение. Применение метода социального картографирования эффективно при исследовании городского пространства, имеет высокий эвристический потенциал. Несмотря на устоявшееся мнение экспертов [27], что локальное проживание мигрантов нежелательно и даже опасно, поскольку увеличивается нагрузка на социальную сферу, изменяется инфраструктура района, приобретая черты, не свойственные проживающему большинству, растет число конфликтов и т. д., тем не менее данный процесс никак не контролируется государством: приезжие снимают квартиры или покупают жилье в районах с наиболее низкими ценами, таким образом, локализация проживания мигрантов является закономерным процессом и происходит сама собой. Конечно, для более точных результатов и подтверждения (корректировки) наших выводов необходимы более масштабные исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гордякова М. В каких районах Петербурга селятся мигранты // Online812. 22 ноября 2012 г. URL: <http://www.online812.ru/2012/11/22/001/> (дата обращения: 12.11.2019).
2. Никифоров П. Особенности национальной локации. Можно ли считать зоны компактного проживания иностранцев в Петербурге анклавами // Деловой Петербург. 21 октября 2019 г. URL: https://www.dp.ru/a/2019/10/20/Osobennosti_nacionalnoj (дата обращения: 12.11.2019).
3. Шушары: мигранты из Средней Азии, плохая экология, но привлекательные цены – стоит ли игра свеч? // Новострой-СПб. 04 января 2020 г. URL: https://www.novostroy-spb.ru/analitika/shushary_migranty_iz_sredny (дата обращения: 02.02.2020).
4. Линч К. Образ города / пер. с англ. В. Л. Глазычева. М.: Стройиздат, 1982.
5. Семенова В. Картирование городского пространства: основные подходы к визуальному анализу // Визуальная антропология: городские карты памяти / под ред. П. В. Романова, Е. Р. Ярской-Смирновой. М.: Вариант, 2009. С. 67–82.
6. Парк Р. Город: Предложения по исследованию человеческого поведения в городской среде // Избранные очерки: сб. переводов / отв. ред. Д. В. Ефременко; сост. и пер. с англ. В. Г. Николаева. М.: РАН ИНИОН. 2011. С. 9–56.
7. Берджесс Э. Рост города: введение в исследовательский проект // Личность. Культура. Общество. 2002. Т. 4, вып. 1–2 (11–12). С. 168–181.
8. Charles Booth's London. Poverty maps of London // London School of Economics & Political Science. 2016. URL: <https://booth.lse.ac.uk/> (дата обращения: 29.01.2020).
9. Закон РФ от 25.06.1993 № 5242-1 «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2255/ (дата обращения: 29.01.2019).
10. Джигерова Н. Горцы в большом городе // Санкт-Петербургские ведомости. 15 апреля 2015 г. URL: https://spbvedomosti.ru/news/obshchestvo/gortsy_v_nbsp_bolshom_gorode/ (дата обращения: 12.01.2019).
11. О некоторых итогах Всероссийской переписи населения 2010 года в Республике Дагестан // С. В. Ильяшенко, А. Ш. Эфендиева, Т. М. Туриева и др. Статистический сб. Махачкала: Дагестанстат РД, 2012.
12. Постановление Государственного Совета Республики Дагестан от 18.10.2000 № 191 «О коренных малочисленных народах Республики Дагестан». URL: <http://base.garant.ru/26500150/> (дата обращения: 27.02.2020).
13. Вендина О. И. Могут ли в Москве возникнуть этнические кварталы? // Вестн. общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2004. № 3 (71). С. 52–64.
14. Брубейкер Р. Этничность без групп / пер. с англ. И. Борисовой. М.: Изд. дом ВШЭ, 2012.

15. Арутюнян Ю. В. О потенциале межэтнической интеграции в московском мегаполисе // Социол. исслед. 2005. № 1. С. 27–40.
16. Бредникова О., Паченков О. Азербайджанские торговцы в Петербурге: между «воображаемыми сообществами» и «первичными группами» // Диаспоры. 2001. № 1. С. 131–147.
17. Малахов В. Этничность в большом городе // Неприкосновенный запас. 2007. № 1 (51). С. 185–196.
18. Трансграничные миграции и принимающее общество: механизмы и практики взаимной адаптации / науч. ред. проф. В. И. Дятлов. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009.
19. Андерсон Б. Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В. Г. Николаева. М.: Канон-пресс-Ц, Кучково поле. 2001.
20. Тхакахов В. Х. Социальные и этнокультурные процессы на Северном Кавказе: вопросы методологии. СПб.: СПбГУ, 2002.
21. Проект «Федеральный закон «О молодежи и государственной молодежной политике в Российской Федерации». URL: http://youthrussia.ru/wp-content/uploads/2018/02/proect_fz_molodej.pdf (дата обращения: 12.06.2018).
22. Парк Р. Городское сообщество как пространственная конфигурация и моральный порядок // Социол. обозрение. 2006. Т. 5, № 1. С. 11–18.
23. Цены по районам // Квартирный вопрос. Городская справочная по недвижимости. 2020. URL: <http://tsn.spb.ru/analytics/?type1=rent&type=price> (дата обращения: 25.03.2020).
24. Трущенко О. Е. Престиж Центра: Городская социальная сегрегация в Москве. М.: Socio-Logos, 1995.
25. Бурдые П. Физическое и социальное пространства: проникновение и присвоение // Социология политики / пер. с фр. Н. А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1993. С. 35–52.
26. Пипия К. Мониторинг ксенофобских настроений // Левада-Центр. 2018. URL: www.levada.ru/2018/08/27/monitoring-ksenofobskih-nastroenij/ (дата обращения: 25.09.2019).
27. Комплексная оценка влияния трудовой миграции на социально-экономическое развитие принимающей территории в вопросах формирования региональной миграционной политики / Е. Б. Бедрина, М. Н. Вандышев, Е. А. Илинбаева и др. Екатеринбург: Ин-т экономики УрО РАН, 2015.

Информация об авторе.

Шекера Екатерина Александровна – соискатель ученой степени кандидата социологических наук Санкт-Петербургского государственного университета, ул. Смольного, д. 1/3, 9-й подъезд, 191124, Санкт-Петербург, Россия. Автор 6 научных публикаций. Сфера научных интересов: социальная адаптация мигрантов, внутренняя миграция, Республика Дагестан, социология города. E-mail: shekerak@gmail.com

REFERENCES

1. Gordyakova, M. (2012), *V kakih rayonah Peterburga selyatsya migranty* [In which areas of St. Petersburg migrants live], *Online812*, available at: <http://www.online812.ru/2012/11/22/001/> (accessed 12.11.2019).
2. Nikiforov, P. (2019), *Osobennosti natsional'noi lokatsii. Mozhno li schitat' zony kompaktnogo prozhivaniya inostrantsev v Peterburge anklavami* [Features of the national location. Is it possible to consider areas of compact residence of foreigners in St. Petersburg enclaves], *Delovoy Peterburg*, available at: https://www.dp.ru/a/2019/10/20/Osobennosti_nacionalnoj (accessed 12.11.2019).
3. Novostroy-SPb, (2020), *Shushary: migranty iz Srednei Azii, plokhaya ekologiya, no privlekatel'nye tseny – stoit li igra svech?* [Shushary: migrants from Central Asia, poor ecology, but attractive prices – is the game worth the candle?], available at: https://www.novostroy-spb.ru/analitika/shushary_migranty_iz_sredny (accessed 02.02.2020).
4. Lynch, K. (1982), *The image of the city*, Transl. by Glazychev, V.L., Stroyizdat, Moscow, USSR.

5. Semenova, V. (2009), "Mapping of urban space: basic approaches to visual analysis", *Vizual'naya antropologiya: gorodskie karty pamyati* [Visual anthropology: urban memory cards], in Romanov, P. V. and Yarskaya-Smirnova, E.R., Variant, Moscow, RUS, pp. 67–82.
6. Park, R. (2011), "The City: Suggestions for the Investigation of Human Behavior in the City Environment", *Izbrannye ocherki: sbornik perevodov* [Featured Essays: Translation Book], in Efremenko, D.V. (ed.), Transl. by Nikolaev, V.G., RAN INION, Moscow, RUS, pp. 9–56.
7. Burgess, E. (2002), "The Growth of the City: An Introduction to a Research Project", *Person. Culture. Society*, vol. 4, no. 1–2 (11–12), pp. 168–181.
8. Charles Booth's London (2016), *Poverty maps of London*, London School of Economics & Political Science, available at: <https://booth.lse.ac.uk/> (accessed 29.01.2020).
9. Закон РФ от 25.06.1993 № 5242-1 "О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации" ["On the Right of Citizens of the Russian Federation to Freedom of Movement, Choice of a Place of Residence and Residence within the Russian Federation"], available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2255/ (accessed 29.01.2019).
10. Dzhigerova, N. (2015), "Highlanders in the big city", *Sankt-Peterburgskie vedomosti*, available at: https://spbvedomosti.ru/news/obshchestvo/gortsy_v_nbsp_bolshom_gorode/ (accessed 12.01.2019).
11. Il'yashenko, S.V., Efendieva, A.Sh., Turieva, T.M. and etc. (2012), *O nekotorykh itogakh Vserossiiskoi perepisi naseleniya 2010 goda v Respublike Dagestan* [On some results of the 2010 All-Russian Population Census in the Republic of Dagestan], Dagestanstat RD, Makhachkala, RUS.
12. *Postanovlenie Gosudarstvennogo Soveta Respubliki Dagestan ot 18.10.2000 № 191 "O korennykh malochislennykh narodakh Respubliki Dagestan"* [Resolution of the State Council of the Republic of Dagestan dated October 18, 2000 No. 191 "On Indigenous Minorities of the Republic of Dagestan"] (2000), available at: <http://base.garant.ru/26500150/> (accessed 27.02.2020).
13. Vendina, O.I. (2004), "Are Ethnic Neighborhoods Possible in Moscow?", *The Russian Public Opinion Herald. Data. Analysis. Discussions*, no. 3 (71), pp. 52–64.
14. Brubaker, R. (2012), *Ethnicity without groups*, Transl. by Borisova, I., Higher School of Economics Publishing House, Moscow, RUS.
15. Arutunyan, Y.V. (2005), "On the potential of interethnic integration in the Moscow metropolis", *Sociological Studies*, no. 1, pp. 27–40.
16. Brednikova, O. and Pachenkov, O. (2001), "Azerbaijani Merchants in Petersburg: Between "Imagined Communities" and "Primary Groups", *Diaspora*, no. 1, pp. 131–147.
17. Malakhov, V. (2007), "Ethnicity in the big city", *Neprikosnovennyi zapas* [Emergency ration], no. 1 (51), pp. 185–196.
18. Dyatlov, V.I. (ed.) (2009), *Transgranichnye migratsii i primayushchee obshchestvo: mekhanizmy i praktiki vzaimnoi adaptatsii* [Cross-border migration and host society: mechanisms and practices for mutual adaptation], Ural Institute Publishing House, Ekaterinburg, RUS.
19. Anderson, B. (2001), *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*, Transl. by Nikolaev, V.G., Canon-press-C, Moscow, RUS.
20. Thakahov, V.Kh. (2002), *Sotsial'nye i etnokul'turnye protsessy na Severnom Kavkaze: voprosy metodologii* [Social and Ethnocultural Processes in the North Caucasus: Methodological Issues], SPbU, SPb., RUS.
21. *Proekt "Federal'nyi zakon "O molodezhi i gosudarstvennoi molodezhnoi politike v Rossiiskoi Federatsii"* [Draft "Federal Law "On Youth and State Youth Policy in the Russian Federation"] (2018), available at: http://youthrussia.ru/wp-content/uploads/2018/02/proekt_fz_molodej.pdf (accessed 12.06.2018).
22. Park, R. (2006), "The Urban Community as a Spatial Pattern and a Moral Order", *Sociological Review*, vol. 5, no. 1, pp. 11–18.

23. Prices by districts (2020), *Kvartirnyi vopros. Gorodskaya spravoch'naya po nedvizhimosti* [Housing issue. City real estate reference], available at: <http://tsn.spb.ru/analytics/?type1=rent&type=price> (accessed 25.03.2020).

24. Trushchenko, O.E. (1995), *Prestizh Tsentra: Gorodskaya sotsial'naya segregatsiya v Moskve* [Prestige Center: Urban social segregation in Moscow], Socio-Logos, Moscow, RUS.

25. Bourdieu, P. (1993), "Physical and Social space: intromission and appropriation", *Sociology of politics*, Transl. by Shmatko, N.A., Socio-Logos, Moscow, RUS, pp. 35–52.

26. Pipiya K. (2018), Monitoring ksenofobskikh nastroyenii [Monitoring xenophobic moods], Levada-Center, available at: www.levada.ru/2018/08/27/monitoring-ksenofobskikh-nastroenij/ (accessed 25.09.2019).

27. Bedrina, E.B., Vandyshev, M.N., Ilinbaeva, E.A. and etc. (2015), *Kompleksnaya otsenka vliyaniya trudovoi migratsii na sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie primayushchei territorii v voprosakh formirovaniya regional'noi migratsionnoi politiki* [Comprehensive assessment of the impact of labor migration on the socio-economic development of the host territory in the formation of a regional migration policy], Institute of Economics UrO RAN, Ekaterinburg, RUS.

Information about the author.

Ekaterina A. Shekera – applicant for the degree of Can. Sci. (Sociology), Saint Petersburg State University, 1/3 Smolnyi str., St Petersburg 191124, Russia. The author of 6 scientific publications. Area of expertise: social adaptation of migrants, internal migration, Republic of Dagestan, urban sociology. E-mail: shekerak@gmail.com

УДК 81'37

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2020-6-3-109-117>

Оригинальная статья / Original paper

Linguistic Data Model for Natural Languages and Artificial Intelligence. Part 5. Introduction to Logic

Oleg M. Polyakov✉

Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, St Petersburg, Russia

✉road.dust.spb@gmail.com

Introduction. The article continues the series of publications on the linguistics of relations (hereinafter R-linguistics) and is devoted to an introduction to the logic of natural language in relation to the approach considered in the series. The problem of natural language logic still remains relevant, since this logic differs significantly from traditional mathematical logic. Moreover, with the appearance of artificial intelligence systems, the importance of this problem only increases. The article analyzes logical problems that prevent the application of classical logic methods to natural languages. This is possible because R-linguistics forms the semantics of a language in the form of world model structures in which language sentences are interpreted.

Methodology and sources. The results obtained in the previous parts of the series are used as research tools. To develop the necessary mathematical representations in the field of logic and semantics, the formulated concept of the interpretation operator is used.

Results and discussion. The problems that arise when studying the logic of natural language in the framework of R-linguistics are analyzed. These issues are discussed in three aspects: the logical aspect itself; the linguistic aspect; the aspect of correlation with reality. A very General approach to language semantics is considered and semantic axioms of the language are formulated. The problems of the language and its logic related to the most General view of semantics are shown.

Conclusion. It is shown that the application of mathematical logic, regardless of its type, to the study of natural language logic faces significant problems. This is a consequence of the inconsistency of existing approaches with the world model. But it is the coherence with the world model that allows us to build a new logical approach. Matching with the model means a semantic approach to logic. Even the most General view of semantics allows to formulate important results about the properties of languages that lack meaning. The simplest examples of semantic interpretation of traditional logic demonstrate its semantic problems (primarily related to negation).

Key words: R-linguistics, ascription operation, interpretation operator, semantics.

For citation: Polyakov O. M. Linguistic Data Model for Natural Languages and Artificial Intelligence. Part 5. Introduction to Logic. DISCOURSE. 2020, vol. 6, no. 3, pp. 107–115. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-3-109-117

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 30.01.2020; adopted after review 27.02.2020; published online 25.06.2020

© Polyakov O. M., 2020

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Лингвистическая модель данных для естественных языков и искусственного интеллекта. Часть 5. Введение в логику

О. М. Поляков✉

Санкт-Петербургский государственный университет
аэрокосмического приборостроения, Санкт-Петербург, Россия

✉road.dust.spb@gmail.com

Введение. Статья продолжает серию публикаций по лингвистике отношений (далее R-лингвистика) и посвящена введению в логику естественного языка применительно к рассматриваемому в рамках серии подходу. Проблема логики естественного языка до настоящего времени сохраняет свою актуальность, поскольку эта логика существенно отличается от традиционной математической логики. Более того, с появлением систем искусственного интеллекта важность этой проблемы только возрастает. В статье анализируются логические проблемы, препятствующие применению методов классической логики к естественным языкам. Это оказывается возможным, поскольку R-лингвистика формирует семантику языка в виде структур модели мира, в которые интерпретируются предложения языка.

Методология и источники. В качестве инструментов исследования используются результаты, полученные в предыдущих частях серии. Для разработки необходимых математических представлений в области логики и семантики использовано сформулированное понятие оператора интерпретации.

Результаты и обсуждение. Проанализированы проблемы, которые возникают при изучении логики естественного языка в рамках R-лингвистики. Эти проблемы обсуждаются в трех аспектах: логическом; языковом; аспекте соотнесения с действительностью.

Рассмотрен весьма общий подход к семантике языка и сформулированы семантические аксиомы языка. Показаны проблемы языка и его логики, связанные с самым общим взглядом на семантику.

Заключение. Показано, что применение математической логики вне зависимости от ее разновидности к изучению логики естественного языка сталкивается с существенными проблемами. Это является следствием несогласованности существующих подходов с моделью мира. Но именно согласование с моделью мира позволяет выстраивать новый логический подход. Согласование с моделью означает семантический подход к логике. Уже самый общий взгляд на семантику позволяет сформулировать важные результаты о свойствах языков, в которых отсутствует смысл. Самые простые примеры семантической интерпретации традиционной логики демонстрируют ее семантические проблемы (прежде всего связанные с отрицанием).

Ключевые слова: R-лингвистика, операция приписывания, оператор интерпретации, семантика.

Для цитирования: Поляков О. М. Лингвистическая модель данных для естественных языков и искусственного интеллекта. Часть 5. Введение в логику // ДИСКУРС. 2020. Т. 6, № 3. С. 107–115. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-3-109-117

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной статьей, не сообщалось.

Поступила 30.01.2020; принята после рецензирования 27.02.2020; опубликована онлайн 25.06.2020

Introduction. This article continues a series of publications devoted to the introduction to the linguistics of relations – R-linguistics) – a formal direction in linguistics. Here we will talk

about the logic that follows from the previously published material, and if what was stated in the series is close to the truth, then the logical constructions given here are related to the foundations of natural language logic. Of course, these constructions are not a full-fledged logical theory, but rather they are about preparing a springboard for other logical solutions.

The logic of natural language can be viewed from several angles. The first view is from the side of mathematical logic itself. The second view is the view from the side of the language. Finally, this problem can be viewed from the perspective of the surrounding reality.

From the point of view of the first glance in the logic of predicate calculus (first or second order), some initial data specified in the form of predicates are subjected to various manipulations in the form of application of logical operations and operations of binding by quantifiers (variables, functions or predicates). For example, for the propositional algebra, we use the AND, OR, NOT actions for transition from one statement to another. The transition to calculus involves specifying a certain system of axioms and inference rules. The system of axioms in this case describes the properties of the Boolean lattice, and the only derivation rule *modus ponens* (the *sylogism* rule) allows you to determine which manipulation results satisfy the axioms of the Boolean lattice. Yes, it all has to do with a particular lattice, but what does that have to do with language?

From a purely technical point of view, in the previous parts we saw how a logical approach to language faces significant problems. We are talking about changing universes, about the changing arity of predicates [1], etc. Say, the binary predicate “girl beats the boy” in the language easily turns into ternary (“girl beats the boy with a stick”) or even 5-arity (“on the street the girl beats the boy with a stick on the head”). How should these transformations be treated in terms of traditional logic?

In this series, the reader's attention has been drawn more than once to the importance of the predictive nature of the model, which is our main evolutionary advantage. From the point of view of this advantage, it would be extremely important for a human to use a logic tool to enhance this advantage, and not just to increase the informational expressiveness of the language. If logic allowed new predictions to be obtained from some initial predictions by various manipulations, this would significantly increase the survival rate of the species. For example, the prediction of global warming is derived from many different simpler predictions of various parameters that affect the planet's climate. It is clear that the prediction of global warming and its parameters is extremely important for our survival, and representatives of the animal world do not have this advantage. Unfortunately, logic alone does not increase our predictive capabilities, since, as we have seen, a predictive function in a language is inside sentences (predicates), and logic operates on sentences as if from outside. Nevertheless, we successfully generalize simple predictions into more general ones. Can this process really be described by existing means of logic?

From the second point of view, the language uses categories and variables connected by verbs. The language reflects the work of a linguistic model that uses “pieces” of relationships (predicates), since, for example, two categories connected by a verb describe only some part of the relationship. These “pieces” always look like complete relations on some “small” universe, since they are Cartesian products of two or three categories. For unary verbs, categories or variables are related to the trajectories of changing tuples of parameter values or to the parameter

or feature values themselves. For example, the phrase “girl spinning” means that a certain tuple of parameters, recognized as “girl”, has periodic fluctuations (cyclic trajectory) within a certain type. All this is very different from what we have in traditional logic.

From the point of view of the third view, we will indicate three aspects. The first aspect is what I will very conventionally call “the soul”. The linguistic model makes predictions, but it does not say what decisions should be made in a particular case.

The soul contains within itself the grounds on which a certain consciousness, which has a model, makes choices. When we know a person well, predicting his possible choices, we just use knowledge about his soul, that is, about his system of values, emotional characteristics of the person, etc. In linguistics, we find attempts to study this factor of language formation in the theory of speech acts, pragmatics, and psycholinguistics. However, in linguistics, this factor is still significantly simplified: it is one thing to understand how decisions are made, and another—how the result of this choice is reflected in the language in the form of requests, orders, etc. For example, the theory of speech acts studies only echoes of something more significant.

So, two people who have exactly the same model of the world will exhibit different behaviors and generate different texts about the same situation. Does the soul factor affect the logical component of these texts? If you believe the famous article by D. V. Beklemishev about women's logic [2], then yes, since the principles of modeling the world are the same for women and men, and, consequently, the differences in the logic of behavior are most likely related to the soul factor.

The second aspect can be called a state problem. The phrase “I want to plant fruit trees on the site” has a different content for a resident of the South and North-West of Russia. When someone in the North-West utters this phrase, he definitely does not mean cherries, apricots, etc., but these plants are part of the concept of “fruit trees” for a resident of the Krasnodar territory. Consider the phrase “schoolchildren came on a tour of the Hermitage”. It is clear that not all schoolchildren of the world came to the tour. In addition, there may be several different school excursions in the Hermitage at the same time, which need to be distinguished somehow. From the point of view of classical logic under the same name there are many different(!) previously unknown predicates. Which of these predicates corresponds to the relation associated, for example, with the phrase, “schoolchildren came on a tour of the Hermitage”? What is the reliability of any logical constructions in these conditions?

From the point of view of the third aspect, we must ask the traditional linguistics question about the nature of truth in language. This issue excited a stunning collection of outstanding minds, but the problem has not solved yet.

So, there is an unstructured set of statements (sentences of the language), and we are trying to introduce some structure into it from the outside. For example, we choose the structure of Boolean algebra from two elements “true” and “false”. Now all we have to do is to display the statements in a set of two elements, or, in other words, mark the statements with these two symbols. Instead of statements, we could use shells, ants, or something else. Why do we do this with statements? In what sense does this structure correspond to the nature of statements? This is one part of the question and, as noted, there is no answer to it in the classical approach to natural language logic. By the classical approach, I understand the idea of imposing an external order on language constructs, depending on the tastes of the researcher: someone is a proponent of a Boolean lattice, and someone likes residual lattices and MV-algebras (fuzzy logic) more.

The materials of the series show that the language reflects (encodes) the model of the human world, while the model of the world already reflects the external world. Animals have a model of the world and are able to act adequately, but they do not speak the language. Does this mean that their behavior is out of logic? The question of truth is a question about the adequacy of the model, not about the properties of language sentences.

In [3], an analogy with exporting/importing spreadsheets was used to explain the place of the language. Roughly speaking, a “properly” organized export of a spreadsheet allows you to convert it into a sequence of signals in a communication line (in a language sentence) so that the original table can be exactly restored on the receiving side. The question of how well the spreadsheet reflects some aspect of the real world has nothing to do with export/import. Language does not correspond directly with the world: it corresponds with the model. What does this mean? This means that language structure reflects the structure of the model. But the model itself is a structure – it is interconnected nested linguistic spaces. It follows that we don't need to impose any logical structures on the proposals: we just need to fit into the model structures.

But what does “to fit into the model structures” mean? This means that the language sentence must be interpreted (displayed) in the model. Nouns should be related to the categories of the model. Variables must get a definition scope or value. Adjectives must relate to signs (and not only). Verbs must relate to transitions from one category and variable to another one, or to the trajectories of data tuples. Adverbs (in particular) must correct the work of trajectory generators corresponding to verbs, etc. This process for each person depends on his model, desires, emotional state, etc., and only depending on the result of the interpretation, he will tell whether it is possible to believe what he was told. The statement “all devils are green” has different truth values for different people. An atheist logician will say that this statement is true, because there are no devils, and anything follows from a lie. A believer will only argue about color, and someone will simply say that this statement does not make sense. It may be objected that this is not a scientific fact, that is, not verifiable. But the fact of UFO sightings was verified hundreds of thousands of times, but this did not become scientific. In addition, we learn the language, that is, what we can talk about (for which there is a model). In this sense, green devils are no worse than multicolored quarks.

The problems described in this section force us to do at least three things.

1. To refuse to assign truth values to sentences in any way. This in turn leads to the fact that we are forced to abandon traditional operations AND, OR, NOT. In the algebraic case, they are lost because they cannot be defined through truth tables, and in the case of calculus, they cannot be defined through axioms that bind them to a Boolean (or other) lattice.

2. Since the language is full of logical operations, you must also analyze the use of logical operations in the language to understand their functions.

3. Finally, the refusal to markup language sentences forces us to move this question to another level: the level of equivalence of phrases or the derivation of some phrases from others.

All these efforts can only make sense if there is a natural language logic in itself outside of semantics. Otherwise, it is necessary to keep the semantics of the text in mind at all times. Is it possible to distinguish any rules of thinking that are not related to meaning and are valid in any sense? It turns out that even with the most general views on semantics, which are much broader than the views of R-linguistics (a view at the level of semiotics), we are forced to answer these questions very skeptically.

Methodology and sources. The results obtained in the previous parts of the series are used as research tools. To develop the necessary mathematical representations in the field of logic and semantics, the formulated concept of the interpretation operator is used.

Common view.

Let us have some natural language at our disposal and Π – a set of sentences in this language. By sentence, we mean a sequence of words in a language that can be interpreted. This means that there is some interpretation operator Ψ that converts sentences into semantics or meaning. We actually call a sentence such finite sequences of language words that are within the scope of the definition of the Ψ operator.

The interpretation operator Ψ interprets the sentence “s” taking into account the semantics of C already accumulated at the time of “s” interpretation (previous events or sentences can change or Refine the interpretation of s) and forms the meaning of the sentence C'. So, the semantics of the sentence s is defined as $C' = \Psi(C, s)$. In particular, for a separate interpretation of a sentence without preliminary meanings, we get $C' = \Psi(\emptyset, s)$. A separate interpretation of the sentence “s” is understood here as an interpretation that is not preceded by some semantics for “s”. For example, when you start reading an SMS message from an unknown phone number, you have zero initial semantics.

At this point, we do not know how this interpretation works and what semantics consists of, so C does not yet denote a set, but the semantic structure found by linguists of the future, which is obtained when interpreting “s”. In particular, $\emptyset$ denotes here not an empty set, but an empty semantic structure that corresponds to the absence of meaning in the sentence. Of course, each person has their own interpretation operator at a particular time. It depends on the model of the world, on the mood, desires, etc. For example, in a state of severe fright, a person's interpretation of the same text may differ significantly from that in a good mood. But all these factors are fixed at a particular moment of interpretation, only the accumulated meaning changes, so that at the time of interpretation of the sentence, each person has a specific operator Ψ .

On a set of sentences Π in the language, an attribution operation (*) is defined, which assigns to one sentence another sentence so that the result is some text. Under the text $s = s_1 * \dots * s_n$, we will understand the final sequence of sentences from Π . We will assume that the interpretation of the text $s = s_1 * \dots * s_n$ occurs as follows. First, the first sentence $C_1 = \Psi(\emptyset, s_1)$ is interpreted. Here it is assumed that there is no preliminary meaning in relation to the text before starting the interpretation. Based on the interpretation of the first sentence, the second $C_2 = \Psi(C_1, s_2)$ is interpreted, the third sentence is interpreted based on the interpretation of the first two sentences, and so on. Two points need to be made here.

1. We should not confuse the current interpretation of the text C and the model of the world M in the human head. The model of the world certainly determines interpretation: in fact, interpretation is carried out in the model. But the model of the world determines the operator of interpretation Ψ and through it to determine the result of the interpretation of the text C. Yes, the results of the interpretation of the text can later change the model M, but for the period of interpretation they are accumulated without changing the model. This is why the text often has a zero initial interpretation. This is similar to the difference between RAM and permanent memory in computers.

2. Although we have defined the text as a sequence of sentences, it would be more correct to understand a paragraph under the text. Unfortunately, the uncertainty associated with this

semantic concept does not allow us to give it a strict definition that is not limited to tautology. In a language, as a rule, sentences are not interpreted one at a time. Usually, the interpretation is based on paragraphs that are highlighted by longer pauses in oral speech. The division of oral speech into paragraphs is clearly visible when a person speaks under translation, pausing and as if inviting the translator to start translating a paragraph. If a sentence is a unit of interpretation, then a paragraph is a unit of completed thought. The end of a paragraph usually means that the speaker has provided enough information to enable the listener to complete the interpretation, ask the questions necessary for the interpretation, and make a logical conclusion. It is extremely important to understand the reasons why the speaker defines the end of a paragraph. In particular, for expert systems, this is a signal for the beginning of output, or rather-a full output.

No matter how the semantic structure of C looks, two axioms are fulfilled for natural languages.

The first axiom states that there is an empty sentence “ e ” in the language, attributing it to any text on the right and on the left does not change the interpretation of the text. This means that “ e ” itself has empty semantics ($\varphi(C, e) = C$ for any C) and does not change the semantics of any text: $\Psi(C, e*s) = \Psi(C, s*e) = \Psi(C, s)$. For example, if there is a section of blank paper after the text (before the text), this does not change the semantics of the text. This semantic rule is displayed in the language as $s*e = e*s = s$. It is obvious that only one semantically empty sentence can exist in a language, since if there were more than one (for example, e and e'), then $e = e*e' = e'$. It should be noted that by definition an empty sentence is interpreted and has zero meaning (corresponds to a zero semantic structure).

The second axiom (the idempotency axiom) States that repeating the same text s (sentence) does not change the semantics of the text: $\Psi(C, s) = C' = \Psi(C', s)$ for any semantics of C . In the language, this property of interpretation is reflected by the equality $s = s*s$. For Example, we skip the re-printed text because it does not carry additional information. At first glance, the axiom of idempotence contradicts the proverb “repetition is the mother of learning”. However, this proverb means that the results of interpretation can later change the model and thereby correct the interpretation operator, so that the results of interpretation of the same text may be changed in the future. However, due to the above remark, at the stage of text interpretation, we consider the operator Ψ unchanged. This of course also means that the attention of the person who perceives the text remains unchanged in the process of interpretation.

Definition 1. We will say that the sentence “ s ” has the right conditional negation s^{-1} , if the interpretation of the text $s*s^{-1}$ at zero initial sense (condition) generates an empty meaning (“I will go to the store. I won't go to the store”). In other words, if $C = \Psi(\emptyset, s)$, then $\Psi(C, s^{-1}) = \emptyset$. In a language, we get the negation of a sentence when we put “not” before a verb, thereby negating the predicate of the sentence. The semantic property of the right conditional negation in the language is expressed by the rule $s*s^{-1} = e$, where “ s ” is a sentence and the initial meaning of the text is zero.

We say that a sentence s has an unconditional right of negation, if for any sense C of equality is performed: if $\Psi(C, s) = C'$, then $\Psi(C', s^{-1}) = C$. In Other words, $\Psi(C, s*s^{-1}) = C$. This semantic property of the sentence means that the operation $*$ is associative for text $s*s^{-1}$, i. e., for any text “ t ” the validity of the equation $(t*s)*s^{-1} = t*(s*s^{-1})$ is fulfilled. Of course, if the operation $*$ is associative in General, it gives rise to languages with an unconditional right negations.

Example 1. In natural language the property of unconditionally of the right of negation in the general case fails. So, in the famous film “Beware of the car”, investigator Maxim Podberezovikov, acting as a witness to Detochkin's actions, says: “He is certainly to blame, but he... is not to blame.” This phrase does not cause the listener to feel zero sense, because in addition to the film itself, which forms certain semantics, Podberezovikov before this phrase utters sentences that create semantics that preserve the non-empty semantics of the phrase. Namely, it gives the positive part of the phrase the meaning of the illegality of Detochkin's actions, and the negative part – the meaning of the justice of His actions. As a result, the meaning of justice cannot neutralize the meaning of illegality, and vice versa.

The law of double negation in language is provided by unconditional right negation. In fact, $(s^{-1})^{-1} = e * (s^{-1})^{-1} = (s * s^{-1}) * (s^{-1})^{-1} = s * (s^{-1} * (s^{-1})^{-1}) = s * e = s$. if we assume that logic was abstracted from the language, then most likely the prototype of the conjunction operation was the attribution operation, and the prototype of logical negation was the operation of unconditional negation. As you know, logical conjunction and negation operations are sufficient to express all operations of the logic algebra. However, the following is true.

Theorem 1. Any sentence that has an unconditional right negation does not make sense.

Proof. Let the sentence s have an unconditional right negation of s^{-1} , then $s = s * e = s * (s * s^{-1}) = (s * s) * s^{-1} = s * s^{-1} = e$.

The investigation. If the text consists of sentences that have unconditional right negations, then the semantics of the first sentence is equal to $\Psi(C, s) = \Psi(C, e) = C$. We also get for the second, etc., sentences of the text. In particular, for $C = \emptyset$, we get an empty interpretation of the text. If almost all sentences of a language have unconditional negations, then the following statement is not an error: *any text in any language with unconditional right negations does not make sense*.

Since natural language sentences make sense, there are no unconditional right negatives in the language, and the double-negative rule does not apply to them.

Theorem 1 is very important in understanding the semantics of a language. Semantics “glues” sentences into a single whole. This is its most important function. Even the smallest attempt to break (simplify) this connection leads to the elimination of semantics, and therefore the possibility of interpreting the language in a some model. In fact, the presence of an unconditional right negation only allows us to interpret the text of $s * s^{-1}$ separately, regardless of the context. The order of sentences in the text and its consecutive interpretation is preserved. Yet this destroys the semantics of the sentence. In fact, let the sentence s have the semantics of C . The idempotency axiom states that the sentence $s * s$ has the same semantics C . In other words, the semantics of sentences are superimposed on each other (“linked”) and, if they coincide, they give the same result. But then adding the negative clause s^{-1} should destroy the semantics of C regardless of how it was formed: via s or $s * s$. As a result, we should get zero semantics, which corresponds to an empty sentence. But the same sequence calculated as $s * (s * s^{-1})$ generates the semantics of C , which means that the semantics of C is null. Otherwise, we would have to admit that either the same sentence can have different semantics (with the same Ψ), or the semantics do not “overlap” with each other. In other words, this would mean that semantics does not “glue” the meanings of sentences.

All of the above fully applies to associative languages, and the assumption of associativity is often found in linguistics (mathematical linguistics). Yes, and in logic, the operations of

disjunction and conjunction are associative, and negation is unconditioned. Does this mean that logic not only formalizes logical operations between language sentences, separating them from meaning, but it also makes meaningless any natural language to which it is applied? To clarify these issues, we will deal with in the continuation of the article.

REFERENCES

1. Polyakov, O.M. (2019), "Categorization in Natural Languages for Verbs of Increased Arity", *Intellectual Technologies on Transport*, no. 4, pp. 14–21.
2. Beklemishev, D.V. (2013), *Zametki o zhenskoj logike* [Notes on female logic], available at: wikimipt.org/wiki/Заметки_о_женской_логике (accessed 20.12.2019).
3. Polyakov, O.M. (2019), "Linguistic Data Model for Natural Languages and Artificial Intelligence. Part 3. Recognition", *DISCOURSE*, vol. 5, no. 6, pp. 132–143. DOI: <https://doi.org/10.32603/2412-8562-2019-5-6-132-143>.
4. Novikov, P.S. (1973), *Elementy matematicheskoi logiki* [Elements of mathematical logic], 2nd ed., Nauka, Moscow, USSR.

Information about the author.

Oleg M. Polyakov – Can. Sci. (Engineering) (1982), Associate Professor at the Department of Information Technology of Entrepreneurship, Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, 67 lit. A Bol'shaya Morskaya str., St Petersburg 190000, Russia. The author of 35 scientific publications. Areas of expertise: linguistics, artificial intelligence, mathematics, database design theory, philosophy. E-mail: road.dust.spb@gmail.com

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Поляков О. М. Категоризация в естественных языках для глаголов повышенной арности // *Intellectual Technologies on Transport*. 2019. № 4. С. 14–21.
2. Беклемишев Д. В. Заметки о женской логике. 2013. URL: wikimipt.org/wiki/Заметки_о_женской_логике (дата обращения: 20.12.2019).
3. Polyakov O. M. Linguistic Data Model for Natural Languages and Artificial Intelligence. Part 3. Recognition // *DISCOURSE*. 2019. Vol. 5, № 6. P. 132–143. DOI: <https://doi.org/10.32603/2412-8562-2019-5-6-132-143>.
4. Новиков П. С. Элементы математической логики. 2-е изд. М.: Наука, 1973.

Информация об авторе.

Поляков Олег Маратович – кандидат технических наук (1982), доцент кафедры информационных технологий предпринимательства Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения, ул. Большая Морская, д. 67, лит. А, Санкт-Петербург, 190000, Россия. Автор более 35 научных публикаций. Сфера научных интересов: лингвистика, искусственный интеллект, математика, теория проектирования баз данных, философия. E-mail: road.dust.spb@gmail.com

Типология основных ошибок начинающих технических переводчиков с английского

А. А. Мурзаков✉

Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия

✉murzakov1@gmail.com

Введение. Эрратология – раздел лингвистики, связанный с изучением различных ошибок. Особый практический интерес представляет эрратология в сфере переводов в силу того, что переводческие ошибки оказывают особенно сильное влияние на области, даже не связанные с лингвистикой.

Методология и источники. Проанализированы результаты проверки итогового тестового задания и разработана типология основных ошибок начинающих технических переводчиков. Классификация не основывалась на едином принципе, вместо этого был использован комплексный подход. Итоговая классификация выглядит следующим образом: речевые ошибки, смысловые ошибки, бессмыслица, терминологические ошибки (неправильные термины и неединообразное употребление терминов), опущения, грамматические ошибки, опечатки, пунктуационные ошибки.

Автор с 2014 г. проводит в режиме вебинаров дистанционные курсы по теории и практике письменного технического перевода для начинающих и опытных переводчиков, которые хотят повысить свою квалификацию. Большинство участников курса уже занимались переводами или планировали начать переводческую деятельность. За четыре года 60 человек выполнили большую часть домашних заданий и итоговое тестовое задание – перевод технического, медицинского или юридического текста объемом 1,5 переводческой страницы (в среднем 2500 знаков с пробелами).

Результаты и обсуждение. Итоговые результаты распределения типов ошибок в работах следующие: речевые ошибки – 47; смысловые – 19; неправильные термины – 15; пунктуационные ошибки – 13; неединообразное употребление терминов – 12; опущения – 11; грамматическое несогласование – 7; неединообразное выражение должествования – 6; опечатки – 5; бессмыслица – 4. Преобладание речевых ошибок обусловлено низким уровнем филологической грамотности современного российского общества, а также устранением корректоров и редакторов из процесса выпуска письменной продукции из-за сокращения издержек. Смысловые ошибки обусловлены недостаточным уровнем знаний переводчика в конкретной области знания. Остальные ошибки совершаются из-за отсутствия навыков самоконтроля.

Заключение. В результате анализа тестовых работ начинающих переводчиков была выработана практическая типология переводческих ошибок. Как видно из проанализированных примеров, все ошибки начинающих переводчиков можно описать с помощью «правила трех Н»: невнимательность, незнание, неопытность.

Ключевые слова: типология ошибок, эрратология, ошибки, переводческие ошибки, типы ошибок, перевод, технический перевод, перевод с английского, память переводов, конкорданс, редактирование текста, переводческие компетенции.

Для цитирования: Мурзаков А. А. Типология основных ошибок начинающих технических переводчиков с английского // ДИСКУРС. 2020. Т. 6, № 3. С. 116–127. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-3-118-130

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 24.02.2020; принята после рецензирования 25.03.2020; опубликована онлайн 25.06.2020

Typology of Main Errors of Novice Technical Translators (English/Russian)

Alexander A. Murzakov✉

Kuban State University, Krasnodar, Russia

✉murzakov1@gmail.com

Introduction. Erratology is a new section of linguistics related to the study of different mistakes. Erratology in the sphere of translation is of particular practical interest since translation errors have a particularly strong effect on areas not even related to linguistics.

Methodology and sources. The author analyzed the results of the final test task and developed a typology of the main mistakes of novice technical translators. The classification was not based on a single principle; instead, a comprehensive approach was used. The final classification includes the following types: speech errors, semantic errors, incoherent sentences, terminological errors (incorrect terms and non-unified use of terms), omissions, grammatical errors, misprints, punctuation errors.

Since 2014, the author has been conducting e-learning courses on the theory and practice of technical translation for novice and experienced translators who want to improve their skills. Most of the course students were already engaged in translations or planned to start translation activities. For 4 years, 60 people completed most of their homework and the final test task (translation of a technical, medical or legal text (2500 characters with spaces)). The results of the final test task were analyzed and the main types of errors of novice technical translators were identified.

Results and discussion. The resulting distribution of the error types is the following: speech errors – 47; semantic errors – 19; incorrect terms – 13; not unified use of terms – 13; omissions – 11; grammatical errors – 7; not unified expression of obligation – 7; misprints – 5; incoherent sentences – 4. The domination of speech errors is caused by a low level of philological literacy of modern Russian society as well as by the removal of proofreaders and editors from the publication process due to cost reduction. Semantic errors are caused by an insufficient level of knowledge in a particular field of knowledge. Other errors are stipulated because of a lack of self-control skills.

Conclusion. As a result of the analysis of the test works of novice translators, a practical typology of translation errors was developed. As can be seen from the analyzed examples, all the errors of novice translators can be described using the “rule of three I”: inattention, ignorance, inexperience.

Key words: error typology, erratology, errors, translation errors, error types, concordance, translation, technical translation, translation from English, translation memory, concordance, text editing, translation competences.

For citation: Murzakov A. A. Typology of Main Errors of Novice Technical Translators (English/Russian). DISCOURSE. 2020, vol. 6, no. 3, pp. 116–127. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-3-118-130 (Russia).

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 24.02.2020; adopted after review 25.03.2020; published online 25.06.2020

Введение. Эрратология – недавно появившийся раздел лингвистики, связанный с изучением различных ошибок. Особый практический интерес представляет эрратология в сфере переводов в силу того, что переводческие ошибки оказывают особенно сильное влияние на области, даже не связанные с лингвистикой. Ниже приводится вариант «практической» типологии переводческих ошибок, обнаруженных в технических текстах начинающих переводчиков. Автор не претендует на полноту охвата всех возможных типов ошибок. Цель данной типологии – помочь редактору текстов и преподавателю письменного технического перевода, а также самим переводчикам.

Методология и источники. Автор с 2014 г. проводит в режиме вебинаров дистанционные курсы по теории и практике письменного технического перевода для начинающих и опытных переводчиков, которые хотят повысить свою квалификацию. Большинство участников курса уже занимались переводами или планировали начать переводческую деятельность. За четыре года 60 человек выполнили большую часть домашних заданий и итоговое тестовое задание – перевод технического, медицинского или юридического текста объемом 1,5 переводческой страницы (в среднем 2500 знаков с пробелами). Мы проанализировали результаты проверки итогового тестового задания и разработали типологию основных ошибок начинающих технических переводчиков. Классификация не основывалась на едином принципе, вместо этого был использован комплексный подход. Итоговая классификация выглядит следующим образом: речевые ошибки, смысловые, бессмыслица, терминологические ошибки (неправильные термины и неединообразное употребление терминов), опущения, грамматические ошибки, опечатки, пунктуационные ошибки.

Результаты распределения типов ошибок в работах следующие: речевые ошибки – 47; смысловые – 19; неправильные термины – 15; пунктуационные ошибки – 13; неединообразное употребление терминов – 12; опущения – 11; грамматическое несогласование – 7; неединообразное выражение долженствования – 6; опечатки – 5; бессмыслица – 4.

Замечания: а) так как важно было выделить именно типы ошибок, а не их количественное распределение, то подсчет производился следующим образом: если в одном тексте перевода итогового задания была допущена одна, две или более речевых ошибок, то в любом случае для этой работы отмечалось просто наличие стилистической ошибки, что в общем подсчете означает единицу; б) настоящая классификация может вызвать возражения, но мы используем ее, так как она оказалась наиболее практичной в ходе обучения.

Сразу следует уточнить, что под «техническим» переводом мы понимаем переводы разнообразных документов (инструкций, руководств, контрактов, спецификаций, формуляров и т. д.) в совершенно различных (и необязательно технических) областях знания, включая перевод собственно технических текстов, а также медицинских, юридических, экономических, компьютерных текстов и т. п. По сути, сейчас технический переводчик – это специалист, который переводит какие-либо документы, а не публицистические статьи или художественные тексты. Его можно было бы более точно назвать «переводчиком документов» в самом широком смысле.

Результаты и обсуждение. Ошибки делают все – и опытные, и начинающие переводчики. Только если у опытных переводчиков встречается несколько ошибок на десятки страниц и практически не бывает бессмыслицы, опущений и смысловых ошибок, у начинающих переводчиков зачастую можно встретить несколько серьезных ошибок на одной-двух страницах. Рассмотрим типы и примеры ошибок более подробно.

Речевые ошибки, т. е. ошибки, связанные с употреблением каких-либо языковых единиц или нарушением лексических норм. Подавляющее большинство участников курсов допускали речевые ошибки самого разного характера.

Примеры:

– *By simultaneously pressing the buttons => При одновременном нажатии кнопок*; правильный вариант: **Одновременно нажимая кнопки**.

– *Your device will find the phone and ask if you want to pair with it => Устройство обнаружит телефон и предложит выполнить сопряжение с ним*; правильный вариант: **Устройство обнаружит телефон и запросит разрешение на соединение**.

– *Terminal means self-service payment acceptance machine => Терминал – аппарат, принимающий платежи путем самообслуживания*; правильный вариант: **Терминал – аппарат самообслуживания, принимающий платежи**.

Главная причина речевых ошибок в том, что «филологическая безграмотность российского общества в целом совершенно не поддается описанию» [1]. Низкий уровень текстов СМИ на всех уровнях, начиная с федеральных и заканчивая блогерами локального масштаба, нельзя объяснить только недофинансированием, которое закономерно влечет за собой сокращение издержек за счет устранения редакторов и корректоров из процесса публикации. В СССР труд корректора тоже оплачивался достаточно низко¹, но уровень выпускаемой продукции был несравнимо выше. Тут дело в отношении к культуре речи в целом, но более глубокий анализ этого явления выходит за рамки нашей статьи. Следует отметить, что это очень негативно влияет на уровень речевой культуры начинающих переводчиков.

Основные рекомендации по повышению культуры речи для начинающих переводчиков: читать хорошую литературу на родном языке и ознакомиться с несколькими пособиями (например, рекомендации Союза переводчиков России [3], «Практический справочник переводчика и редактора» Г. Моисеенко [4] и т. п.). Но простого чтения пособий всегда будет недостаточно, так как уровень культуры речи пропорционален количеству прочитанной литературы, которое невозможно заменить никакими учебниками и пособиями.

Кроме того, часто в текстах присутствуют специфические для переводчиков речевые ошибки – это буквализмы или буквальный перевод слов, фраз или целых предложений, например:

– *Typically, the steps involve going to a «Setup», «Connect» menu => Как правило, это включает в себя вход в меню «Настройки», «Соединение»*; правильный вариант: **Обычно для этого надо перейти в меню «Настройки», «Соединение»**.

Общая рекомендация по устранению буквализмов и других стилистических ошибок на уровне фраз и предложений – проверять нормы лексической сочетаемости: а) с помощью точного поиска в Интернете в поисковых системах (обычно для этого надо поставить запрос в кавычки), если поисковых результатов для фразы мало, то, возможно, следует попытаться переформулировать фразу; б) с помощью специального поиска в корпусах (см. Нац-

¹ А. Э. Мильчин отмечал: «...месячный оклад корректора (мой оклад) составлял 550 р., и пойти на работу с таким окладом мог лишь человек, которому нельзя было рассчитывать ни на что иное <...> А поскольку моя жена Нина с января 1950 г. тоже нашла работу (поступила корректором в Издательство иностранной литературы), даже при наших мизерных заработках мы уже смогли более или менее сводить концы с концами» [2, с. 576].

ональный корпус русского языка [5], а также British National Corpus [6], Corpus of Contemporary American English [7] и т. п.); в) с помощью Google Ngram Viewer [8] – сервиса, для построения графика частотности употребления слов и фраз (во многих случаях слишком низкая частотность или отсутствие употребления подобного варианта говорит о том, что, скорее всего, вариант перевода необходимо изменить).

Смысловые ошибки, т. е. ошибки, искажающие смысл предложения, вследствие которого высказывание или отрывок текста может быть понят неверно. Чаще всего начинающие переводчики допускают подобные ошибки недостаточного уровня знаний в какой-то конкретной области (электроника, компьютерные тексты, программирование и т. п.).

Примеры:

– *Payer means any person, making payment on behalf of the Client* => *Плательщик – любое лицо, производящее выплаты в пользу Клиента*; правильный вариант: *Плательщик – любое лицо, производящее платеж от имени Клиента*.

– *If the SET button is pressed with DOWN button Set point 1 is increased or decreased* => *При нажатии на кнопку SET с помощью кнопки DOWN (вниз) кнопка заданного значения 1 будет включаться или отключаться*; правильный вариант: *При одновременном нажатии кнопок SET (УСТАНОВКА) и DOWN (ВНИЗ) заданное значение 1 будет увеличиваться или уменьшаться*.

Из текста про оказание первой помощи: *If unconscious, place in recovery position and get medical attention immediately* => *При потере сознания оставьте человека в спокойном состоянии и незамедлительно обратитесь к врачу для медицинского обследования*; правильный вариант: *Если пострадавший без сознания, уложите его на бок так, чтобы полость рта располагалась ниже уровня воздухоносных путей, а нижняя челюсть была выдвинута вперед. Немедленно вызовите врача* (в данном примере также терминологическая ошибка – перевод словосочетания «recovery position» – приводит к серьезному искажению смысла).

Как видно из приведенных выше примеров, смысловые ошибки у начинающих переводчиков бывают различного характера, и степень искажения тоже может быть разной – от изменения смысла на противоположный (первый пример), отсебятины (второй пример) до серьезных искажений, которые могли бы привести к тяжелым последствиям для здоровья людей, если бы перевод был принят в качестве инструкции по оказанию первой помощи (третий пример). Причины смысловых ошибок также различны: непонимание предметной области, к которой относится текст; невнимательность, свойственная большинству начинающих переводчиков; не критичное отношение к тексту собственного перевода из-за отсутствия навыков саморедактирования и т. д.

В данном случае трудно давать конкретные рекомендации, так как вопрос слишком обширный, но безусловно внимание следует уделить, прежде всего, повышению уровня языковой компетенции и навыков анализа текста, строгой оценке собственного перевода на предмет отсутствия бессмысленных и «странных» фрагментов, расширению кругозора и развитию эрудиции.

Во избежание смысловых (и терминологических) ошибок в пособиях по переводу рекомендуется не переводить тексты, в предметной области которых переводчик не разбирается. Но найти такое количество специалистов по ремонту вертолетов или эксплуатации охранных систем с достаточным уровнем знания иностранного (и русского (!)) языка

очень сложно, поэтому в любом случае новичкам приходится понемногу осваивать новые области. Особенно сложно начинающим техническим переводчикам, у которых только филологическое образование, в отличие от переводчиков с образованием или опытом в соответствующей инженерной, медицинской или другой специальности. При освоении перевода в новой области знания очень помогает понимание физических, химических, информационных и других процессов, которые описываются в документах для перевода. Поэтому начинающему техническому переводчику следует уделить внимание восполнению пробелов в своем среднем образовании (особенно в области физики и химии) и изучить пособия по соответствующим предметным областям на родном и иностранном языках.

Бессмыслицу в текстах начинающих переводчиков можно в общем отнести к смысловым ошибкам, но мы все же выделяем ее в качестве отдельного типа ошибки, потому что смысловые ошибки – это чаще всего искажение оригинала с логически верным изложением этого искажения в переводе, в то время как бессмысленная фраза или предложение – это неадекватное выражение смысла в тексте перевода (бессмыслица может быть связана с непониманием оригинала, но иногда проблема заключается в неумении передавать мысль именно на русском языке).

– *Drug interactions were determined to account for 8 % of in-hospital adverse drug reactions => Лекарственные взаимодействия были определены для учета 7 % побочных реакций*; правильный вариант: *Было определено, что лекарственные взаимодействия являлись причиной неблагоприятных лекарственных реакций у стационарных пациентов в 7 % случаев.*

– *In any case if no adjustment of the parameters is made for 30 seconds, the controller will automatically return to the operating mode => При любом случае отсутствие любых настроек в параметрах в течение 30 секунд автоматически возвращает контроллер в рабочий режим*; правильный вариант: *В любом случае, если параметры не будут настроены в течение 30 секунд, контроллер автоматически вернется в рабочий режим.*

В обоих случаях мы видим примеры буквального перевода, который превращает текст в набор бессмысленных фраз. И если буквальный перевод кое-где допустим, хотя и может привести к серьезным речевым ошибкам, то бессмысленные предложения в переводе совершенно неприемлемы. Даже если предложение в оригинале кажется бессмысленным, переводчик должен попытаться понять, что же все-таки «хотел сказать автор», и уведомить заказчика перевода о том, что сомневается в переводе этого предложения (в идеале, конечно, хорошо бы задать вопрос автору документа, но это не всегда возможно). Вполне очевидно, что бессмыслица в переводе у начинающих переводчиков чаще всего происходит из-за невысокого уровня культуры речи и незнания предметной области. Но даже начинающие переводчики способны отследить подобные ошибки при многократном повторном прочтении текста собственного перевода. При этом необходимо руководствоваться принципом: каждая фраза и каждое предложение перевода должны иметь четкий и понятный смысл, а в случае сомнения надо консультироваться с коллегами, специалистами в данной области или автором документа.

Ошибки, связанные с *терминами*, бывают двух видов: неправильные термины и неединообразное употребление терминов в тексте.

Ошибок, связанных с неправильными терминами, можно выделить очень много, но мы рассмотрим два основных типа, которые встречались в работах чаще всего: общие

терминологические ошибки и ошибки, связанные с буквальным переводом на уровне словосочетания.

Общие терминологические ошибки. Одна из самых распространенных ошибок – ошибка, связанная с синонимией терминов. Теоретически термин – это «слово или словосочетание – название определенного понятия какой-нибудь специальной области науки, техники, искусства» [9, с. 795], однако на практике мы имеем многовариантность при переводе с одного языка на другой даже в одной области знания (например, *valve* в гидравлике может обозначать *клапан*, *затвор*, *задвижку*, *вентиль*, *заслонку*, *золотник*, *створку* и т. д.), не говоря уже о других предметных областях (*valve* переводится как *электронная лампа* в текстах про радиоаппаратуру; *вальва*, *створка* в биологии; *вентиль*, *пистон* для музыкальных инструментов и т. д.).

Зачастую начинающий переводчик теряет и не знает, какой именно вариант использовать. Например, в тексте про описание категории защиты корпуса контроллера переводит *enclosure* как *ограждение*, т. е. берет первый, по его мнению, подходящий вариант из списка возможных вариантов, хотя в данном случае *enclosure* следует переводить как *корпус*.

Такие ошибки связаны, прежде всего, с отсутствием опыта перевода в соответствующей предметной области. В этом случае необходимо очень внимательно изучать словарные статьи, обращать внимание на примеры употребления, контекст, смотреть толковые словари на русском и английском языках, чтобы понять все нюансы употребления.

Терминологические ошибки, связанные с буквальным переводом на уровне словосочетания. Два примера из одного текста перевода:

– *Volatile memory* => **кратковременная память**; правильный вариант: **энергозависимая память**.

– *Non-volatile memory* => **долговременная память**; правильный вариант: **энергонезависимая память**.

Переводчик не посмотрел перевод всего словосочетания в словаре, а стал переводить отдельные слова и установил неправильные ассоциации: перевод *volatile* как *изменячивый*, *непостоянный* он превратил по ассоциации в *кратковременный*, а *non-volatile* соответственно в *долговременный*. В данном случае в словарях нужно искать перевод целого словосочетания, а не переводить каждое слово по отдельности. Часто начинающие переводчики забывают, что термины представляют собой именно словосочетания, а не отдельные слова.

К терминологическим ошибкам на уровне словосочетаний можно отнести и речевые ошибки, связанные с нарушением норм лексической сочетаемости. Слово *pneumatic* часто переводится как *пневматический*, но сочетание *pneumatic boat* должно переводиться как *надувная лодка*, а не *пневматическая лодка*, как в статье на сайте газеты «Московский комсомолец»: «Французская пневматическая лодка с багажником» [10]. Другой пример буквального перевода термина из раздела про средства тушения в паспорте безопасности:

– *Use dry chemical* => **Использовать сухие вещества**; правильный вариант: **Использовать огнетушащий порошок**.

В этом случае также необходимо проверять перевод термина в словаре на уровне словосочетания, а если в словаре варианта для данного словосочетания нет, то проверять свой

вариант, как и буквализмы в речевых ошибках, с помощью точного поиска в Интернете и специальных сервисов.

Также очень распространенная ошибка – это **неединообразное употребление терминов**. Термины в отдельно взятом документе образуют систему со своими законами и правилами. Следует помнить, что если в тексте какое-либо устройство или элемент назван одним образом, то он должен называться точно так же и в остальных частях документа или пакета документов, или во всех документах большого проекта. В этом и заключается одна из главных задач использования памяти переводов (translation memory) и конкорданса: всегда можно посмотреть, как сам переводчик в своем документе перевел какой-то термин или как этот же термин перевел другой переводчик, и использовать его вариант в своем документе, чтобы сохранить единообразие. Начинающие переводчики часто на нескольких страницах или даже в пределах одной страницы переводят одни и те же термины по-разному, например:

– *Sliding the on/off button to «on»...=> Установите **переключатель** в положение «on»*, а ниже на рисунке переводит «on/off button» как «**кнопка on/off**».

Пример из текста про лекарственные взаимодействия:

– *The effect of the interaction can be desirable, inconsequential, or **adverse***. => *Результат взаимодействия может быть желаемым, допустимым или **побочным***. Далее переводит «to cause different **adverse effects**» как «чтобы вызывать различные **негативные последствия**» вместо своего первого варианта «побочный». Еще ниже «*in-hospital **adverse drug reactions***» переводит как «**нежелательные реакции у пациентов стационара**». Т. е. в тексте мы находим три разных варианта перевода одного термина, что недопустимо. Вопрос корректности перевода терминов desirable, inconsequential, adverse interactions сейчас оставим в стороне, в любом случае одни и те же термины (не слова!) должны переводиться по всему тексту одинаково.

Неединообразный перевод терминов – одна из самых серьезных ошибок в переводе технических документов после смысловых ошибок, опущений и неправильных терминов, так как он нарушает выполнение основной функции подобных документов: донесение информации. Разнобой терминов в переводе приводит к более серьезному искажению, чем речевые ошибки. Именно на это в первую очередь обращают внимание заказчики перевода (правильность употребления терминов можно проверить даже без знания иностранного языка), поэтому в одной из переводческих компаний, в которых работал автор, была шуточная поговорка о том, что переводить можно «безобразно, но единообразно».

Причины подобных ошибок: невнимательность, отсутствие навыка самоконтроля в отношении собственной терминологии. Рекомендации: развивать «терминологическую чуткость» и обязательно использовать CAT-программы (MemoQ, Memsource, Trados, Smartcat и т. д.) с конкордансом и/или базой терминов (глоссарием). Даже опытные переводчики забывают, как они переводили тот или иной термин за двадцать страниц до этого или в других документах в текущем или других проектах, и поэтому используют программы для работы с памятью переводов.

К подобным ошибкам относится и **неединообразное выражение долженствования**. Особенно это актуально для инструкций, руководств и других документов, в которых описываются какие-либо действия или приводятся какие-либо указания. В русском языке при

переводе технических текстов используется в основном три способа выражения долженствования:

- 1) специальные слова (*нужно, необходимо, следует* и т. п.): *необходимо установить устройство*;
- 2) инфинитив: *установить устройство*;
- 3) повелительное наклонение: *установите устройство*.

При переводе в пределах одного абзаца, пункта, списка, перечня и т. п. необходимо *обязательно* выражать долженствование одной грамматической формой и *желательно* выражать долженствование одной грамматической формой в пределах одного документа (пакета документов, проекта).

Вот примеры из текста про паспорт безопасности, переведенного одним переводчиком, который в основном использовал повелительное наклонение, но иногда у него встречались такие предложения:

– *Rinse mouth with water. Consult a physician.* => **Промыть рот водой. Проконсультируйтесь с врачом.**

– *No action shall be taken involving personal risk.* => **Не предпринимать** никаких действий, связанных с опасностью для здоровья или жизни.

Очевидно, что в этих примерах инфинитив необходимо заменить на повелительное наклонение, чтобы обеспечить согласованность и цельность всего текста.

Несмотря на то, что в данных по распределению типов ошибок указано всего шесть работ с подобными ошибками, это связано с тем, что в тестовых работах было немного описаний действий или указаний. В домашних же работах, которые выполняли участники курсов, эта ошибка встречалась достаточно часто.

Как видно из результатов статистики, **пунктуационные ошибки** также часто встречаются у начинающих переводчиков. В основном они связаны с постановкой запятых в сложных предложениях, выделением причастных оборотов и т. п. Причем ошибки могут быть связаны как с отсутствием запятых, так и с постановкой лишних, которые не соответствуют правилам пунктуации в русском языке. Очень часто это обусловлено влиянием английской пунктуации, когда переводчик ставит запятую в русском тексте в том же месте, в каком она поставлена в английском, хотя по правилам русского языка ее быть не должно, например:

– *Occasionally, two drugs interact with each other to cause different adverse effects.* => **Иногда, два ЛС при взаимодействии дают разные нежелательные лекарственные реакции.**

В этом примере запятая в английском ставится для выделения обстоятельства в начале предложения, в русском же обычно в подобных случаях обстоятельство не выделяется.

Чаще всего причины пунктуационных ошибок – это невнимательность, незнание правил пунктуации и межъязыковая интерференция. Рекомендации по предотвращению подобных ошибок похожи на рекомендации для речевых ошибок: повышение культуры письменной речи с помощью овладения правилами пунктуации и чтения хорошей литературы.

Опущения – это неоправданный пропуск в тексте перевода слов, фраз или целых предложений оригинала. Переводчики и сотрудники переводческих компаний называют это «недопереводом», что достаточно хорошо выражает суть ошибки. Опускание бывает оправданным, если это один из видов переводческой трансформации. В этом случае в ори-

гинале мы видим избыточность информации, перевод которой будет нарушением норм русского языка. Например, часто на русский не переводятся английские притяжательные местоимения: *She took her handbag in her left hand* => *Она взяла сумочку в левую руку*. Но неоправданное опущение – это серьезная ошибка, основная причина которой невнимательность, а иногда «самовольная» трактовка текста переводчиком:

– *Mono headset Samsung* => *гарнитура Samsung*; правильный вариант: **монофоническая гарнитура Samsung**.

Главное в переводе – это передача смысла, поэтому неоправданных опущений быть не должно. Чтобы избежать подобных ошибок, настоятельно рекомендуется внимательно проверять свой перевод несколько раз и пользоваться САТ-программами (в этом случае точно не будет пропуска целых предложений, что встречается у начинающих переводчиков).

Орфографические ошибки и опечатки. Об этом не стоило бы и писать, если бы подобные ошибки не носили достаточно распространенный характер. И если в итоговых данных по тестам присутствует всего пять работ с опечатками, то в домашних заданиях их намного больше. Причем самое досадное, что чаще всего ошибки элементарные (в течение 2 месяцев вместо месяцев и т. п.), которых можно избежать даже не с помощью повторного чтения, а просто в результате автоматической проверки орфографии в программе Microsoft Word (клавиша F7; функция работает почти во всех остальных текстовых редакторах и САТ-программах). Однако повторные проверки собственного перевода все равно необходимы, чтобы избежать таких ошибок:

– *The Client agreement means the contract on rendering Services and Goods* => *Клиентское соглашение – **контакт** на предоставление товаров и услуг*; правильный вариант, конечно же, **контракт**.

Очевидно, что в этом случае автоматическая проверка не поможет, так как орфографической ошибки нет, а налицо лишь опечатка. Основные рекомендации здесь следующие: проверять свой перевод несколько раз и развивать внимательность.

К ошибкам из-за невнимательности можно отнести и выражения с **грамматическим несогласованием**:

– *Loose tight clothing* => *Ослабьте плотно прилегающие **часть** одежды*; правильный вариант: **части** (хотя поставить «предметы одежды» было бы уместнее).

– *Transactions involving the rendering of Services under the Client Agreements, concluded with the same Provider* => *Операции, предусматривающие оказание Услуг в соответствии с Клиентским соглашением, **заключенных** с тем же Поставщиком*; правильный вариант: *соглашением, **заключенным** с тем же Поставщиком*.

В первом случае грамматическое несогласование могло быть следствием опечатки, во втором это тоже могла быть опечатка, но, с другой стороны, переводчик мог автоматически ошибочно соотнести причастие *заключенный* не с «соглашением», а с «услугами», что, конечно, довольно странно, потому что услуги не заключают.

Вопрос проверки текста на наличие подобных ошибок подробно описан у А. Э. Мильчина [11, с. 352–470], поэтому мы лишь рекомендуем ознакомиться с этим источником и опять же более внимательно проверять свой собственный перевод.

Заключение. В результате анализа тестовых работ начинающих переводчиков была выработана практическая типология переводческих ошибок. Как видно из вышеприведенных

примеров, все ошибки можно описать с помощью «правила трех н»: невнимательность, незнание, неопытность. Соответственно, чтобы от них избавиться, нужно приобретать противоположные «добродетели». Этому поможет выполнение следующих рекомендаций:

– накапливайте знания о переводе: читайте учебники и пособия, посещайте курсы, общайтесь с коллегами;

– используйте программные средства проверки: автоматическая проверка орфографии, цифр и неединообразного перевода (например, с помощью программы ApSIC Xbench и т. п.), встроенные средства проверки качества перевода в CAT-программах;

– постоянно сомневайтесь в собственном переводе. Должна быть культура сомнения. Начинаящий переводчик не сможет стать хорошим переводчиком, если в голове у него одновременно не будет присутствовать редактор. Причем одновременно и в процессе перевода, и во время обязательных повторных прочтений. Саморедактирование – залог хорошего перевода и развития переводчика как специалиста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Демина Н. Николай Казанский.: Наука – это то, что можно объяснить ребенку. URL: <https://www.pravmir.ru/nikolay-kazanskiy-nauka-eto-to-chto-mozhno-obyasnit-rebenku/> (дата обращения: 22.02.2020).

2. Мильчин А. Э. Человек книги. Записки главного редактора. М.: Новое лит. обозрение, 2016.

3. Письменный перевод. Рекомендации переводчику и заказчику / сост. Н. Дупленский URL: http://www.russian-translators.ru/netcat_files/130/84/h_58f42cc46a26303b7e5d851ec593a368 (дата обращения: 22.02.2020).

4. Моисеенко Г. Практический справочник переводчика и редактора. URL: https://msn.khnu.km.ua/pluginfile.php/257466/mod_resource/content/1/Translator-editor_reference_book_02-2015_Moiseenko.pdf (дата обращения: 22.02.2020).

5. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/search-main.html> (дата обращения: 22.02.2020).

6. British National Corpus. URL: <https://corpus.byu.edu/bnc/> (дата обращения: 22.02.2020).

7. Corpus of Contemporary American English. URL: <https://corpus.byu.edu/coca/> (дата обращения: 22.02.2020).

8. Google Books Ngram Viewer. URL: <https://books.google.com/ngrams> (дата обращения: 22.02.2020).

9. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М.: ООО «А ТЕМП», 2006.

10. Кайфман М. Французская пневматическая лодка с багажником. URL: <https://www.mk.ru/science/2014/06/20/francuzy-postroili-pnevmaticheskuyu-lodku-s-bagazhnikom.html> (дата обращения: 22.02.2020).

11. Мильчин А. Э. Методика редактирования текста. Изд. 3-е, перераб. и доп. М.: Логос, 2005.

Информация об авторе.

Мурзаков Александр Александрович – кандидат филологических наук (2013), преподаватель кафедры прикладной лингвистики Кубанского государственного университета, ул. Ставропольская, д. 149, г. Краснодар, 350040, Россия. Автор 5 научных публикаций. Сфера научных интересов: переводоведение, прикладная лингвистика, корпусная лингвистика. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6509-1885>. E-mail: murzakov1@gmail.com

REFERENCES

1. Demina, N. (2017), *Kazanskii N.N.: Nauka – eto to, chto mozhno ob"yasnit' rebenku* [Kazansky N.N.: Science is something that can be explained to a child], available at: <https://www.pravmir.ru/nikolay-kazanskiy-nauka-eto-to-chto-mozhno-obyasnit-rebenku/> (accessed 22.02.2020).
2. Milchin, A.E. (2016), *Chelovek knigi. Zapiski glavnogo redaktora* [Man of the book. Notes of the chief editor], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, RUS.
3. Duplenskii, N. (2015), *Pis'mennyi perevod. Rekomendatsii perevodchiku i zakazchiku* [Written translation. Recommendations for translator and customer], available at: <http://www.russian-translators.ru/perevodchesky-opit/practika/01/> (accessed 22.02.2020).
4. Moiseenko, G. (2015), *Prakticheskii spravochnik perevodchika i redaktora* [Practical guide of the translator and editor], available at: https://msn.khnu.km.ua/pluginfile.php/257466/mod_resource/content/1/Translator-editor_reference_book_02-2015_Moiseenko.pdf (accessed 22.02.2020).
5. *Natsional'nyi korpus russkogo yazyka* [National corps of the Russian language], available at: <http://www.ruscorpora.ru/search-main.html> (accessed 22.02.2020).
6. *British National Corpus*, available at: <https://corpus.byu.edu/bnc/> (accessed 22.02.2020).
7. *Corpus of Contemporary American English*, available at: <https://corpus.byu.edu/coca/> (accessed 22.02.2020).
8. *Google Books Ngram Viewer*, available at: <https://books.google.com/ngrams> (accessed 22.02.2020).
9. Ozhegov, S.I. and Shvedova, N.Yu. (2006), *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language], 4th ed., OOO «A TEMP», Moscow, RUS.
10. Kraifman, M. (2014), *Frantsuzskaya pnevmaticheskaya lodka s bagazhnikom* [French Pneumatic Boat with a Trailer], available at: <https://www.mk.ru/science/2014/06/20/francuzy-postroili-pnevmaticheskuyu-lodku-s-bagazhnikom.html> (accessed 22.02.2020).
11. Milchin, A.E. (2005), *Metodika redaktirovaniya teksta* [Text Editing Technique], 3rd ed., Logos, Moscow, RUS.

Information about the author.

Alexander A. Murzakov – Can. Sci. (Philology) (2013), Lecturer at the Department of Applied Linguistics, Kuban State University, 149 Stavropolskaya str., Krasnodar 350040, Russia. The author of 5 scientific publications. Area of expertise: translation studies, applied linguistics, corpus linguistics. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6509-1885>. E-mail: murzakov1@gmail.com

On the Divergence of Voiced Lateral Approximants in Indo-European languages

Georgiy M. Telezhko✉

Sole Proprietorship, St Petersburg, Russia

✉yurate@bk.ru

Introduction. This article is based on the results of a comparison of a number of Serbo-Croatian/Slovenian lexemes with a palatal lateral approximant [ʎ] and Western Slavic lexemes with a velarized lateral approximant [ɮ] with related lexemes in Slavic and other Indo-European (IE) languages. It is shown that the Balkan-Slavic [ʎ] irregularly corresponds to the phonemes [l'] and [j] of other Slavic languages and even some IE languages beyond the Slavic group. It is also shown that the West Slavic [ɮ] irregularly corresponds to the phonemes [l] and [w]/[v] of other Slavic and IE languages. Because of this irregularity, these phonetic correspondences are difficult to explain with local dialect features.

Methodology and sources. A model based on the generalization of instrumental studies that showed that palatal sounds are characterized by instability of articulation is proposed. This leads to their divergent evolution, transformation into sounds with different stable zones of articulation.

In the proposed model, the Proto-Indo-European (PIE) voiced lateral approximants *[ɮ] and *[ʎ], forming the opposition "hard consonant – soft consonant", in the process of phonetic evolution in IE languages were split into variants with a clearer articulation: velarized *[ɮ] > solid alveolar lateral [l] and bilabial fricative [w]; palatal *[ʎ] > soft alveolar lateral [l'] and palatal approximant [j]. Besides, the original consonants have survived in a number of languages.

Results and discussion. Examples of correspondences are given to suggest the presence of *[ɮ] and *[ʎ] in PIE and Common Slavic prototypes. The newly discovered etymological links, such as the links between Russian lexemes баня 'bath' and балий, бальник 'healer, sorcerer' are being discussed.

Conclusion. With the help of the mechanism of divergent evolution of the palatal lateral approximant *[ʎ] and the velarized lateral approximant *[ɮ] the irregularity of phonetic correspondences of voiced lateral approximants in Slavic languages can be uniformly explained.

Besides, the acceptance of *[ʎ] and *[ɮ] in PIE phonology also lets us to establish some previously undetected etymological relations.

Keywords: palatal, velarized, lateral, approximant, phonetic divergence, articulation, Common Slavic language, Proto-Indo-European language.

For citation: Telezhko G. M. On the Divergence of Voiced Lateral Approximants in Indo-European languages. DISCOURSE. 2020, vol. 6, no. 3, pp. 128–136. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-3-131-139

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 09.04.2020; adopted after review 13.05.2020; published online 25.06.2020

© Telezhko G. M., 2020

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

О дивергенции звонких боковых аппроксимантов в индоевропейских языках

Г. М. Тележко✉

Индивидуальный предприниматель, Санкт-Петербург, Россия

✉yurate@bk.ru

Введение. Данная статья построена на основе результатов сравнения ряда сербохорватских/словенских лексем с палатальным боковым аппроксимантом [ʎ] и западнославянских лексем с веляризованным боковым аппроксимантом [ɟ] с родственными лексемами в славянских и других индоевропейских (ИЕ) языках. Показано, что балканославянский [ʎ] нерегулярно соответствует фонемам [l'] и [j] других славянских языков и даже некоторых ИЕ языков за пределами славянской группы. Показано также, что западнославянский [ɟ] нерегулярно соответствует фонемам [l] и [w]/[v] других славянских и ИЕ языков. Из-за этой нерегулярности эти фонетические соответствия трудно объяснить местными диалектными особенностями.

Методология и источники. Предлагается модель, основанная на обобщении инструментальных исследований, показавших, что палатальные звуки характеризуются нестабильностью артикуляции. Это ведет к их дивергентной эволюции, превращению в звуки с различными устойчивыми зонами артикуляции.

В предложенной модели праиндоевропейские (ПИЕ) звонкие боковые аппроксиманты *ɟ и *ʎ, образующие оппозицию «твердый согласный – мягкий согласный», в процессе фонетической эволюции в ИЕ языках расщеплялись на варианты с более четкой артикуляцией: веляризованный *ɟ > твердый альвеолярный боковой [l] и билабиальный фриктив [w]; палатальный *ʎ > мягкий альвеолярный боковой [l'] и палатальный аппроксимант [j]. Помимо этого в ряде языков сохранились и оригинальные согласные.

Результаты и обсуждение. Приведены примеры соответствий, позволяющие предполагать наличие *ɟ и *ʎ в ПИЕ и общеславянских прототипах. Обсуждаются первые обнаруженные этимологические связи, например, связи между русскими лексемами баня и балий, бальник 'целитель, колдун'.

Закключение. Нерегулярность фонетических соответствий звонких боковых аппроксимантов в славянских языках может быть единообразно объяснена с помощью механизма дивергентной эволюции палатального бокового аппроксиманта *ʎ и веляризованного бокового аппроксиманта *ɟ.

Кроме того, допущение *ʎ и *ɟ в ПИЕ фонологии позволяет установить ранее не обнаруженные этимологические связи.

Ключевые слова: палатальный, веляризованный, боковой, аппроксимант, фонетическая дивергенция, артикуляция, общеславянский язык, праиндоевропейский язык.

Для цитирования: Тележко Г. М. О дивергенции звонких боковых аппроксимантов в индоевропейских языках // ДИСКУРС. 2020. Т. 6, № 3. С. 128–136. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-3-131-139

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 09.04.2020; принята после рецензирования 13.05.2020; опубликована онлайн 25.06.2020

Introduction. In the Balkan-Slavic languages phonology, besides the “soft” alveolar lateral approximant [l'], there is a voiced palatal sound [ʎ], the articulation of which differs from that of [l']. The palatal lateral approximant [ʎ] is displayed in these languages as following:

– by the letter љ (the ligature of л и њ) in Serbian and Macedonian;

– by the digraph *lj* in Croatian.

Similarly, in the West-Slavic languages phonology, besides the “hard” alveolar lateral approximant [l], there is a voiced velarized sound [ɫ], the articulation of which differs from that of [l]. This sound opposes to [ɭ] by the attribute of hardness, as well as [l] opposes [lʲ]. The sound [ɫ] is displayed by the letter *l* in words of Polish, Kashubian, Slovenian and Lusatian languages before consonants and non-front vowels. In Old Polish this sound was pronounced without contact of the tongue with the alveoli and with a slight lip rounding.

However, the explanation of articulation differences by regional dialect features is not entirely satisfactory, since the correspondence “South Slavic [ɭ] ~ Slavic [lʲ]”, as well as the correspondence “West Slavic [ɫ] ~ Slavic [l]”, is not regular. This irregularity, obviously, does not depend on any combinatory or positional conditions, what could be observed comparing Serbian *гљива* ‘mushroom’ < Proto-Slavic **gliva* and *гљиб* ‘mud’ < Proto-Slavic **glibъ*, as well as in the following examples:

– an Old Serbian toponym *Скопље* [skopɭe] in Macedonian is pronounced with [j] – *Скопје* [skop'je], and pronounced with [lʲ] in Russian – *Скопле* [skopl'e];

– but the Slavic words for ‘spear’ with the same environment of [ɭ] in Serbo-Croatian *копље* [kopɭe] have the transcriptions: in Slovenian – like in Macedonian above, with [j] – *kopje* [kop'je], but in Russian – not with [lʲ] as above, but also with [j] – *копье* [kop'jo], similar with Old Slavic *копиѥ* [kopije] (see «копье» in [1]);

– the words for ‘boyar’ with [ɭ] in intervocalic position in Serbo-Croatian *бољарин* [boɭarin] have different correspondences with palatal [ɭ] in Old Slavic and Old Russian, cf. Old Slavic *бољаринъ* [bol'ɛrinъ] with Russian *боярин* [bojarin] (see «боярин» in [1]);

– but the words for ‘sparrow’ with [ɭ] in the end of Slovenian dialectal *vrábelj* [wrabeɭ] [2, p. 154, 157], in Russian Church Slavic and in Russian have coinciding correspondences: with [j], cf. Church Slavic *вѣрабиѥ* [vrabij] with Russian *воробей* [vɔrɐbej] (see «воробей» in [1]);

– Polish word *dół* ‘dale’ with [ɫ] in the final position corresponds to Upper Lusatian *dól* and Slovenian *dól* also with [ɫ] in the final position, while there is Czech *důl* with [l] in the final position (see «дол» in [1]);

– Polish word *kół* ‘pike’ also with [ɫ] in the final position and in the same environment also corresponds with High Lusatian *kól* with [ɫ] in the final position and Czech *kůl* with [l] in the final position, but Slovenian *kól* has [l] in the final position, see «кол» in [1];

– similarly, cf. Ukrainian *вовк*, Old Russian *вълкъ*, Old Slavic *вълкъ*, Slovenian *vôlk*, Czech *vlk* with Ukrainian *толк*, Old Russian *тълкъ*, Old Slavic *тълкъ*, and with Ukrainian *полк*, Old Russian *пѣлкъ*, Old Slavic *пѣлкъ*, Czech *pluk* ‘heap’, Polish *pulk* ‘regiment’ (see «волк», «толк», «полк» in [1]), where the irregular correspondence of Ukrainian [w]/[l] ~ Old Russian, Old Slavic and Czech [l] ~ Polish and Slovenian [ɫ] is observed.

The aim of this article is an attempt to justify divergent mechanisms * $[ɭ] > \{[ɭ], [lʲ], [j]\}$ and * $[ɫ] > \{[ɫ], [l], [w]\}$, which could explain given irregularities.

Methodology and sources. The palatal [ɭ] is not only specific for Balkan-Slavic languages but also for a number of Roman and some other languages (for example, in Spanish, French and Italian it is denoted by *ll*, *ill* and *gli* combinations of letters). Roman [ɭ] in Slavic languages is usually transcribed as [j], for example, a Spanish toponym *Mallorca* [maɭorka] is transcribed as [majorka] (Russian *Майорка*). The transcription [mal'jorka] (Russian spelling: *Мальорка*) is,

probably, influenced by the transliteration of the word, as well as Russian *бульон* is influenced by transliteration of French *bouillon* [bujɔ̃], however, *ill* in *bouillon* points to the lateral approximant *[ɭ] in the ancestor of French *bouillon* which had evolved into [j]. An Italian example of preservation of *[ɭ] is *tagliare* [taʎ'ʎare] 'to cut', cf. with Latin *taliō* 'I cut', Romanian *tăia* 'to cut', which comparison promptly shows all the three above mentioned possibilities of evolving of *[ɭ].

We will try to show a possible reason for different pronunciation of the palatal [ɭ] in Slavic languages.

Instrumental measurements performed by D. Recasens have shown that the palatal [ɭ] in languages where it exists is characterized with uncertain, unstable articulation, and may be described differently in different cases: as palato-alveolar, postalveolar or postalveolar-prepalatal [3, p. 22]. Being unstable the articulation place of the palatal consonant [ɭ] tends to move to one of more stable positions: either closer to the alveoli (i. e. forward), evolving to [l'], or backward to the soft palate, with creation of [j].

We have the right to assume that if the sound [ɭ] was used on the Common Slavic phase of Slavic languages evolution, then, due to its instability, the range of its articulation variants during the phonetic evolution process was supposed to include the extreme variants [j] and [l'] which we observed in the examples with the name of Serbian town *Скопје / Скопле*, the French borrowing *бульон* [bul'jon] from *bouillon* [bujɔ̃], the name of Spanish island *Майорка / Мальорка* and in related Italian *tagliare*, Latin *taliō* 'cut', Romanian *tăia*.

The above assumption permits us to trace the signs of palatal *[ɭ] presence in words of the Proto-Slavic language phase, namely:

- the presence of [ɭ] which is denoted with the letter ѣ in Serbian or Macedonian analogs (or with digraph *lj* in Croatian or Slovenian analog), while there is [j] or, possibly, [l'] in the same position in etymologically related words;

- fluctuation [l'] ~ [j] (or [i]) in etymologically related words.

In Russian, Old Slavic and Serbo-Croatian words with the meaning 'boyar' (see above) we can see both of these signs of palatal *[ɭ]'s presence in the ancestor word [4].

Common Slavic *[ɭ] split resulted mainly in [l'] in words of East-Slavic languages in the position between a word stem ending with a labial consonant and an ending. This sound is considered as the result of an epenthesis, for example, in Russian *земля* (see «земля» [1]), and not as a suffix or a part of it, but here it does not matter as the epenthesis / suffix may have appeared as *[ɭ] on the Common Slavic phase.

Uncertain double articulation of velarized lateral approximant *[ɮ], just as in the case of wide range of palatal lateral approximant pronunciation, also tended to the articulation place displacement to one of the two more stable positions. As previously, we have the right to assume that if the sound *[ɮ] was used on Common Slavic phase of Slavic languages evolution, the trend of its articulation to certainty was supposed to spawn new variants, namely, [l] (with purely alveolar articulation) and [w] (with bilabial articulation).

The signs of approximant *[ɮ] presence in words of the Common Slavic language phase (possibly, also in words of the earlier phases) can be formulated the following way:

- the presence of letter *l* in a West-Slavic (Slovenian, Polish and Lusatian) word, for example as in Slovenian *vôlk* (see «волк» in [1]), Polish *pulk* 'regiment', while there is [l] or, possibly, [w] in the same position in etymologically related words;

– the alternation [l] ~ [w] / [v] in etymologically related words, for example as in Ukrainian *вовк*, Old Russian *вълкѣ*.

Results and discussion. Here are several examples of groups of Slavic words signifying presence of *[ʎ] in Common Slavic prototypes:

– ‘ground’: Russian, Ukrainian, Belorussian *земля*, Old Russian, Old Slavic *земля*, Serbo-Croatian *zěmlja*, Slovenian *zémĵa*, Polish *ziemia*, High Lusatian, Low Lusatian *zetja* (see «земля» [1], the both signs are detected);

– ‘drop’: Old Slavic *капля*, *капиѣ*, Ukrainian *ка́пля*, Serbo-Croatian *ка̀пља*, Slovenian *káplja*, Polish *kapla*, *kapia* (see «капля» [1], the both signs are detected, the split of *[ʎ] is particularly noticeable in Old Slavic and Polish analogs);

– ‘spear’: Russian *копье*, Old Slavic *копиѣ*, Serbo-Croatian *ко̀пље*, Slovenian *korje*, словц. *korja*, польск. *korja*, Low Lusatian *korje* (see «копье» [1]);

– ‘ant’: Russian *муравей*, Ukrainian *муравель*, Russian Church Slavic *мравии*, Slovenian *mrávlja* ([mrawʎa]), High Lusatian *trawja* (see «муравей» [1], here are the both signs);

– ‘sparrow’: Russian *воробей*, Ukrainian dialectal *горобель*, Russian Church Slavic *врабии*, Slovenian *vrábelj* ([wrabeʎ]) (see «воробей» [1], the both signs are detected);

– ‘obey’, ‘watch’: Russian *блюсти*, *наблюдать*, Belorussian *блюсьць*, Old Slavic *блюдж*, *блюсти* «хранить, соблюдать», Old Serbo-Croatian *блудем*, *блусти* (see «блюду» [1], there is no [j] in Slavic analogs, but cf. with related Gothic *anabiudan* ‘to order’ with [i] in the position of Slavic [l] and [ʎ]).

Assuming debatably that *[ʎ] used to be a part of source stems of Russian verbs *баять* ‘to tell, to witch’ and *таять* ‘to thaw, to melt’ as a formant, we could have got the following interesting synchronic etymological relations:

a) the divergence of the stem *[baʎ-] > {[bal'-] > [bal-]; [baj-]} examples:

– *[bal'-], [bal-] > Russian dialectal *балить* [balit'] ‘to chat, to joke’ (related to *баять* [1, see «балить»], pay attention also to North Frisian *bālen* ‘to speak’ – commentary of Trubachev, referring to Holthausen, to the article «баю» [1]);

– further on, Russian *балий* ‘healer’ (cf. Old Slavic *баловати* ‘to care, to cure’, *бальник* ‘healer, sorcerer – the evolution of meanings from ‘to tell; to conjure’ to ‘to cure’ is similar to drift from *врати* ‘to tell’ to *врач* ‘healer’, see «балий» [1]);

– *[baj-] > *баять* [bajat'], *баить* [bajit'] ‘to tell; to witch, to cure (Russian Church Slavic)’ (see «баю» [1]);

– interestingly, here is also related *[baʎna] > North Russian dialectal *байня* / *байна* ‘bathhouse’, see «банить» [5], further on to Russian *баня* ‘bathhouse’ with assimilation of the palatal [ʎ] and [ɲ] (the semantics is: people used to be healed in bathhouses; morphologically: *баю* : *байня* = *мылю* : *мыльня* = *мелю* : *мельня* = *стреляю* : *стрельня* / *стрельна* = *бью* : *бойня*);

b) the divergence of the stem *[taʎ-] > {[tal'-] > [tal-]; [taj-]} examples:

– [tal'-], [tal-] > Russian *талый* ‘melted’, *тал*, *тальник* ‘willow(s)»; contrary to Vasmer (see «тал» [1]), the last two words are native Russian, since willows are common in the area of Slavs settlements – the semantics is as follows: willows bloom before the snow melts; Permian dialectal *тальмень* ‘taimen’ (see «таймень» [1]) can also be explained via snow melting: taimens prefer cold water, so they tend to move to waters of thawed swamps;

– *[taj-] > Russian *таять* ‘to melt’, Ukrainian, Old Russian *таяти*; *таймень* (Siberian *taimen*, Latin *Hucho Taimen*, see the semantics for *талень* above);

– here is also, possibly, *[taʎa] > *тайна* ‘mystery’, in case if the semantics of stealth (see «тайна» [1]) evolved later and *таить* ‘to conceal’ was originally ‘to make melt ~ to make disappear’; morphologically, *таять* / *таить* : *тайна* : *тальник* = *баять* / *баить* : *байна* : *бальник*’.

The stem *[baʎ-] is etymologically connected at least with one lexeme outside Slavic, namely, North Frisian word *bālen*, however, *баня* is considered to be connected also with Latin *balneum* ‘bathhouse, bath, bathing’ (usually as the source for borrowing) and Ancient Greek *βαλανεῖον* ‘bathhouse, bath, bathing’. Here is also Italian *bagno* [banno] ‘bath; bathhouse’ (see «баня» [1]) with assimilation of palatal ancestors [ʎ] and [ɲ], just like in *баня* [4].

The stem *[taʎ-] has also cognates outside Slavic language group, which are related to *таять*:

– with Arian: Ossetian *тайын* ‘to melt’, Ancient Indian *tōyam* ‘water’ (see «таю» in [1]);

– with German: Old English *talwgh* – the source of *tallow* ‘solid animal fat’, Middle Low German *talg*, Middle Dutch *talch* – the same, i. e., «melted» – referring to Harper, they do not have any etymology outside German (Search: *tallow* in [6]); however, Middle Irish *delt* ‘dew’ and Old Armenian *ւեղ* [tel] ‘heavy rain’ are also considered as related to *tallow* (<look up> *tallow* in [7]).

At first sight, the meaning of English *tallow* and German related lexemes is far from the meaning ‘to melt’, but the semantic relation of the meaning ‘fat’ and the meanings ‘dew’, ‘moisture’, ‘to pour’, ‘to melt’ can be confirmed by the semantic parallel in Russian: *лить* ‘to let liquid move from a vessel, to produce a liquid stream, a flow’ (see «лить» [1]) and related *лой* ‘fat’ (see «лой» [1]), and also by the combination of meanings of *волога* ‘fatty liquid’ – ‘moisture’ (see «волога» [1]).

So the assumption of the Common Slavic *[ʎ] and the divergence of its articulation caused by the instability of its articulation place not only logically explains the irregular correspondence of Balkan-Slavic [ʎ] to phonemes [lʲ] and [j] of other Slavic languages but is also useful revealing etymological relations which have not been noticed up to now, such as *баня*, *байня* ‘bathhouse’ ~ *бальник* ‘healer’ ~ *балить*, *баять* ‘to tell, to witch’.

External relations of *блюсти* and the morphemes *[baʎ-], *[taʎ-] with the alternation [l] ~ [j] in related lexemes of non-Slavic languages permits us consider the process *[ʎ] > {[j]; [ʎ]; [lʲ]} as not exclusively Common Slavic.

Reconstruction of Common Slavic prototypes which contain *[ʎ] is beyond the scope of this article. As an example, we could mention Proto-Slavic **gliva* (the now suggested prototype for Serbian *гљива* ‘mushroom’, (<look up> *гљива* [7]) which is likely to take the form **[gʎiva]*. Besides, although the consideration of particular verb forms ending with -лю, -лять (for example *любить* > *люблю*, *влюблять*) is relevant to the topic of this article, it should be done in a context wider than defined by the given topic.

The split *[ʎ] > {[ʎ], [l], [w]} is also seen beyond Slavic languages. Here beneath are examples of words whose prototypes may contain the lateral approximant *[ʎ].

Lexemes related to Russian *луг* ‘meadow’:

– with *[ʎ]: Polish *łęg*, *łęg* ‘swamp, forest in the swamp, marshy meadow’, Upper Lusatian *luh*, Lower Lusatian *lug* ‘grassy swamp’ (see «луг» [1]);

– with *[ɥ] > [l]: Old Slavic *лжъ*, Russian, Ukrainian *луз*, Serbo-Croatian *луџ* ‘lowland forest, cane, reeds’, Bulgarian *лъз(ѣт)* ‘flat, low place under a small forest, grove, shrub, meadow’, Slovenian *loč* ‘forest in a low place’; Danish *lung* ‘swampy soil’, Swedish toponym *Lungen* is probably a borrowing from Slavic (see «луг» [1]);

– with *[ɥ] > [w] / [v]: Old Prussian *wangus* ‘meadow’, Old Lithuanian *vanga* – the same, Gothic *waggs* ‘Heaven’, Old Saxon *wang* ‘field’, Old Icelandic *vangr* ‘field, meadow’, the connection of which with *луз* used to remain unclear (see «луг» [1]);

– with elision of *[ɥ]: Old Norwegian, Danish *eng* ‘meadow’, Swedish *äng* ‘meadow’ (despite the meanings mismatch, sometimes these words are considered as going back to German words with the meaning ‘narrow’ (<look up> *eng* [7]).

Lexemes related to Russian *солодкий* ‘sweet’:

– with *[ɥ]: Polish *ślodki*, High Lusatian *ślódki*, Low Lusatian *ślodki* (see «солодкий» [1]);

– with *[ɥ] > [l]: Russian, Ukrainian *солодкий*, Belorussian *солóдкі*, Old Slavic *сладъкъ*, Bulgarian *сладък*, Serbo-Croatian *сладак*, *сла́тка*, *сла́тко*, Slovenian *sládek*, *sládka*, Czech, Slovak *sladký* (see «солодкий» [1]);

– with *[ɥ] > [w] / [v]: Sanskrit *svadus* ‘sweet’, Latin *suavis* ‘pleasant’, *suadere* ‘persuade’, Old English *swete* ‘pleasant’, Old Saxon *swoti*, Old Frisian *swet*, Old High German *swuozī* (Search: *sweet* [6]);

– with elision of *[ɥ]: Ancient Greek *ἡδύς* ‘sweet, delicious’, Swedish *söt*, Danish *sød*, Middle Dutch *soete*, Dutch *zoet*, German *süß* (Search: *sweet* [6]).

Lexemes related to Russian *солнце* ‘sun’:

– with *[ɥ]: Polish *słońce*, Upper Lusatian *slónco*, Lower Lusatian *shyńco* (see «солнце» [1]);

– with *[ɥ] > [l]: Old Russian *сѣльнице*, Old Slavic *слѣньце*, Bulgarian *слѣнце*, Slovenian *soľnce*, Czech *slunce*, Slovak *slnce*; Lithuanian *sáulė*, Latvian *saule*, Old Prussian *saule*, Gothic *sauil*, Cymric *haul*, Latin *sōl*, Greek *ἥλιος*, Homeric *ἥέλιος*, Doric *ἄέλιος* ‘sun’, Albanian *hyll*, *yll* ‘star’ (see «солнце» [1]), Albanian probably influenced by Turkic: Turkish *yıldız*, Uzbek *yulduz* (dialectal *йўллуз*) ‘star’;

– with *[ɥ] > [w] / [v]: Tocharian A *swāñce*, Tocharian B *swāñco*, *swāñcai*- ‘ray (of light, sunshine)’, Hittite *siwatt*- ‘day’ (?) [8, Meaning ‘sun’], Ancient Indian *svar*- Vedic Sanskrit *sívar* ‘sun, light, sky’, Avestan *hvarə*, gen. *χvəŋg* ‘sun, sunlight’ (see «солнце» [1]), with alternation [r] ~ [n] in the end of the stem;

– with elision (or assimilation) of [ɥ]: Ukrainian *сонце*, Serbo-Croatian *су́нце*, Ancient Indian *sūras*, *sūryas*, Ossetian *хур*, Gothic *sunno*, Old High German *sunna* ‘sun’ (see «солнце» [1]), with the alternation [r] ~ [n] in the end of the stem.

Lexemes related to Russian *таять* ‘to thaw, to melt’, English *tallow* ‘fat’:

– with *[ɥ]: Old Armenian *տեղ* [teɫ] ‘heavy rain’;

– with *[ɥ] > [l]: Russian *талый* ‘melted’ (remember Russian *тальник* ‘willows’ with *[ʌ] > [l]), Middle English *talwgh* ‘fat’, Middle Irish *delt* ‘dew’ (<look up> *tallow* [7]);

– with *[ɥ] > [w] / [v]: English *thaw* ‘to melt’, Old English *þawian* ‘to melt something’ Old High German *douwen*, *dewen* ‘to melt’ (Search: *thaw* [6]);

– with elision of *[ɥ]: Sanskrit *toyam* ‘to melt’ (Search: *thaw* [6]), Ancient Greek *τήκω* ‘to melt something’.

Ancient Indian verb *toyam* ‘to melt’ in the last example, more likely, should be considered as the result of alternation $*[\text{t}] \sim *[\text{ʎ}]$ (just like $*[\text{l}] \sim *[\text{l}']$ in *лой ~ лить, тал ~ тальник*) and the divergence of the palatal partner of $*[\text{t}]$: $*[\text{ʎ}] > \{[\text{l}'], [\text{j}]\}$.

Conclusion. The given examples show that products of divergence $*[\text{ʎ}] > \{[\text{ʎ}], [\text{l}'], [\text{j}]\}$ and $*[\text{t}] > \{[\text{t}], [\text{l}], [\text{w}] / [\text{v}], [\text{o}]\}$ exist not only in Slavic languages but also in the languages of all groups of the Indo-European family, what lets us to talk about the existence of the both lateral approximants in the PIE phase of the language evolution. For this reason, we may rewrite some PIE prototypes using $[\text{ʎ}]$, e. g., Proto-Slavic **gliva* (the now suggested prototype for Serbian *гљива* ‘mushroom’) could take the form $*[\text{gʎiva}]$.

Due to the instability of articulation of these sounds, their evolution having led to irregular correspondences:

- $*[\text{ʎ}] > [\text{j}]$ – more frequent in East and West Slavic, in Indo-Iranian;
- $*[\text{ʎ}] > [\text{l}']$ – frequent in East and West Slavic;
- $*[\text{t}] > [\text{l}]$ – more frequent in East and South Slavic;
- $*[\text{t}] > [\text{w}]$ – frequent in Old Baltic, Indo-Iranian, Tocharian and German;
- $*[\text{t}] > [\text{o}]$ – most frequent in Scandinavian.

The acceptance of $*[\text{ʎ}]$ and $*[\text{t}]$ in PIE phonology also lets us to establish some previously undetected etymological relations.

REFERENCES

1. Vasmer, M. (1986–1987), *Russisches etymologisches Wörterbuch*, in Larin, B.A. (ed.), Transl. by Trubachev, O.N., in 4 vol., 2nd ed., Progress, Moscow, RUS.
2. Greenberg, M.L. (2000), *A Historical Phonology of the Slovene Language*, Universitätsverlag, C. Winter, Heidelberg, GER.
3. Recasens, D. (2013), “On the Articulatory Classification of (Alveolo)Palatal Consonants”, *Journal of the International Phonetic Association*, vol. 43, no. 1, pp. 1–22.
4. Telezhko, G.M. (2016), “ON THE DIVERGENCE OF PALATAL LATERAL APPROXIMANT IN SLAVIC LANGUAGES”, *Universum: Filologija i iskusstvovedenije* [Universum: Philology and Art History], no. 12 (34), available at: <http://7universum.com/ru/philology/archive/item/4029> (accessed 26.03.2020).
5. Dal, V.I. (1863–1866), *Tolkovyj slovar'* [Dahl's explanatory dictionary], available at: <http://dic.academic.ru/contents.nsf/enc2p> (accessed 28.03.2020).
6. Harper, D.A., *Online Etymology Dictionary*, available at: <http://www.etymonline.com/index.php> (accessed 29.03.2020).
7. *Wiktionary*, available at: https://en.wiktionary.org/wiki/Wiktionary:Main_Page (accessed 28.03.2020).
8. Starostin, S.A., *Indo-European etymology*, available at: http://starling.rinet.ru/cgi-bin/query.cgi?basename=\data\ie\piet&root=config&morpho=0_ (accessed 29.03.2020).

Information about the author.

Georgiy M. Telezhko – Can. Sci. (Engineering) (1997), Director of IP “Georgiy Mikhailovich Telezhko”, 167-8 Fontanka riv. emb., St Petersburg 190121, Russia. The author of 48 scientific publications. Areas of expertise: comparative linguistics, atmospheric physics, relativity theory. Email: yurate@bk.ru

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем. О. Н. Трубачева; под ред. Б. А. Ларина. 2-е изд. стер. М.: Прогресс, 1986–1987.

2. Greenberg M. L. A Historical Phonology of the Slovene Language. Heidelberg: Universitätsverlag, C. Winter, 2000.

3. Recasens D. On the Articulatory Classification of (Alveolo)Palatal Consonants // J. of the International Phonetic Association. 2013. Vol. 43, № 1. P. 1–22.

4. Тележко Г. М. О дивергенции палатального бокового аппроксиманта в славянских языках // Universum: Филология и искусствоведение: электрон. науч. журн. 2016. № 12 (34). URL: <http://7universum.com/ru/philology/archive/item/4029> (дата обращения: 26.03.2020).

5. Даль В. И. Толковый словарь. 1863–1866. URL: <http://dic.academic.ru/contents.nsf/enc2p> (дата обращения: 28.03.2020).

6. Harper D. Online Etymology Dictionary. URL: <http://www.etymonline.com/index.php> (дата обращения: 29.03.2020).

7. Wiktionary. URL: https://en.wiktionary.org/wiki/Wiktionary:Main_Page (дата обращения: 28.03.2020).

8. Starostin S. A. Indo-European etymology. URL: http://starling.rinet.ru/cgi-bin/query.cgi?basename=\data\ie\piet&root=config&morpho=0_ (дата обращения: 29.03.2020).

Информация об авторе.

Тележко Георгий Михайлович – кандидат технических наук (1997), ИП «Георгий Михайлович Тележко», наб. р. Фонтанки, д. 167, кв. 8, Санкт-Петербург, 190121, Россия. Автор 48 научных публикаций. Сфера научных интересов: сравнительное языкознание, физика атмосферы, теория относительности. E-mail: yurate@bk.ru

Феминизация языка в социально-политическом пространстве России и Франции

Л. А. Ульяницкая✉

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия

✉ulianitckaia_liubov@mail.ru

Введение. Настоящее исследование посвящено рассмотрению процессов феминизации языка и создания инклюзивного письма в контексте социальных преобразований в России и Франции, выявлению общих закономерностей для языков двух стран, сложностей адаптации разработанных новых орфографических и пунктуационных правил, а также выявлению источников сопротивления гендерным преобразованиям в изучаемых языках. Актуальность работы обуславливается все возрастающим интересом социолингвистов и социолингвисток к рассматриваемым вопросам и важностью научной фиксации изменений в русском и французском языках на фоне гендерных процессов последних лет (анализируемый материал охватывает период с 2017 по 2020 г.). Особенности прямой взаимосвязи между социальными изменениями и изменениями в языке раскрываются в статье не только в контексте взаимосвязи феминизации языка и движения феминизма, но и в историческом аспекте.

Методология и источники. Исследование проводилось на материале статей франкоязычных и русскоязычных интернет-изданий, нормативных актов, регулирующих гендерные лингвистические вопросы в России и Франции, данных статистических исследований, толковых и этимологических словарей, национального корпуса русского языка, учебных пособий по инклюзивному письму, видео-репортажей, официальных обращений, интервью. На этапе отбора языкового материала применялся метод сплошной выборки; анализ примеров проводился с использованием синхронического и диахронического подходов, что позволило проследить историческое развитие языков с точки зрения наличия в них феминитивов. Исследование языковых процессов выполнено в рамках социолингвистического подхода. Основная методология исследования феминизации языка и инклюзивного письма включала в себя сопоставительный, дескриптивный, стилистический методы и семантико-синтаксический анализ.

Результаты и обсуждение. Основным результатом исследования стал обзор гендерно-лингвистических особенностей французского и русского языков. Собранный и проанализированный языковой материал позволил сделать выводы о продолжающемся доминировании мужского грамматического рода над женским в случаях, где использование женского грамматического рода допустимо и логично. Изучены нормативные акты, регулирующие использование феминитивов и инклюзивного письма. Обнаружено несоответствие языковой нормы актуальным потребностям общества, а также наличие в обществе заблуждений на тему феминистского движения, неверное толкование его целей, в том числе связанных с феминизацией языка.

Заключение. Язык есть явление социальное, обеспечивающее успешную коммуникацию между его представителями. На протяжении многих лет мы наблюдаем изме-

нения в языке, которые могут изначально восприниматься предвзято и с неприятием, однако, со временем они нивелируются, становятся незаметными и естественными для носителей и носительниц. Феминизация языка есть закономерный процесс, отвечающий гражданским, политическим и личностным потребностям людей, живущих в XXI в.

Ключевые слова: феминизация языка, феминитивы, социолингвистика, гендерные лингвистические реформы, языковая политика.

Для цитирования: Ульяницкая Л. А. Феминизация языка в социально-политическом пространстве России и Франции // ДИСКУРС. 2020. Т. 6, № 3. С. 137–154. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-3-140-159

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 01.06.2020; принята после рецензирования 15.06.2020; опубликована онлайн 25.06.2020

Language Feminisation in Sociopolitical Space of Russia and France

Liubov A. Ulianitckaia✉

Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

✉ulianitckaia_liubov@mail.ru

Introduction. The paper reviews dynamics of language feminisation and inclusive writing emergence in the context of social change in Russia and France, identification of common patterns for the languages of the countries, adaptation difficulties of new elaborated spelling and punctuation rules, as well as identification of sources of resistance to gender reforms in languages considered. The relevance of the study is conditioned by the growing interest of sociolinguists to the issues under consideration and by the importance of scientific record of changes in Russian and French against the backdrop of gender processes of recent years (the analysed material covers the period from 2017 to 2020). The features of direct correlation between social and language changes are reviewed not only within the context of language feminisation and feminism relationship, but also regarding historical aspects.

Methodology and sources. The study was conducted using the materials of French and Russian Internet articles, legal acts governing gender linguistic issues in France, statistical research data, explanatory and etymological dictionaries, Russian National Corpus, inclusive writing Instructional materials, video footages, official statements, interviews. During the selection of language material continuous sampling technique was applied; the analysis of the instances was carried out using both synchronic and diachronic approaches, allowing to look at the historical development of the languages in terms of containing femininitives. The study of language processes is carried out within the framework of sociolinguistic approach. The main methodology of language feminisation and inclusive writing study included comparative, descriptive, stylistic, and semantic-syntactic analysis.

Results and discussion. The main result of the study is a review of the gender linguistic features of French and Russian. The collected and analysed language material allowed to draw the conclusion about an ongoing predominance of masculine grammatical gender over feminine in cases where using feminine grammatical gender would be reasonable and logically sound. Legal acts governing the use of femininitives and inclusive writing were also looked at. An inconsistency between language norm and current society needs, as well as the existence of misconception of feminist movement within society and

misinterpretation of its objectives, including those related to language feminisation, are identified.

Conclusion. Language is a social phenomenon that provides members of society with successful communication. Over the years people have been observing language changes that may have at first be prejudiced or may have faced rejections, but relented over time and became imperceptible and natural for native speakers. The feminisation of language is a logical process that meets civil, political and personal needs of 21st century people.

Key words: language feminisation, feminitives, sociolinguistics, gender linguistic reforms, language policy.

For citation: Ulianitskaia L. A. Language Feminisation in Sociopolitical Space of Russia and France. DISCOURSE. 2020, vol. 6, no. 3, pp. 137–154. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-3-140-159 (Russia)

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 01.06.2020; adopted after review 15.06.2020; published online 25.06.2020

Введение. Социальная значимость языка очевидна, ведь основной функцией языка является коммуникативная; язык есть гарант успешного взаимодействия людей. С точки зрения некоторых ученых именно язык (пусть и в своей самой примитивной форме) позволил нашим предкам *Homo sapiens* одержать первенство над остальными *Номо*, послужив способом более продуктивного сплочения, договоренности, не говоря уже о том, что с развитием языка тесным образом связано и развитие мышления у наших предков [1]. Десятки тысяч лет этот инструмент служит человеку, обеспечивая его реальные потребности и эстетические прихоти. Вполне логической иллюстрацией этой идеи может стать факт непрерывного пополнения словарного состава любого языка за счет новообразованных слов или заимствованных единиц, называемых пуристами и пуристками «варварским загрязнением», а лингвистами и лингвистками «естественным пополнением» языка. Язык сопровождает историю человечества, эпохи становления великих цивилизаций и их распадов, религиозных войн, научных изобретений, политических режимов и государственных переворотов.

Язык является уникальным по своим свойствам предметом изучения науки, который рассматривается, зачастую, в рамках как естественного, так и гуманитарного знания. Так, одной из особенностей языка является его статичность, его неизменность: завтра мы будем говорить точно так же, как говорили вчера, а в широком понимании в XXI в. мы говорим так же, как и в XX, и в XIX, и в XVIII, и в XVII. В этом можно обнаружить сходство с предметом изучения физики, или химии, или биологии: общие законы природы – законы Архимеда, Ньютона, Бойля-Мариотта, Паскаля и Ома – неизменны и описывают явления, которые с момента возникновения Вселенной не отклонялись от предустановленной схемы. Однако при сравнении законов языка и законов природы мы раскрываем двойственность языка как предмета изучения лингвистики. Несмотря на свою кажущуюся статичность, язык изменяется, и мы можем с уверенностью заявить, что язык сегодня не тот же самый, что был год назад, ведь у уже существующих в языке слов могут появиться новые значения (*бомбить* – сбрасывать бомбы, работать на такси, раздражаться; совсем недавними примерами слов, получивших новое семантическое наполнение могут стать: *обнуление, корона, удаленка*) или же в языке появляются новые слова, и можно легко согласиться с тем, что в 2020 г. русский язык состоит из слов, которые пришли в него в начале XXI в.

(менеджер, индексация, рандомно, лайкать, постить), в XX в. (комсомол, луноход, телевиденье, компьютер, перестройка, кибернетика), в XIX в. (влюбленность, интеллигенция, мировоззрение, гуманизм), в XVIII в. (компас, гавань, матрос), в XVII в. (капитан, солдат, шеренга, артиллерия, водка, рюмка, интрига) и т. д. [2].

При всей своей кажущейся статичности, язык – это система динамическая, открытая, подвижная, гибкая, а самое главное – обслуживающая потребности социума в назывании появляющихся в жизни этого социума понятий, предметов, конструктов, ценностей. Переходя из одной эпохи в другую, язык несет на себе печать прошлых времен, что, с одной стороны, помогает нам познать прошедшие эпохи и является нашим лингвокультурным наследием, но с другой стороны, иногда, может быть пережитком, сохраняющим устаревшие нормы и более неактуальные понятия, игравшие важную роль в прошлые этапы жизни общества.

Одним из наиболее обсуждаемых вопросов, связанных с изменениями языка в XXI в., является вопрос о неактуальных андроцентричных закономерностях в языке (здесь и далее в статье речь идет преимущественно о французском и русском языках), являющихся пережитками эпохи патриархата. Вызывающие бурные споры в обществе заявления представителей феминистического движения о необходимости феминизации языка вызывают противоречивые реакции у носителей и носительниц языка, и, несмотря на игнорирования этой проблемы одними и осуждение продвижения подобных идей другими, сам факт существования этих дебатов является доказательством назревшей проблемы, связанной с необходимостью перемен в языке.

Другим аргументом в пользу объективности поднимаемого вопроса служит факт временной синхронии появления схожих дебатов, научных статей, исследований, принятых нормативных актов во многих европейских странах, а также в Соединенных Штатах Америки, Канаде, Австралии: это значит, что явление феминизации языка не есть локальный феномен, но международный, а значит общечеловеческий.

Методология и источники. Методология исследования базируется преимущественно на подходах к вопросам феминизации языка и инклюзивному письму таких авторов, как А. В. Толстокорова, В. Брайсон, Э. Вьено. В работе изучено современное состояние вопроса, проведено сравнение разных точек зрения, а также заостряется внимание на своего рода параллелизме освещения этой проблемы в разных странах. На этапе отбора фактического материала был проведен анализ статей из авторитетных периодических интернет-изданий на французском и русском языках, а также был использован материал популярных сайтов, ориентированных на объявления о трудоустройстве, что позволило получить представление об использовании феминитивов в объявлениях о вакансиях и специализированных статьях на тему трудоустройства женщин. Сайты Французской академии, Официальной газеты Французской Республики, Высшего Совета по вопросам равенства женщин и мужчин были использованы в качестве информационных источников, описывающих разного рода нормативные документы (принятые или находящиеся в разработке) и касающиеся вопросов гендерного равенства в языке.

Результаты и обсуждение. С точки зрения социальных или морально-этических норм появление в языке феминитивов (или феминативов), имен существительных женского рода, образованных от однокоренных существительных мужского рода, обычно означающих

профессии или социальную принадлежность [3], не отличается от появления в языке слов или понятий, называющих новые для социума явления или конструкты (выше уже были приведены примеры слов, еще недавно не существовавших в языке: *электричество, спутник, геймер, референдум* и т. д.). Единственным отличием можно было бы назвать то, что приведенные только что примеры касаются жизни общества вообще, а появление феминитивов связано с идеологией женщин, представителей и представительниц феминистского движения, политических активистов и активисток, защитников и защитниц прав женщин и мужчин. И именно из-за идеологического неприятия идей и мировоззрения других социальных групп, у носителей и носительниц языка могут вызывать отторжение идеи о феминизации языка. Это, впрочем, связано также и с неосведомленностью о характере современного феминистического движения. Не отрицая наличия представителей и представительниц радикального феминизма, современный феминизм все же стоит описывать как четвертую его волну, как движение, которое озабочено не только проблемами получения и соблюдения прав женщин (как это было в XIX и XX вв.), но также и проблемами разного рода социальных и сексуальных меньшинств, а также вопросами расизма, элитарности, классового неравенства, защиты прав детей, интегрирования в активную социальную жизнь людей с инвалидностью, свободы прессы, политических свобод. Тем самым можно заключить, что феминистки и феминисты сегодня – это люди, которые стараются добиться гармоничного сосуществования людей в социуме, создания безопасной и равноправной среды для реализации интеллектуального, профессионального, творческого и личностного потенциала всех его участников и участниц.

Во введении к своей книге «Политическая теория феминизма», британский политолог, профессор, исследовательница в области марксистского феминизма Валери Брайсон пишет о том, «...что практически всю историю своего существования западная политическая теория игнорировала женщин... в которых лишь изредка видят политических субъектов, заслуживающих серьезного внимания. Даже сегодня подобное исключение половины человеческой расы, как правило, либо считается естественным, либо не принимается во внимание как тривиальная оплошность...» [4]. Несмотря на нарочито безапелляционный характер приведенных слов и их, возможно, кажущуюся, излишнюю строгость и резкость, с ними сложно не согласиться. Так как основным предметом исследования в данной статье являются процессы феминизации в том числе французского языка, то мы приведем несколько данных статистических исследований, проводимых во Франции в 2017–2020 гг. и подтверждающих объективное существование разрыва в реализуемых социальных и политических правах у женщин и мужчин. Всего две женщины занимают положение Президента или Генерального Директора среди сорока крупнейших компаний, акции которых торгуются на бирже Euronext Paris [5]. Среди сотрудников и сотрудниц, занимающих руководящие должности или занимающие должности, связанные с более интеллектуальным трудом всего 8 % женщин [6]. На 23,8 % больше зарплата у мужчин, чем у женщин при занимаемой ими одинаковой должности [7]. По мировому индексу равенства зарплат у женщин и мужчин Франция занимает 127 место [8]. У 37 % женщин на собеседовании при устройстве на работу спрашивали, собираются ли они заводить детей в ближайшее время [9]. Среди приглашенных экспертов и эксперток для интервью или дебатов на телевидении женщины представляют 38 % [10]. Начиная с 1976 г. всего одна женщина-режиссер полу-

чила Золотую Пальмовую ветвь на Канском фестивале (Джейн Кэмпбон в 1993 г. за фильм «Пианино»).

Не останавливаясь более на вопросах феминизма, обратимся непосредственно к языковым процессам, получившим название «феминизация языка»: процессам использования форм женского рода у существительных, прилагательных и местоимений там, где классические грамматические правила предписывают использование грамматического мужского рода, признаваемого, даже и без официального теоретического закрепления, как исключаящего из общего термина женский род (на предыдущих страницах этой статьи примерами подобных слов, существующих только в мужском роде, но которые используются и для женского рода могут быть: *предок, ученый, политолог, профессор, президент, эксперт, режиссер*).

Во французском языке легче образовать женский род для многих слов, изменив всего лишь артикль, и не прибегая к изменению слова ни фонетически, ни грамматически: *un/une élève, un/une architecte, un/une journaliste, un/une libraire, un/une interprète, un/une ministre*. Как можно заметить, это относится, в первую очередь, к словам, оканчивающимся на гласную *e*. Такие слова еще называют «des mots épicènes», т. е. не содержащие в себе гендерной маркировки и способные обозначать как женский, так и мужской род. Однако часто встречается использование обобщенного мужского рода (*masculin générique*) для женского рода. Это относится, в первую очередь, к таким словам, как *un employé, un écrivain, un chef, un ingénieur, un professeur, un médecin, un homme* [11]. Такое доминирование мужского рода, воспринимаемое носительницами и носителями как сложившаяся данность, не является естественным развитием языка или же случайностью в процессе «лингвистической эволюции», а скорее планомерной политикой Французской академии, научного учреждения Франции, созданного в 1625 г. для изучения французского языка, литературы и регулирования языковой и литературной нормы французского языка.

В книге налогового учета парижан за 1292 г., проанализированной в 1837 Эркюлем Геродом, содержится большое количество существительных женского рода, обозначающих различные профессии. Эти существительные поражают своим разнообразием, как в сфере женских профессий, так и грамматическими формами образования женского рода: «*Afeteresse de touèles, aiguillère, archière, blaetière, blastière, bouchère, boursière, boutonnière, brouderesse, cervoisière, chambrière, chandelière, chanevacière, chapelière, coffrière, cordière, cordoanière, courtepointière, couturière, crespinière, cuisinière, escuelière, escuière, estuveresse, estuvière, feronne, foacière, fournière, fromagière, fusicienne, garnisseresse d'espée, gastelière, heaulmière, lainière, lavandière, linière, miresse, marchande, mercière, oublaière, ouvrière, pevrière, portière, potière, poulaillère, regratière, serreurière, tainturière, tapecière, tavernière*» [12].

В своей книге «*Le langage inclusif: pourquoi, comment*» («Инклюзивное письмо: почему, как») Элиан Вьено, историк литературы и литературный критик, приводит примеры слов, существовавших во французском языке уже в Средние века: *mairresse, écrivaine, huissière, autrice, doctoresse, inventrice, professeuse* (именно те формы, которые вызывают сейчас самые большие недовольства среди французов). Однако уже в 1767 г. Николя Бозе, французский грамматист, член Французской академии, инициировал процесс «чистки» языка в пользу мужского рода, его известной цитатой является следующая фраза: «Муж-

ской род считается более благородным, нежели женский род из-за превосходства мужчины над женщиной» [13].

Все новые правила сокращали использование женского рода. Согласование прилагательного по ближайшему существительному, которое подтолкнуло Жана Расина, французского драматурга XVII в. написать «*ces trois jours et ces trois nuits entières*» оказалось под запретом. Местоимение 3 лица единственного числа мужского рода «il» в безличных оборотах заменило нейтральное «се» (*il est facile, il est possible, il est probable, il faut, il neige*). Женщины отныне должны были говорить «*Joyeuse, je le suis*», а не «*je la suis*». Кстати, в ответ на запрет использовать местоимение женского рода *la*, но заменять его на мужское местоимение «le» Мадам де Севинье, французская писательница XVII в., сказала: «*Если я буду говорить иначе, то мне будет казаться, что на подбородке у меня выросла борода*» (здесь и далее перевод мой. – Л. У.) [14].

Это лишь несколько примеров, доказывающих природную предрасположенность языка к наличию в нем форм женского рода для обозначения профессий и социальных статусов для женщин. В русском языке можно провести параллель с событиями, которые случились в истории нашей страны относительно недавно: после Великой Октябрьской революции в первые десятилетия становления Советского государства в русском языке появилось большое количество феминитивов, которые сегодня воспринимаются совершенно естественно. Слова, обозначавшие рабочие профессии и новые социальные статусы, роли женщин, – *активистка, революционерка, нэпманка, милиционерка, укладчица, грузчица, вагонщица, контролерша, физкультурница, спортсменка, атлетка, штангистка, шахматистка* и т. д. Мы также не отрицаем и активно используем такие слова, как *учительница, медсестра, продащица, уборщица, писательница, художница, актриса, стюардесса, воспитательница*, хотя они по своей природе ничем не отличаются от вызывающих негодование *авторки, докторши, филологини и президентки*. В связи с этим можно высказать предположение, что нам легче допустить наличие в языке форм женского рода для творческих (т. е. в представлении многих – «несерьезных») профессий и видов деятельности, не требующих высокой квалификации. Когда же речь идет о таких должностях, как *президент, министр, мэр, директор, менеджер*, то признание права за женщиной на занятие ею подобной должности, а, соответственно, и на наличие в языке соответствующей лексики для обозначения ее профессионального или социального статуса, вызывает сомнения, отторжение, иронию, неприятие и даже осуждение.

Интересным является и факт частого игнорирования уже существующих в языке форм в женском роде при обозначении профессий и предпочтение форм в мужском роде. Даже при проведении несложного анализа на материале 20 самых популярных сайтов, посвященных вопросам трудоустройства, при ознакомлении с объявлениями о вакансиях и статьях под заголовками «Лучшие профессии для девушек» [15], «Лучшие женские профессии» [16], «Топ женских профессий 2020» [17] было обнаружено 93 названия профессий. Для названий профессий в мужском роде было проведено уточняющее исследование на материале Национального корпуса русского языка [18], на предмет проверки наличия или отсутствия существующей формы в женском роде. Из 93 названий профессий только 10 были указаны в женском роде, 43 были указаны в мужском при наличии в языке форм женского рода, 40 выявленных названий профессий существуют в языке только в мужском роде:

Названия профессий в мужском роде, не имеющие аналога в женском роде: *архитектор, ученый, инженер, менеджер, аналитик, инструктор, фотограф, флорист, экскурсовод, маркетолог, педиатр, психолог, косметолог, стоматолог, гинеколог, химик, визажист, педагог, пожарный, постижер, дегустатор, кавист, пилот, фармацевт, логопед, промоутер, гид, библиотекарь, тестировщик, технолог, эколог, копирайтер, робототехник, маркетолог, нотариус, оператор, хореограф, балетмейстер, адвокат* (хотя встречается форма *адвокатка* в текстах 1854, 1922 и 1972 гг.), *организатор* (хотя встречается форма *организаторша* в текстах 1925, 1927 и 1937 гг.).

Названия профессий в мужском роде, имеющие аналог в женском роде (для неочевидных или неоднозначных форм в женском роде в скобках указывается соответствующая форма и количество вхождений этой формы в корпусе): *специалист, исследователь, программист, проповедник, художник, певец, конструктор* (*конструкторша*, 1), *оценщик, агент, учитель, воспитатель, кассир, товаровед* (*товароведка*, 1), *бухгалтер, оператор* (*операторша*, 4), *дизайнер* (*дизайнерша*, 1), *тренер* (*тренерша*, 4), *модельер* (*модельерша*, 1), *юрист, врач, дворник* (*дворничиха*), *стилист* (*стилистка*, 3), *секретарь, помощник, упаковщик, парикмахер, ассистент, переводчик, связист, консультант* (*консультантша*, 1), *методист, редактор, официант, репетитор* (*репетиторша*, 2), *мастер, закройщик, лаборант, финансист* (*финансистка*, 3), *пиарщик, журналист, телерадиоведущий, секретарь*.

Названия профессий в женском роде: *актриса, модель, няня, стюардесса, горничная, швея, медицинская сестра, гувернантка, уборщица, танцовщица*.

При проведении схожего исследования на материале французских сайтов с вакансиями и со статьями под заголовками «Top 10 des métiers où le sexe opposé est sous-représenté» [19], «40 Métiers pour Femmes (les préjugés ont la vie dure)» [20], «10 métiers où les femmes sont surreprésentées» [21], «Les 20 métiers les plus typiquement homme ou femme» [22], были обнаружены схожие с Россией закономерности, однако с характерными особенностями. Из 51 названия профессий примерно одинаковое количество названий было в мужском роде, не имеющего аналога в женском роде (11 лексем) и имеющего аналог в женском роде (11 лексем), немногим меньше профессий в женском роде (9 лексем), и столько же профессий, названия которых встретились и в мужском и женском роде (20 лексем), что говорит о тенденции к смене нормы, и более частом использовании феминитивов.

Названия профессий в мужском роде, не имеющие аналога в женском роде: *professeur, secrétaire, bibliothécaire, documentaliste, libraire, personnel de nettoyage, chef de caisse, auxiliaire, prothésiste ongulaire réceptionniste*. Большинство слов в этой группе из-за окончания *-e* являются, скорее, гендерно-нейтральными словами

Названия профессий в мужском роде, имеющие аналог в женском роде: *accompagnateur, éducateur, agent, traducteur, bijoutier, maquilleur, conseiller en image, attaché de presse, intervenant, atsem* (*agent territorial spécialisé des écoles maternelles*), *décorateur d'intérieur*.

Профессии в женском роде: *hôtesse d'accueil/de l'air, laveuse de vitres, institutrice, employée, caissière, pharmacienne, femme de ménage, puéricultrice, sage-femme*.

Примеры профессий, которые встречались и в мужском и женском роде: *coiffeur/coiffeuse, assistant/assistante, infirmier/infirmière, diététicien/diététicienne, charpentier/charpentière, sapeur pompier/sapeuse pompière, mécanicien/mécanicienne, ingénieur/ingénieure, développeur/développeuse informatique, vendeur/vendeuse*.

Несмотря на очевидную актуальность поднимаемой проблематики, необходимо отметить, что вопрос о гендерных реформах в языке остро стоял уже в 70–80-х гг. прошлого века практически во всех странах Европы. Социолингвистка А. В. Толстокорова в своей статье «Гендерно-чувствительная реформа языка как элемент глобальной социальной политики: опыт международного женского движения» подробно раскрывает различные этапы продвижения гендерных лингвистических реформ в разных странах. Приведем несколько примеров:

«...Уже в 1976 г. в США была опубликована первая научная монография, посвященная вопросам гендерного равенства в языке... Начиная с середины 1970-х гг. различные организации Британии стали издавать собственные руководства по корпоративным правилам лингвистической этики, а в 1977 г. Комиссия равных возможностей издала руководство по правилам рекламирования рабочих мест, разработанного на основании “Акта о дискриминации по признаку пола”, принятого в 1975 г. ... В конце 1970-х гг. федеральное правительство Канады издало ряд документов, направленных на гендерную демократизацию обоих официальных языков страны (английского и французского)... В 1984 г. Федеральное правительство Австралии приняло специальный акт, направленный на устранение сексистских штампов в языке государственных документов... В Бельгии в 1987 г. был принят закон, запрещающий указание пола требуемых работников в официальных объявлениях о трудоустройстве, а в 1994 г. было издано первое руководство по употреблению несексистского языка... Во франкоязычном кантоне Женевы в Швейцарии в 1988 г. был принят закон, требовавший соблюдение гендерной нейтральности в языке объявлений о приеме на работу... В 1994 г. в Италии был издан “Гендерный словарь итальянского языка”, а в новое издание “Словаря итальянского языка” в 1995 г. были включены женские формы названий для традиционно мужских профессий... Такие же процессы наблюдались в те же годы еще в ряде других стран: Швеция, Испания, Китай, Япония, Греция, Россия, Украина, Литва... Во Франции в 1984 г. на основании правительственного декрета была создана Комиссия по феминизации названий профессий...» [23].

Одним из инициаторов гендерных лингвистических реформ во Франции является Высший Совет по вопросам равенства между женщинами и мужчинами (Le Haut Conseil à l'égalité entre les femmes et les hommes – HCE). Это независимый консультативный орган, который был создан приказом Франсуа Олланда в 2013 г. и включен в 2017 г. в закон о равенстве и гражданстве, что усилило его сферу влияния и придало еще больший вес выполняемым миссиям. В 2015 г. HCE издает брошюру «Pour une communication publique sans stéréotype de sexe. Guide pratique» («Для коммуникации в обществе без гендерных стереотипов. Практическое руководство»), которая предлагает 10 практических рекомендаций, составленных с целью обеспечения граждан конкретным «инструментом» борьбы с существующим гендерным неравенством не только на уровне поведения, корпоративной этики, но и на уровне языковых форм, используемых и применяемых к женщинам. Среди этих рекомендаций есть связанные с текстом и изображениями в рекламных роликах или плакатах (образ женщины на каблуках и стильном наряде или с детьми и в домашней обстановке приводится как отрицательный пример), направленные на согласование по роду названий профессий, должностей, титулов и званий, а также рекомендации по допустимым вопросам, задаваемым на собеседованиях, и критика задаваемых вопросов преиму-

ественно женщинам на тему их семейного положения, планов по беременности, стратегий совмещения семейной жизни и карьерного роста [24]. Среди прочего в этом руководстве описывается так называемый инклюзивный язык (*language inclusif*) или инклюзивное письмо (*écriture inclusive*). Наравне с феминизацией языка инклюзивная форма является важным аспектом в вопросах гендерных реформ языка и направлена на использование гендерно-нейтральных слов и терминов вместо преимущественного использования слов в мужском роде, а, главное, на включение обоих полов в контекст. Инклюзивное письмо – это совокупность графических и синтаксических приемов, которые обеспечивают равенство в представлении обоих полов в контексте, когда не имеет значения пол того, к кому ведется обращение. Также это руководство призывает исключить из употребления такие выражения как «*chef de famille*», «*mademoiselle*», «*nom de jeune fille*», «*nom patronymique*», использование которых, к тому же, запрещено законом (Циркуляр n°5575/SG от 21 февраля 2012 касательно наложения запрета на использование в официальных документов этих слов) и которые воспринимаются стереотипными ярлыками традиционных общественных ролей. При обращении рекомендуется использование слов, которые включают в контекст и женщин, и мужчин, а не только мужчин, и использовать при этом алфавитный порядок употребляемых слов (*l'égalité femmes-hommes, les lycéennes et les lycéens, les sénateurs et les sénatrices, les Français et les Françaises*). Также авторы этой брошюры указывают на неточность термина «феминизация языка», так как женский род и так уже присутствует в языке, а предлагают употреблять фразу «использование слов в женском роде» [24], с чем автор этой статьи склонна согласиться.

Другим источником по инклюзивному написанию является учебник «*Manuel d'écriture inclusive*» [25], изданный в 2019 г. компанией Mots-Clés под редакцией Рафаэля Адда, который является одной из ключевых фигур в современной Франции в вопросах феминизации языка и инклюзивного написания.

Тремя основными правилами инклюзивного написания являются:

- согласование рода человеческого с грамматическим у слов, обозначающих профессии (*présidente, directrice, chroniqueuse, professeure, intervenante*);

- использование и мужского, и женского рода в каком-бы то ни было случае в алфавитном порядке, разумное использование интерпункта или же использование гендерно-нейтральных слов (*elles et ils font, les membres, les candidat-es à la Présidence de la République*);

- неиспользование антономасий типа l'Homme/Femme («*droits humains*» или «*droits de la personne humaine*», а не «*droits de l'Homme*») [25].

Именно вокруг второго пункта, который многие ошибочно принимают за единственный принцип инклюзивного написания, возникает большинство вопросов.

Уже не раз упоминаемая в этой статье Французская академия высказалась крайне негативно на тему инклюзивного письма. На сайте академии 26 октября 2017 г. появилась статья под заголовком «*Déclaration de l'Académie Française sur l'écriture dite "inclusive"*», которая называет инклюзивное написание «смертельной опасностью» для французского языка [26]. Эта метафора сразу же распространилась по всем СМИ и спровоцировала десятки статей на тему актуальных изменений, исторических предпосылок, политического дискурса, вопросов феминизма и адекватности предлагаемых изменений: «*L'Académie*

française met en garde contre le “péril mortel ” de l’écriture inclusive» [27], «Écriture inclusive: c’est “non” pour Jean-Michel Blanquer» [28], «L’écriture inclusive “abîme la langue française écrite”» [29]. Также Французская академия видит в появлении новых орфографических и синтаксических форм потенциальную причину к разъединению французского языка, которая создаст путаницу, приведет к нечеткости используемых терминов. В декларации мы находим также такие слова: «... Трудно понять, какова цель инклюзивного письма и как оно сможет преодолеть практические препятствия: визуальные при письме и чтении, фонетические – при произношении. Французская академия более, чем любая другая организация, чувствительна к изменениям и нововведениям языка, поскольку ее миссия заключается в их кодификации...» [26].

Вскоре после этого заявления Французской академии 7 ноября 2017 г. во французской версии американского интернет-издания «Slate» была опубликована петиция – заявление от 314 преподавателей и преподавательниц французского языка, «разных уровней и разных слоев общества» о том, что они прекращают использовать в преподавании правило преобладания мужского грамматического рода над женским [30]. Это заявление вызвало сильное неодобрение министра образования Франции Жана Мишеля Бланкера [31].

Вслед за этим 21 ноября 2017 г. Официальная газета Французской Республики (официальная газета, в которой регистрируются все законодательные и нормативные акты, указы, официальные заявления и юридические публикации) публикует циркуляр премьер-министра Франции Эдуара Филиппа «О правилах феминизации и составления текстов» [32]. В этом циркуляре высказывается противоречивая мысль, которая вызвала споры и недоумения у французов и француженок [33, 34]. С одной стороны, премьер-министр заявляет о необходимости следовать официальным грамматическим и синтаксическим правилам, зафиксированным Французской академией, и рекомендует не использовать инклюзивное письмо; с другой стороны, в циркуляре во имя обеспечения равенства между женщинами и мужчинами содержится призыв к использованию феминитивов в том, что касается профессий, званий, титулов, чинов. Эта инструкция противоречит декларации, провозглашенной в 2014 г. Французской академией, которая выступала против форсированной феминизации названий профессий, титулов, должностей. Более того, в этой декларации такие слова, как *professeure*, *recteure*, *sapeuse-pomprière*, *auteure*, *ingénieure*, *procureure*, *chercheure* называются варваризмами. Премьер-министр напоминает также о том, что, как и многие другие языки, французский язык может, в том числе, когда пол человека не берется во внимание, использовать мужской род в качестве общего рода [35].

Тем самым, можно проследить очевидное противоборство между консервативной Французской академией (в которой, кстати, состоят лишь 5 женщин (и 35 мужчин)) и прогрессивным Высшим советом по вопросам равенства между женщинами и мужчинами, а вместе с ним и множеством активных организаций, занимающихся распространением информации, издающих руководства по инклюзивному письму, писателей и писательниц, философов, журналистов и журналисток, и просто французов и француженок.

Статистические исследования показывают, что более 75 % французов и француженок положительно относятся к инклюзивному письму, и кроме статистических исследований, это может быть подкреплено тем, что все больше в прессе встречаются статьи, написанные подобным способом, и все больше государственных учреждений переходят на инклюзивное письмо при общении со своими сотрудниками и сотрудницами [36].

Так, Высший совет по вопросам равенства между женщинами и мужчинами приводит список высших учебных заведений во Франции, которые используют инклюзивное письмо на официальном уровне:

- le Conservatoire national des arts et métiers (Cnam);
- l'École nationale d'administration (ENA);
- l'École normale supérieure (ENS) de Rennes;
- Science Po Toulouse;
- l'université Côte d'Azur, dont l'université de Nice-Sophia-Antipolis;
- l'université Paris-Est-Créteil-Val-de-Marne (Upec);
- l'université Paris Nanterre;
- l'université Toulouse II Jean-Jaurès;
- l'université de Versailles-Saint-Quentin-en-Yvelines.

В большинстве высших учебных заведений использование инклюзивного письма зависит в итоге от факультета или кафедры, сотрудников и конкретных документов. Но в общем и целом, ни одна университетская структура не может легитимно запретить использование инклюзивного письма своим студентам и студенткам [37].

Сторона вопроса, вызывающая наибольшие споры и отторжение в случае инклюзивного письма, – это различные способы графических вмешательств в написании слов. Существует пять различных графических способов инклюзивного написания слов:

- скобки: *un(e) ami(e), les travailleur(euse)s, les professionnel(le)s, les adhérent(e)s*;
- заглавные буквы: *unE amiE, les professionnelLEs, les adhérentEs*;
- дефис: *un-e ami-e, les travailleur-euse-s, les professionnel-le-s, les adhérent-e-s*;
- косая черта: *un/e ami/e, les travailleur/euse/s, les professionnel/le/s, les adhérent/e/s*;
- интерпункт: *un·e ami·e, les travailleurs·euses, les professionnel·les, les adhérent·es*.

При этом первый способ уже давно используется во французском языке (например, в учебниках по грамматике), а последний, на котором в итоге остановились лингвисты, разрабатывающие нормы инклюзивного письма, вызывает больше всего негодования.

Президент ассоциации «SOS Éducation» Клэр Полин приводит такие примеры, комментируя использование интерпункта в инклюзивном написании:

«Vous aimez Proust? Vous allez adorer ça: “En réalité, chaque lecteur·rice est quand il·elle lit, le·la propre lecteur·rice de soi·même.” (Le temps retrouvé)» («Любите Пруста? Тогда вам понравится такое: “В действительности, каждый читатель·ница, когда он·а читает, то является своим·ей собственным·ой читателем·льницей”» (Обретенное время)).

«Vous admirez Molière? Vous allez être séduits par: “Un·e sot·tte savant·e est sot·te plus qu'un·e sot·te ignorant·e.” (Les femmes savantes)» («Восхищаетесь Мольером? Вас восхитит тогда и это: “Глупая·ый ученая·ый более глуп·а, чем глупая·ый дура·к”» (Ученые женщины)) [38].

Противников и противниц подобного написания много [39], одним из аргументов «против» является также отсутствие клавиши с подобным знаком на любой стандартной клавиатуре (в ответ на это уже разработано приложение, которое позволяет скачать виртуальную клавиатуру с этим знаком). Однако они игнорируют тот факт, что сторонники и сторонницы инклюзивного письма в целом относятся к использованию дополнительных графических знаков как к нежелательному, и рекомендуют прибегать к ним только в край-

них случаях, когда другие способы инклюзии невозможны, а также ни в коем случае не призывают говорить «инклюзивно» и относят это лишь к манере письма.

Уже упомянутая организация Mots-Clés в июне 2020 г. организовала онлайн-семинар по обучению инклюзивному письму. Среди прочих заданий, предложенных аудитории, было такое, в котором предлагалось потренироваться в составлении гендерно-нейтральных текстов и попробовать переписать уже существующий текст в гендерно-нейтральной манере. В качестве примера для редакции текста было предложено обращение Эммануэля Макрона к француженкам и французам от 12 марта 2020 г. Приведем несколько примеров по «преобразованию» текста: *mes chers compatriotes* → *cher-es compatriotes / chères concitoyennes, chers concitoyen; les personnels des hôpitaux, médecins, infirmiers, ambulanciers* → *les agent-es qui travaillent au sein des hôpitaux, des Samu, des cabinets ou des ambulances; sont engagés* → *sont engagé-es / s'engagent; grâce à eux parce que tous ont répondu présents* → *ces personnes, car elles sont toutes répondu présentes; à ces héros en blouse blanche* → *ces héroïnes et ces héros; chacun d'entre nous* → *chacun-e / chacun et chacune; tous les salariés* → *salarié-es; je compte sur nous tous* → *l'ensemble d'entre-nous / chacun-e d'entre nous*.

Из-за особенностей морфологии в русском языке сложно представить применение подобных правил графического вмешательства при инклюзивном написании, хотя использование феминитивов, а также гендерно-нейтральных слов начинает практиковаться все больше.

Закключение. Язык есть явление социальное, обеспечивающее успешную коммуникацию между его представителями. На протяжении многих лет мы наблюдаем изменения в языке, которые могут изначально восприниматься предвзято и с неприятием, однако со временем они нивелируются, становятся незаметными и естественными для говорящих на языке. Феминизация языка есть закономерный процесс, отвечающий гражданским, политическим и личностным потребностям людей, живущих в XXI в. Языковая политика государства играет в регулировании этого процесса важную роль, предлагая решение подобных вопросов на законодательном уровне. Однако глобального общеевропейского движения в сторону языкового равенства Франция в полной мере не поддерживает. Так, Франция до сих пор не ратифицировала подписанную в 1992 г. Европейскую хартию региональных языков или языковых меньшинств, хотя Французская Республика зачастую позиционирует себя, как оплот демократии и равноправия.

В России, несмотря на гарантирование Конституцией РФ равных прав и свобод у мужчин и женщин, а также равные возможности для их реализации, на практике, все же, наблюдается проявление гендерной дискриминации. Гендерный разрыв в зарплатах на 2011 г., по данным Росстата, достигает 29 % в пользу мужчин [40]. На этом фоне легко представить, что вопросам о феминизации языка, создании и разработке инклюзивного письма не уделяют должного внимания; проблема гораздо глубже, чем отсутствие в языке названий профессий в женском роде и достаточного количества гендерно-нейтральных слов.

Рассмотрение процессов феминизации языка и создания инклюзивного письма в контексте социальных преобразований в России и Франции приобретает все большую актуальность. Социально-политическое пространство этих стран обнаруживает общие закономерности, и сложности адаптации разрабатываемых орфографических и пунктуационных

правил и в той, и в другой стране сходны. Более того, источники сопротивления гендерным преобразованиям во французском и русском языках имеют, фактически, одну и ту же природу: психологическую инертность человека в вопросах любых преобразований (тем более, таких глобальных, как язык), наличие в государственных структурах, имеющих власть официально изменить лингвистические нормы, людей консервативных, отторгающих идеи феминизма и гендерного равенства в обществе, а также, даже в условиях наличия нормативных документов, регулирующих гендерные вопросы, игнорирование их, что порождает растущее несоответствие между буквой закона и ее реализацией в наших «демократических» обществах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Харари Ю. Н. Sapiens. Краткая история человечества. М.: Синдбад, 2019.
2. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. 2-е изд., стер. М.: Прогресс, 1986–1987.
3. Баданина И. В. Функционирование феминативов в языке интернета // Русский язык в интернете: личность, общество, коммуникация, культура: сб. ст. I Междунар. науч.-практ. конф., Москва, РУДН / под общ. ред. А. В. Должиковой, В. В. Барабаша. 2017. С. 89–94.
4. Брайсон В. Политическая теория феминизма. Введение / пер. с англ. О. Липовской, Т. Липовской / под общ. ред. Т. Гурко. М.: Идея-Пресс, 2001.
5. Fiches «Sociétés» de Boursorama sur les entreprises du CAC 40, 2020. URL: <https://www.boursorama.com/cours/societe/profil/1rPENGI/> (дата обращения: 25.05.2020).
6. Population selon le sexe et la catégorie socioprofessionnelle Données annuelles de 2014 à 2019. URL : <https://www.insee.fr/fr/statistiques/2381478> (дата обращения: 05.05.20)
7. Femmes et hommes, l'égalité en question. Édition 2017 Institut national de la statistique et des études économiques. URL: <https://www.insee.fr/fr/statistiques/2586548> (дата обращения: 25.05.2020).
8. The Global Gender Gap Report 2020. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_GGGR_2020.pdf (дата обращения: 25.05.2020).
9. Observatoire du harcèlement sexuel. 2018. URL: https://www.ifop.com/wp-content/uploads/2018/03/3980-1-study_file.pdf (дата обращения: 25.05.2020).
10. La représentation des femmes à la télévision et à la radio – Exercice 2017. URL: <https://www.csa.fr/Informer/Collections-du-CSA/Travaux-Autres-publications/Rapports-au-gouvernement.-parlement.-etc/La-representation-des-femmes-a-la-television-et-a-la-radio-Exercice-2017> (дата обращения: 25.05.2020).
11. Becquer A., Cerquiglini B., Cholewka N. Femme, j'écris ton nom... Paris : La Documentation française, 1999.
12. Géraud H. Paris sous Philippe-le-Bel: d'après des documents originaux et notamment d'après un manuscrit contenant le rôle de la taille imposée sur les habitants de Paris en 1292. Paris: Hachette Livre NBF, 2017.
13. Viennot E. Le langage inclusif: pourquoi, comment. Paris: iXe, 2018.
14. Vittori J.-M. Non à l'écriture inclusive, oui à d'autres solutions. 2020. URL: <https://www.lesechos.fr/idees-debats/editos-analyses/non-a-lecriture-inclusive-oui-a-dautres-solutions-1181309> (дата обращения: 15.05.2020).
15. Лучшие профессии для девушек. URL: <https://www.profguide.io/article/professions-for-women.html> (дата обращения: 30.05.2020).
16. Лучшие женские профессии. URL: <https://proforientator.ru/publications/articles/professii-dlya-devushek.html> (дата обращения: 30.05.2020).
17. Топ женских профессий 2020. URL: <https://kudapostupat.com/top-zhenskih-professij-2020/> (дата обращения: 30.05.2020).

18. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/new/search-main.html> (дата обращения: 30.05.2020).
19. Top 10 des métiers où le sexe opposé est sous-représenté. URL: https://diplomeo.com/actualite-top_10_metiers_garcons_et_filles (дата обращения: 30.05.2020).
20. 40 Métiers pour Femmes (les préjugés ont la vie dure). URL: <https://www.fichemetier.fr/centre-interet/metiers-pour-femmes> (дата обращения: 30.05.2020).
21. 10 métiers où les femmes sont surreprésentées. URL: <https://www.marieclaire.fr/10-metiers-ou-les-femmes-sont-surrepresentees,832418.asp> (дата обращения: 30.05.2020).
22. Les 20 métiers les plus typiquement homme ou femme. 2013. URL: <https://www.jobat.be/fr/art/les-20-metiers-les-plus-typiquement-homme-ou-femme> (дата обращения: 30.05.2020).
23. Толстокорова А. В. Гендерно-чувствительная реформа языка как элемент глобальной социальной политики: опыт международного женского движения // Журнал исследований социальной политики. 2005. Т. 3, №1. С. 87–110.
24. Pour une communication publique sans stereotype de sexe. Guide pratique. URL: http://www.haut-conseil-egalite.gouv.fr/IMG/pdf/guide_pour_une_communication_publique_sans_stereotype_de_sexe_vf_2016_11_02.compressed.pdf (дата обращения: 30.05.2020).
25. Haddad R. Manuel d'écriture inclusive. Paris: Mots-Clés, 2019.
26. Déclaration de l'Académie Française sur l'écriture dite «inclusive». 2017. URL: <http://www.academie-francaise.fr/actualites/declaration-de-lacademie-francaise-sur-lecriture-dite-inclusive> (дата обращения: 27.04.2020).
27. L'Académie française met en garde contre le «péril mortel» de l'écriture inclusive. 2017. URL: https://www.lemonde.fr/societe/article/2017/10/26/l-academie-francaise-met-en-garde-contre-le-peril-mortel-de-l-ecriture-inclusive_5206492_3224.html (дата обращения: 27.04.2020).
28. Écriture inclusive: c'est «non» pour Jean-Michel Blanquer. 2017. URL: https://www.lepoint.fr/societe/ecriture-inclusive-c-est-non-pour-jean-michel-blanquer-16-10-2017-2164943_23.php (дата обращения: 27.04.2020).
29. Gary N. L'écriture inclusive «abîme la langue française écrite». 2017. URL: <https://www.actualitte.com/article/patrimoine-education/l-ecriture-inclusive-abime-la-langue-francaise-ecrite/85500> (дата обращения: 27.04.2020).
30. Nous n'enseignerons plus que «le masculin l'emporte sur le féminin». 2017. URL: <http://www.slate.fr/story/153492/manifeste-professeurs-professeures-enseignerons-plus-masculin-emporte-sur-le-feminin> (дата обращения: 27.04.2020).
31. Le ministre de l'éducation, Jean-Michel Blanquer, critique l'écriture inclusive. 2017. URL: https://www.lemonde.fr/education/video/2017/11/16/ecriture-inclusive-il-n-y-a-pas-autant-de-grammaires-que-de-professeurs-comment-le-ministre-de-l-education_5215795_1473685.html (дата обращения: 27.04.2020).
32. Circulaire du 21 novembre 2017 relative aux règles de féminisation et de rédaction des textes publiés au Journal officiel de la République française. 2017. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/jo_pdf.do?id=JORFTEXT000036068906 (дата обращения: 27.04.2020).
33. La langue française... et les ministres (La contrattaque de l'écriture inclusive!). 2017. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=y7dR9QRz4t0> (дата обращения: 30.05.2020).
34. En réalité, Édouard Philippe n'est pas contre l'écriture inclusive. 2017. URL: <https://www.slate.fr/story/154139/edouard-philippe-contre-ecriture-inclusive> (дата обращения: 30.05.2020).
35. La féminisation des noms de métiers, fonctions, grades ou titres – Mise au point de l'Académie française. 2014. URL: <http://www.academie-francaise.fr/actualites/la-feminisation-des-noms-de-metiers-fonctions-grades-ou-titres-mise-au-point-de-lacademie> (дата обращения: 30.05.2020).
36. Bonte A. Écriture inclusive: 75 % de la population française y serait favorable, 2017. URL: <https://www.rtl.fr/girls/identites/ecriture-inclusive-75-de-la-population-francaise-y-serait-favorable-7790571400> (дата обращения: 30.05.2020).

37. Liste des signataires de la Convention d'engagement pour une communication publique sans stéréotype de sexe. 2019. URL: <http://www.haut-conseil-egalite.gouv.fr/stereotypes-et-roles-sociaux/actualites/article/liste-des-signataires-de-la-convention-d-engagement-pour-une-communication> (дата обращения: 30.05.2020).

38. Non à l'écriture inclusive! 2017. URL: <https://soseducation.org/nos-actions/nos-petitions/non-a-lecriture-inclusive> (дата обращения: 30.05.2020).

39. Le désir d'égalité n'excuse pas le façonnage des consciences. 2017. URL: https://www.youtube.com/watch?v=D6QdIUzMGeo&feature=youtu.be&fbclid=IwAR3thjngNwKuG0SQGmmA_JkPLHUACeWTuG8HnbZ9lozi15vYXvYe2cGy6ps (дата обращения: 30.05.2020).

40. Лошакова Ю.П. Гендерный анализ российского трудового законодательства // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 12: Психология. Социология. Педагогика. 2014. Вып. 3. С.194–201.

Информация об авторе.

Ульяницкая Любовь Александровна – кандидат филологических наук (2019), доцент кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, 5, Санкт-Петербург, 197376, Россия. Автор более 30 научных публикаций. Сфера научных интересов: языковая политика, социолингвистика, языковые контакты, языковая интерференция. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0163-3243>. Email: ulianitckaia_liubov@mail.ru

REFERENCES

1. Harari, Y.N. (2019), *Sapiens: A Brief History of Humankind*, Syndbad, Moscow, RUS.
2. Vasmer, M. (1986–1987), *Russisches etymologisches Wörterbuch*, Transl. by Trubachev, O.N., in 4 vol., 2nd ed., Progress, Moscow, RUS.
3. Badanina, I.V. (2017), "The functioning of feminatives in the Internet language", *Russkii yazik v internete: lichnost', obchestvo, kommunikatsii, kultura* [Russian language on the Internet: personality, society, communication, culture], in Dolzhikova, A.V. and Barabash, V.V. (eds.), pp. 89–94.
4. Bryson, V. (2001), *Feminist Political Theory: An Introduction*, Transl. by Linovskaya, O. and Linovskaya, T., in Gurko, T. (ed.), Idea-Press, Moscow, RUS.
5. Fiches «Sociétés» de Boursorama sur les entreprises du CAC 40 (2020), available at: <https://www.boursorama.com/cours/societe/profil/1rPENG1/> (accessed 25.05.2020).
6. *Population selon le sexe et la catégorie socioprofessionnelle Données annuelles de 2014 à 2019*, available at: <https://www.insee.fr/fr/statistiques/2381478> (accessed 05.05.2020).
7. *Femmes et hommes, l'égalité en question. Édition 2017 Institut national de la statistique et des études économiques*, available at: <https://www.insee.fr/fr/statistiques/2586548> (accessed 25.05.2020).
8. *The Global Gender Gap Report 2020*, available at: http://www3.weforum.org/docs/WEF_GGGR_2020.pdf (accessed 25.05.2020).
9. *Observatoire du harcèlement sexuel* (2018), available at: https://www.ifop.com/wp-content/uploads/2018/03/3980-1-study_file.pdf (accessed 25.05.2020).
10. *La représentation des femmes à la télévision et à la radio – Exercice 2017*, available at: <https://www.csa.fr/Informer/Collections-du-CSA/Travaux-Autres-publications/Rapports-au-gouvernement.-parlement.-etc/La-representation-des-femmes-a-la-television-et-a-la-radio-Exercice-2017> (accessed 25.05.2020).
11. Becquer, A., Cerquiglini, B. and Cholewka, N. (1999), *Femme, j'écris ton nom...* La Documentation française, Paris, FRA.
12. Géraud, H. (2017), *Paris sous Philippe-le-Bel: d'après des documents originaux et notamment d'après un manuscrit contenant le rôle de la taille imposée sur les habitants de Paris en 1292*, Hachette Livre NBF, Paris, FRA.
13. Viennot, E. (2018), *Le langage inclusif: pourquoi, comment*, iXe, Paris, FRA.

14. Vittori, J.-M. (2020), *Non à l'écriture inclusive, oui à d'autres solutions*, available at: <https://www.lesechos.fr/idees-debats/editos-analyses/non-a-lecriture-inclusive-oui-a-dautres-solutions-1181309> (accessed 15.05.2020).
15. *Luchshie professii dlya devuchek* [The best professions for young women], available at: <https://www.profguide.io/article/professions-for-women.html> (accessed 30.05.2020).
16. *Luchshie zhenskije professii* [The best women professions], available at: <https://proforientator.ru/publications/articles/professii-dlya-devushek.html> (accessed 30.05.2020).
17. *Top zhenskikh professii 2020* [Top of the women professions 2020], available at: <https://kudapostupat.com/top-zhenskih-professij-2020/> (accessed 30.05.2020).
18. *Natsional'nyi korpus russkogo yazyka* [The Russian National Corpus], available at: <http://www.ruscorpora.ru/new/search-main.html> (accessed 30.05.2020).
19. *Top 10 des métiers où le sexe opposé est sous-représenté*, available at: https://diplomeo.com/actualite-top_10_metiers_garcons_et_filles (accessed 30.05.2020).
20. *40 Métiers pour Femmes (les préjugés ont la vie dure)*, available at: <https://www.fichemetier.fr/centre-interet/metiers-pour-femmes> (accessed 30.05.2020).
21. *10 métiers où les femmes sont surreprésentées*, available at: <https://www.marieclaire.fr/10-metiers-ou-les-femmes-sont-surrepresentees,832418.asp> (accessed 30.05.2020).
22. *Les 20 métiers les plus typiquement homme ou femme* (2013), available at: <https://www.jobat.be/fr/art/les-20-metiers-les-plus-typiquement-homme-ou-femme> (accessed 30.05.2020).
23. Tolstokorova, A. (2005), "Gender Sensitive Reform of Language as an Element of the Global Social Policy: Experience of International Woman's Movement", *The Journal of Social Policy Studies*, vol. 3, no. 1, pp. 87–110.
24. Pour une communication publique sans stereotype de sexe. Guide pratique, available at: http://www.haut-conseil-egalite.gouv.fr/IMG/pdf/guide_pour_une_communication_publique_sans_stereotype_de_sexe_vf_2016_11_02.compressed.pdf (accessed 30.05.2020).
25. Haddad, R. (2019), *Manuel d'écriture inclusive*, Mots-Clés, Paris, FRA.
26. *Déclaration de l'Académie Française sur l'écriture dite «inclusive»* (2017), available at: <http://www.academie-francaise.fr/actualites/declaration-de-lacademie-francaise-sur-lecriture-dite-inclusive> (accessed 27.04.2020).
27. *L'Académie française met en garde contre le «péril mortel» de l'écriture inclusive* (2017), available at: https://www.lemonde.fr/societe/article/2017/10/26/l-academie-francaise-met-en-garde-contre-le-peril-mortel-de-l-ecriture-inclusive_5206492_3224.html (accessed 27.04.2020).
28. *Écriture inclusive: c'est "non" pour Jean-Michel Blanquer* (2017), available at: https://www.lepoint.fr/societe/ecriture-inclusive-c-est-non-pour-jean-michel-blanquer-16-10-2017-2164943_23.php (accessed 27.04.2020).
29. Gary, N. (2017), *L'écriture inclusive «abîme la langue française écrite»*, available at: <https://www.actualitte.com/article/patrimoine-education/l-ecriture-inclusive-abime-la-langue-francaise-ecrite/85500> (accessed 27.04.2020).
30. *Nous n'enseignerons plus que «le masculin l'emporte sur le féminin»* (2017), available at: <http://www.slate.fr/story/153492/manifeste-professeurs-professeures-enseignerons-plus-masculin-emporte-sur-le-feminin> (accessed 27.04.2020).
31. *Le ministre de l'éducation, Jean-Michel Blanquer, critique l'écriture inclusive* (2017), available at: https://www.lemonde.fr/education/video/2017/11/16/ecriture-inclusive-il-n-y-a-pas-autant-de-grammaires-que-de-professeurs-comment-le-ministre-de-l-education_5215795_1473685.html (accessed 27.04.2020).
32. *Circulaire du 21 novembre 2017 relative aux règles de féminisation et de rédaction des textes publiés au Journal officiel de la République française* (2017), available at: https://www.legifrance.gouv.fr/jo_pdf.do?id=JORFTEXT000036068906 (accessed 27.04.2020).
33. *La langue française... et les ministres (La contrattaque de l'écriture inclusive!)* (2017), available at: <https://www.youtube.com/watch?v=y7dR9QRz4t0> (accessed 30.05.2020).

34. *En réalité, Édouard Philippe n'est pas contre l'écriture inclusive* (2017), available at: <https://www.slate.fr/story/154139/edouard-philippe-contre-ecriture-inclusive> (accessed 30.05.2020).

35. *La féminisation des noms de métiers, fonctions, grades ou titres – Mise au point de l'Académie française* (2014), available at: <http://www.academie-francaise.fr/actualites/la-feminisation-des-noms-de-metiers-fonctions-grades-ou-titres-mise-au-point-de-lacademie> (accessed 30.05.2020).

36. Bonte, A. (2017), *Écriture inclusive: 75% de la population française y serait favorable*, available at: <https://www.rtl.fr/girls/identites/ecriture-inclusive-75-de-la-population-francaise-y-serait-favorable-7790571400> (accessed 30.05.2020).

37. *Liste des signataires de la Convention d'engagement pour une communication publique sans stéréotype de sexe* (2019), available at: <http://www.haut-conseil-egalite.gouv.fr/stereotypes-et-roles-sociaux/actualites/article/liste-des-signataires-de-la-convention-d-engagement-pour-une-communication> (accessed 30.05.2020).

38. *Non à l'écriture inclusive!* (2017), available at: <https://soseducation.org/nos-actions/nos-petitions/non-a-lecriture-inclusive> (accessed 30.05.2020).

39. *Le désir d'égalité n'excuse pas le façonnage des consciences* (2017), available at: https://www.youtube.com/watch?v=D6QdIUzMCeo&feature=youtu.be&fbclid=IwAR3thjngNwKuG0SQGmmA_JkPLHUACeWTuG8HnbZ9lozi15vYXvYe2cGy6ps (accessed 30.05.2020).

40. Loshakova, Yu.P. (2014), "Gender analysis of Russian labor law", *Vestnik of Saint Petersburg University. Ser. 12. Psychology. Sociology. Education*, iss. 3, pp. 194–201.

Information about the author.

Liubov A. Ulianitckaia – Can. Sci. (Philology) (2019), Associate Professor of the Department of Foreign Languages, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5 Professor Popov str., St Petersburg 197376, Russia. The author of over 30 scientific publications. Areas of expertise: language policy, sociolinguistics, language contacts, language interference ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0163-3243>. Email: ulianitckaia_liubov@mail.ru

В редакцию журнала «ДИСКУРС» необходимо представить:

- по e-mail discourse@etu.ru либо на электронном носителе:
 - электронную копию статьи, подготовленную согласно «Правилам оформления» и «Структуре научной статьи»;
 - отдельный файл для каждого рисунка в формате тех редакторов, в которых они были подготовлены согласно «Правилам оформления». Размещение рисунка в электронной копии статьи не освобождает от его представления отдельным файлом;
 - сведения об авторах (на русском и на английском языках) (1 экз.);
- документы на листах формата А4 (1 экз.):
 - распечатку рукописи (1 экз.), подписанную всеми авторами (объем статьи 20 000–40 000 знаков, включая пробелы). К публикации принимаются статьи на русском и английском языках;
 - рекомендацию кафедры (подразделения) к опубликованию (следует указать предполагаемую рубрику) (1 экз.);
 - сопроводительное письмо (только для авторов, не работающих в СПбГЭТУ «ЛЭТИ») (1 экз.).

Правила оформления текста статьи

Текстовый редактор Microsoft Word версии не ниже 2003.

Формат бумаги А4.

Параметры страницы: поля – верхнее – 2.75 см, правое и левое 2.25 см, нижнее 2.5 см, верхний колонтитул 1.7 см, нижний колонтитул 2 см.

Для создания *формул* используется редактор MathType.

Текст статьи: объем до 1 п. л. (20 000–40 000 знаков, включая пробелы), шрифт «Times New Roman» 12 pt; выравнивание по ширине; междустрочный интервал «Множитель 1.15»; автоматическая расстановка переносов.

Текст в таблицах печатается через одинарный интервал, шрифт «Times New Roman»; основной текст 10 pt, индексы 8 pt, подындекс 6 pt. Нумерационный заголовок содержит слово «Таблица» и ее номер арабскими цифрами. Номер и заглавие таблицы указываются на русском и английском языках.

Рисунки в электронном виде и подписи к ним создаются средствами Word или другими программами [CorelDRAW, Visio, Adobe Illustrator, Excel (с предоставлением оригинала рисунка в электронном виде)] в черно-белом виде. Качество рисунков и фотографий (в форматах .jpeg, .tiff) должно быть не менее 300 dpi. На каждый рисунок и таблицу в тексте статьи необходимо дать ссылку. Каждый рисунок и таблица должны быть пронумерованы (например: рис. 1, табл. 3). Описание содержания рисунка, а также введенных на нем обозначений следует приводить в основном тексте статьи. Подпись под рисунком содержит его номер и название на русском и английском языках. Буквенные обозначения фрагментов рисунка ставятся под фрагментом перед нумерационным заголовком; в тексте ссылка на фрагмент ставится после нумерационного заголовка через запятую (например, рис. 1, а).

На каждый рисунок и таблицу в тексте статьи необходимо дать ссылку. Каждый рисунок и таблица, если в статье их содержится более одного, должны быть пронумерованы (например: рис. 1, рис. 2, табл. 1, табл. 2).

Структура научной статьи

Авторам рекомендуется придерживаться следующей структуры статьи:

Заголовочная часть:

- УДК (выравнивание по левому краю);
- авторы (перечень авторов – ф. и. о. автора (-ов) полностью. инициалы ставятся перед фамилиями, после каждого инициала точка и пробел; инициалы не отрываются от фамилии, если авторов несколько – ф. и. о. разделяются запятыми);
- место работы каждого автора и почтовый адрес организации. Если авторы относятся к разным организациям, то после указания всех авторов, относящихся к одной организации, дается ее наименование, а затем список авторов, относящихся ко второй организации, наименование второй организации и т. д.;
- название статьи;
- аннотация – 200–250 слов, характеризующих содержание статьи;
- ключевые слова – 5–7 слов и/или словосочетаний, отражающих содержание статьи, разделенных запятыми;
 - текст статьи;
 - приложения (при наличии);
 - список литературы (библиографический список);
 - авторская справка.

Англоязычная часть (по порядку расположения и оформлению соответствует русскоязычной части статьи):

- авторы (Authors);
- место работы каждого автора (Affiliation). Необходимо убедиться в корректном (согласно уставу организации) написании ее названия на английском языке. Перевод названия возможен лишь при отсутствии англоязычного названия в уставе. Если авторы относятся к разным организациям, то после указания всех авторов, относящихся к одной организации, дается ее наименование, затем приводится список авторов, относящихся ко второй организации, наименование второй организации и т. д.;
- название (Title);
- аннотация (Abstract);
- ключевые слова (Keywords);
- список литературы (References).
- авторская справка.

Авторство и место в перечне авторов определяется договоренностью последних. При примерно равном авторском вкладе рекомендуется алфавитный порядок. Если авторов несколько, необходимо указать контактного автора по работе со статьей.

Название статьи должно быть информативным, четко отражать ее содержание в нескольких словах. Хорошо сформулированное название – гарантия того, что работа привлечет читательский интерес. Следует помнить, что название работы прочтут гораздо больше людей, чем ее основную часть.

Аннотация представляет собой краткое описание содержания изложенного текста. Она должна отражать актуальность, постановку задачи, пути ее решения, результаты и выводы. Рекомендуется содержание аннотации представить в структурированной форме согласно структуре самой статьи: Введение (Introduction), Методология и источники (Methodology and sources), Результаты и обсуждение (Results and discussion), Заключение (Conclusion).

В аннотации не следует указывать ссылки и сноски, упоминать источники, использованные в работе, пересказывать содержание отдельных параграфов, упоминать цифры и формулы.

При написании аннотации необходимо соблюдать особый стиль изложения: избегать длинных и сложных предложений, излагать мысли максимально кратко и четко. Составлять предложения только в настоящем времени и только от третьего лица.

В русскоязычном издании *Abstract* является для иностранных читателей основным и, как правило, единственным источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований. Зарубежные специалисты по авторскому резюме оценивают публикацию, определяют свой интерес к работе российского ученого, могут использовать ее в своей публикации и сделать на нее ссылку, открыть дискуссию с автором, запросить полный текст и т. д. Текст должен быть связным и информативным; целесообразно при написании резюме использовать Past Indefinite и Present Perfect Tenses.

Рекомендуемый объем – 200–250 слов.

Ключевые слова – набор слов, отражающих содержание текста в терминах объекта, научной отрасли и методов исследования. Рекомендуемое количество ключевых слов/фраз – 5–7, количество слов внутри ключевой фразы – не более 3.

Текст статьи структурируется в определенной последовательности: Введение (Introduction), Методология и источники (Methodology and sources), Результаты и обсуждение (Results and discussion), Заключение (Conclusion).

При необходимости авторы могут вводить дополнительные разделы, например, «Обзор литературы» и т. п.

Благодарности – выражается признательность коллегам, которые оказывали помощь в выполнении исследования или высказывали критические замечания в адрес вашей статьи. Однако, прежде чем выразить благодарность, необходимо заручиться согласием тех, кого планируете поблагодарить.

Источник финансирования – указываются источники финансирования (гранты, совместные проекты и т. п.).

Соблюдение этических стандартов – раздел необходим в том случае, если проводились опыты с участием животных или людей. Подробнее см. <http://pleiades.online/ru/authors/guidelines/ethics-statements/>

Конфликт интересов – авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи. Например, «Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов». Если конфликт интересов возможен, то необходимо пояснение; см. <http://pleiades.online/ru/authors/guidelines/ethics-statements/>

Возможен раздел *Информация о вкладе авторов* (по желанию указывается какая часть работы конкретным автором выполнена при подготовке и написании статьи).

Приложения – при их наличии.

Библиографический список, который включает:

- заголовок «Список литературы»;
- библиографическое описание источника с порядковым номером ссылки на него по тексту статьи, начиная с первого, выполненное по ГОСТ Р 7.0.5–2008.

В ссылках на материалы конференций обязательно указание даты и места их проведения; при ссылках на статьи в сборниках статей обязательно приводятся номера страниц, содержащих данный материал. Во всех случаях, когда у цитируемого материала есть цифровой идентификатор Digital Object Identifier (DOI), его необходимо указывать в самом

конце библиографической ссылки. Проверять наличие DOI статьи следует на сайте <http://search.crossref.org/> или <https://www.citethisforme.com>.

References (стиль Harvard): для зарубежных баз данных приводится полностью отдельным блоком, повторяя список литературы к русскоязычной части, независимо от того, имеются или нет в нем иностранные источники. Если в списке литературы есть ссылки на иностранные публикации, то они полностью повторяются в списке, готовящемся в романском алфавите. В *References* совершенно недопустимо использовать российский ГОСТ 7.0.5-2008. Библиографический список представляется с переводом русскоязычных источников на латиницу. При этом применяется транслитерация по системе BSI (см. <http://ru.translit.net/?account=bsi>). Онлайн-помощник оформления библиографии (только статьи из газет или журналов) <http://publishing-vak.ru/clearance-bibliography.htm>

Авторская справка содержит: фамилию, имя, отчество (полностью) автора, ученую степень (год присвоения), ученое звание (год присвоения), должность по основному месту работы; указывается количество научных публикаций автора; сфера научных интересов: (несколько слов, словосочетаний); e-mail; контактный телефон. Также требуется включать идентификационный номер исследователя ORCID (Open Researcher and Contributor ID), который отображается как адрес вида <http://orcid.org/xxxx-xxxx-xxxx-xxxx>. При этом важно, чтобы кабинет автора в ORCID был заполнен информацией об авторе, имел необходимые сведения об его образовании, карьере, публикациях.

Перечень основных тематических направлений журнала

Философия (по научным специальностям):

- 09.00.01 – Онтология и теория познания;
- 09.00.03 – История философии;
- 09.00.04 – Эстетика;
- 09.00.05 – Этика;
- 09.00.07 – Логика;
- 09.00.08 – Философия науки и техники;
- 09.00.11 – Социальная философия;
- 09.00.13 – Философская антропология, философия культуры;
- 09.00.14 – Философия религии и религиоведение.

Социология (по научным специальностям):

- 22.00.01 – Теория, методология и история социологии;
- 22.00.04 – Социальная структура, социальные институты и процессы;
- 22.00.05 – Политическая социология;
- 22.00.06 – Социология культуры;
- 22.00.08 – Социология управления.

Языкознание (по научным специальностям):

- 10.02.04 – Германские языки;
- 10.02.19 – Теория языка;
- 10.02.21 – Прикладная и математическая лингвистика.

Рукописи печатаются бесплатно.

Технические вопросы можно выяснить по адресу: discourse@etu.ru

Редакторы: *О. Н. Артунян, Н. В. Кузнецова,*
Н. Ю. Меньшенина
Компьютерная верстка *Е. А. Орловой*

Editors: *O. N. Artunian, N. V. Kuznetsova,*
N. Yu. Men'shenina
DTP Professional *E. A. Orlova*

Подписано в печать 25.06.20. Формат 60 × 84 1/8.
Бумага офсетная. Печать цифровая. Гарнитура «Times New Roman».
Уч.-изд. л. 12,76. Печ. л. 20,0. Тираж 300 экз. (1-й завод 1–150 экз.). Заказ 61.

Signed to print 25.06.20. Sheet size 60 × 84 1/8
Educational-ed. liter. 12,76. Conventional printed sheets 20,0. Number of copies 300.
Printing plant 1–150 copies. Order no. 61

Издательство СПбГЭТУ «ЛЭТИ»
197376, С.-Петербург, ул. Проф. Попова, 5. Тел. / факс: +7 (812) 346-28-56

ETU Publishing house
5 Professor Popov Str., St Petersburg 197376, Russia
Tel./Fax: +7 (812) 346-28-56